

ПИОНЕР

ДЕКАБРЬ 12

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА». 1967 г.

Это игры на снегу,
это игры
на бегу

ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

ДЕКАБРЬ 12

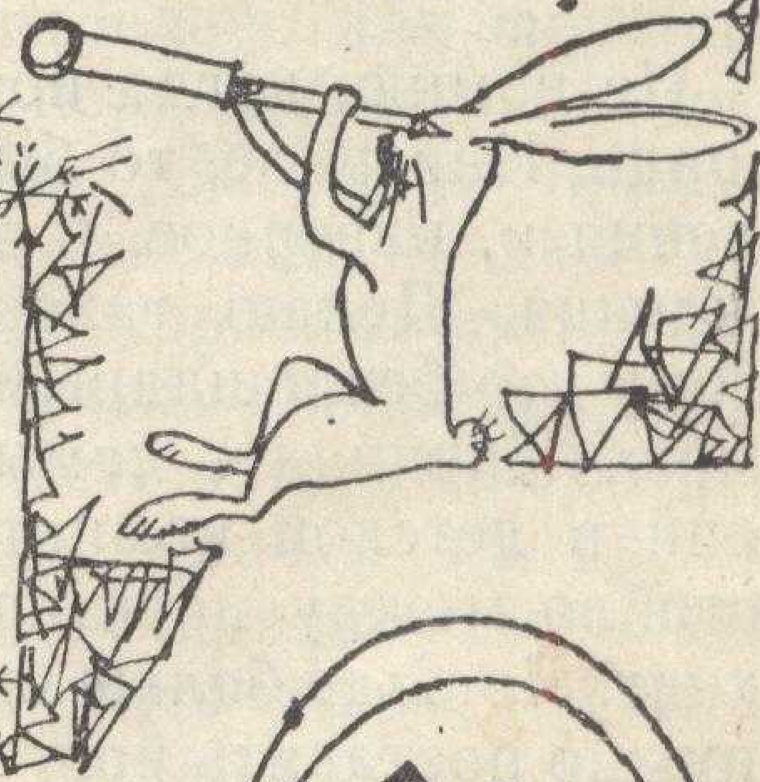
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» 1967 г.

Этот номер журнала последний в этом году. Теперь никогда ты уже не будешь писать в тетрадке, на доске 1967. Год прожит, начинается новый, 1968-й, так теперь ты будешь писать и дома и в классе. Но прежде у тебя целых двенадцать свободных, чудесных каникулярных дней.

Вот песенка тебе на эти дни. Придумай мотив и пой погромче!

На льду катков каракули,
Хоккей-гони голы!
Ура!
Опять каникулы!
Кани-кулы!
Леса прорыты криками
И лыжами
Насквозь.
Эй, помни о каникулах,
О прочем — брось!

Тетрадки и учебники
На время —
Прочь!
Нас ждут друзья-кочевники:
Костер и ночь.
Бегом,
Чтоб сердце прыгало,
В груди, как мяч.
Смотри, пройдут каникулы,
Тогда не плачь!

У тебя, наш читатель, мы знаем, каникулы зря не пройдут. Ты и в лесу побываешь, и на елках, и почитать найдешь время. Так вот тебе на каникулы этот номер, а в нем...

Сергей ЛЬВОВ

Рисунки Ю. ЧЕРЕПАНОВА

Из книги рассказов о детстве

Не помню, когда появилась в детской лошадь. Наверное, то было в день моего рождения и, наверное, в очень давний день рождения. Делаю такое предположение, потому что безлошадным себя в детстве не помню. Начиная с самых ранних воспоминаний в детской комнате стоит лошадь. Ее стойло между моей кроватью и полкой для книг. Лошадь большая. Чтобы влезть на нее, нужно поставить ногу в стремя.

На лошади настоящее седло, желтое, кожаное, с синей суконной подкладкой, которая выступает из-под седла. Седло не снимается, оно приделано к лошади навсегда. Но это я замечу, когда мне начнут читать книги, в которых лошадей заседлывают и расседлывают. Тогда я почувствую, как это плохо, что к моей лошади седло приделано, и я ее разлюблю.

Но до этого еще далеко. Пока что в своей лошади я души не чаю. У нее рыжая шкура — волосок к волоску. Судя по шкуре, она одной породы со школьными ранцами. Но мысль об этом родстве тоже придет мне в голову гораздо позже. У нее длинный черный хвост, короткая грива торчком и челка — все из настоящего конского волоса. У нее огромные, глубокие и прозрачные карие глаза с черными точками в глубине. У нее розовые ноздри. И чуть приоткрытый рот, в котором видны ровные белые зубы.

Я кормлю рыжую лошадь хлебом с ладони. Я приношу рыжей лошади мой любимый хлеб—пеклеванный. Теперь такого не делают. И она ест. Она утыкается мне мордой в ладонь, и пеклеванный хлеб исчезает с ладони.

Я сам, дождавшись, когда останусь в комнате один, провертел у нее в горле дырку. Это была трудная работа. Я догадывался, что взрослые меня не похвалят, и торопился, чтобы они мне не помешали. А еще я торопился потому, что жалел лошадь. И я уговаривал ее так, как уговаривали меня, когда доктор смотрел мне горло ложкой. Взрослые не пришли. Лошадь вытерпела.

Зато теперь, когда я кладу на ладонь кусочек хлеба и подношу ладонь к ее морде, рыжая лошадь может его проглотить. И она глотает хлеб охотно: внутри под телячьей шкурой, которой она обтянута, под папье-маше и деревом, из которого она сделана, у нее пустое брюхо. Но тогда я не думал про папье-маше и про дерево. Я кормил свою рыжую лошадь, и она ела.

Как у всякой игрушечной лошади, у нее были колесики. На лошадь можно было сесть, чтобы кто-то тянул ее за веревочку, и тогда она ехала на колесиках. Иногда это годилось. Например, если я был раненым всадником. Такой раненый всадник, сделан-

ный из фарфора, стоял у нас в горке. Раненный, я сидел на лошади, а соседский мальчик Рома уводил лошадь под уздцы с поля боя. Но когда я играю один, от колесиков мало проку: сам себя не повезешь. Можно привинтить к лошади полозья качалки, тогда она скачет галопом...

Потом мы—я и соседский мальчик Рома—научили рыжую лошадь новым штукам. На полу расставлялись кегли, лошадь вставала на кегли, я садился на лошадь, Рома выбивал кегли из-под лошади. От такого скачка дух захватывало: было неизвестно, сколько кеглей удастся ему вышибить, наклонится лошадь вперед, назад, на правый бок или на левый или твердо станет на все четыре ноги. Прыжок этот сопровождался грохотом. Сразу же появлялись взрослые с вопросом:

— Что у вас тут происходит?

Если взрослые спрашивают: «Что у вас тут происходит?»,—это не значит, что они ждут ответа. Нет! Этим вопросом они говорят: «Что бы у вас тут ни происходило, пусть больше не происходит!»

А потом нас повели в цирк. В цирке моего детства сильно пахло лошадьми. В цирке

моего детства главное место в программе занимали дрессированные лошади. В цирке моего детства был обычай, которого теперь нет.

В антракте можно было пройти туда, откуда галопом вылетали лошади.

Можно было подойти к ним: они стояли за загородкой.

Можно было посмотреть на них вблизи.

Можно было купить у служителя морковку и протянуть ее лошади. Служитель объясняет, как ее нужно протягивать. Ее нужно положить на открытую ладонь и протянуть лошади. И тогда гордая цирковая — белая в серых яблоках — лошадь, пританцовывая, подходит к барьеру, наклоняет гордую голову, фыркает розовыми ноздрями и, чуть дотрагиваясь до ладони и щекоча ее своим теплым дыханием, снимает губами морковку с ладони и громко хрустит ею. Совсем, как моя рыжая, когда я дома кормлю ее хлебом.

На спине цирковой лошади маленькое седло, в которое вставлены кольцо и пучок страусовых перьев. Сквозь кольцо идут ремни к голове лошади. Они заставляют ее красиво изгибать голову. Но пока она стоит в своем стойле, ремни отпущены, а металлические удила вынуты изо рта, чтобы она могла мотать головой и жевать морковку. Второй пучок страусовых перьев приделан у нее на голове. Если лошадь белая, перья тоже белые, если она черная—они черные. Но дело, конечно, не в цвете. Дело в перьях. Без них моя рыжая лошадь никогда не станет похожей на цирковую.

Я заспешил домой. Я знал, где достать перья.

Дома после цирка нас покормили обедом, а после обеда заставили отдыхать. Но ничего этого я не помню. Помню ножницы, тюбик с клеем «Синдетикон» и старую мамину шляпу с розовым страусовым пером. Все это подготовлено для операции по пересадке пера на голову моей рыжей лошади. Операция прошла успешно. Впоследствии, когда я стал чуть постарше, взрослые полюбили задавать мне разные вопросы, чтобы дать возможность остроумного ответа. На вопрос: «Зачем ты срезал перья с маминой шляпы?» — полагалось отвечать: «Кто же носит сейчас страусовые перья?» Страусовых перьев действительно давно никто не носил, и шляпа, с которой я их срезал, досталась маме от бабушки и лежала без дела. Но ответ, по-моему, я придумал не сам. Его придумали взрослые, но сделали вид, что его придумал я, и очень радовались. У каждого возраста свои игры!

Итак, моя рыжая лошадь украсилась перьями. Шея у нее была с самого начала изо-

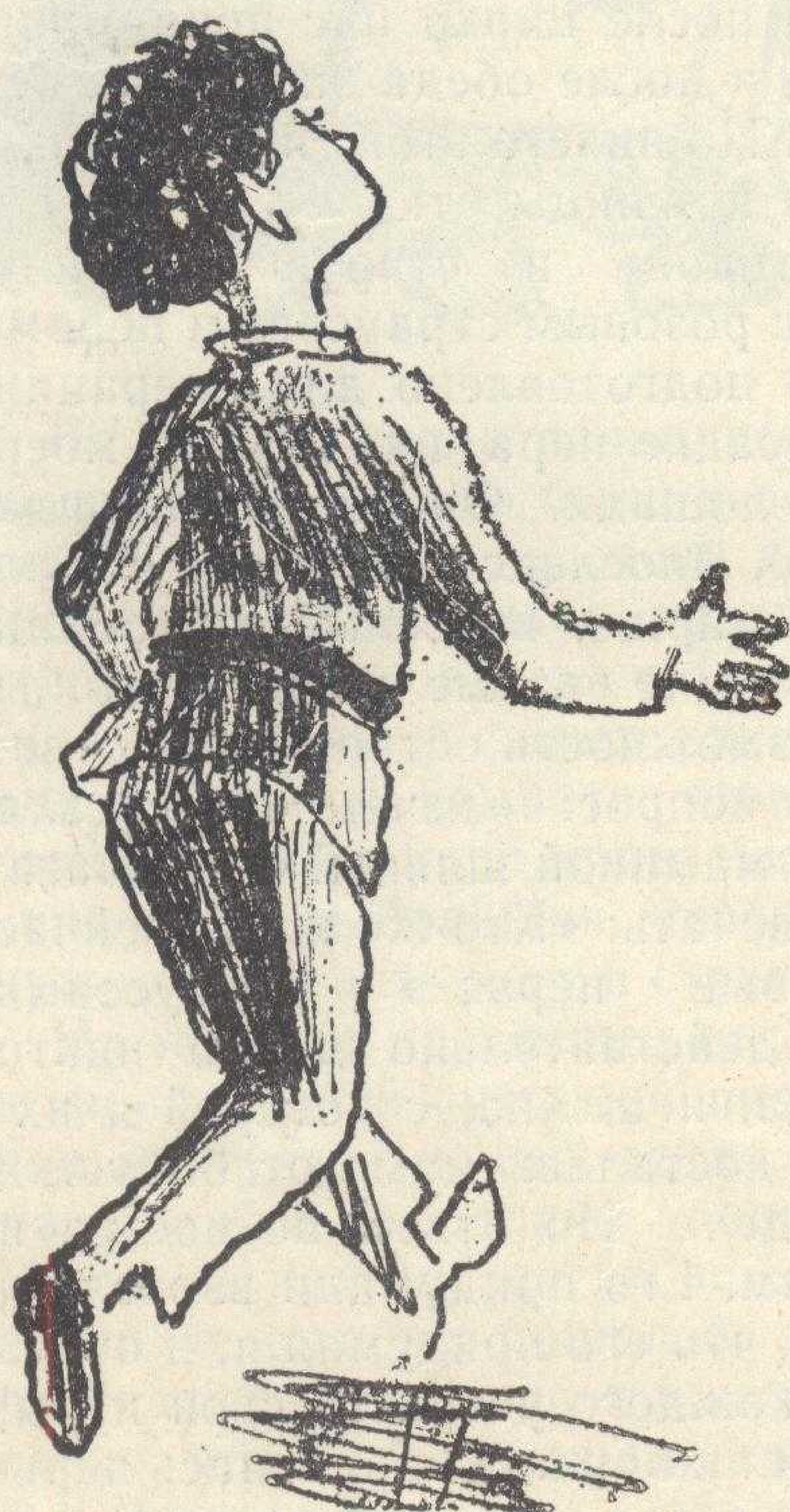
гнута, как у цирковой, рыжая шкура блестела. Но все-таки для полного сходства чего-то недоставало или, напротив, что-то было лишним. Я отошел от нее на два шага, взглянул на нее издали и все понял. Теми же ножницами, которыми я срезал перья со шляпы, я отхватил у рыжей лошади длинный черный хвост. Теперь она стала совсем как лошадь в цирке.

Потом в моей памяти наступает провал. Проходит много дней, может быть, недель, может быть, даже месяцев: рыжая лошадь с плюмажем из страусовых перьев стоит в своем стойле между кроватью и этажеркой. Там, где прежде был пышный черный хвост, виднеется облезлый кусочек кожи и гвоздики, которыми прибит хвост. Эти гвоздики я заметил в то же самое время, когда увидел, что седло тоже прибито, когда понял, что лошадь неживая.

Больше я не играю с ней и не кормлю ее. Я знаю, что хлеб нужно протолкнуть в дырку, которую я сам просверлил у нее в горле, и мне скучно притворяться перед самим собой, что я этого не знаю.

Но вот однажды, когда я был в гостях, нам прочитали рассказ про мальчика и про лошадь. Он жил с матерью в доме посреди глухого леса. Мать заболела. Мальчик оседлал лошадь и поскакал в город за врачом. Врач приехал, осмотрел больную, сказал, что она опасно больна. Он останется при ней, но нужно немедля привезти лекарство. Мальчик снова поскакал в соседний городок в аптеку. По дороге он попал в грозу. Хлестал дождь, грохотал гром, только молнии освещали узкую лесную тропинку. Лошадь выбилась из сил, мальчику было страшно. И он всю дорогу подбадривал себя тем, что уговаривал лошадь. Среди ночи он привез лекарство, а когда утром вошел в конюшню, увидел, что лошадь тяжело дышит: он загнал ее.

В этом рассказе была точка, на которой замирало дыхание, и казалось, что дальше невозможно читать!

Это точка была там, где мальчик, который уже знал, что лекарство помогло матери, входил в конюшню и обращался к лошади,

чтобы сказать: «Мы спасли ее!» А лошадь даже не могла посмотреть на него, и тут он заметил, что ночью забыл расседлать ее, обтереть, дать ей воды. Он принес ей ведро с водой, но она не пила. Он насыпал ей овес в кормушку, но она не ела. Потом в этом рассказе описывалось, как мальчик начал выхаживать ее и как он ее выходил...

Едва нам дочитали рассказ, я представил себе бешеную скачку на своей рыжей лошади. Я сниму с нее плюмаж. Зачем скаковой лошади цирковой плюмаж? Я поскачу на ней по темному лесу, а потом буду выхаживать ее после этой скачки.

Я вернулся домой: сейчас я оседлаю свою лошадь, и мы поскачем с ней в дальний город, в котором живет врач. И когда она будет на лесной тропке спотыкаться о корни, я буду подбадривать ее, как мальчик в том рассказе.

Но лошади в стойле между моей кроватью и книжной полкой не было.

— Где моя лошадь? — спросил я.

— Ты ее забросил, и мы отдали ее другому мальчику,— сказала мама.

— Зачем отдали мою лошадь? — закричал я.

— Ей у него лучше. Ты видишь, он с ней играет.

— Когда отдали мою лошадь?

— Давно. Ты этого даже не заметил.

Но однажды, когда я выглянул во двор, мне показалось, что мальчик из соседнего дома вывел на улицу мою рыжую лошадь. Двор был залит мартовским светом, и рыжая лошадь казалась красной. И тот, другой, мальчик протянул ей ладонь с хлебом. И она взяла хлеб у него с ладони. Потом он сказал ей слова, которых я не расслышал, потому что окна были еще замазаны на зиму. Но я видел сверху, что она слушает его так, как раньше слушала меня.

И тогда я сбежал по лестнице во двор, чтобы еще раз взглянуть на свою рыжую лошадь, которая стала красной и которую кормит другой.

Мальчик на красной лошади был в дальнем углу двора, там, где еще лежал последний сугроб ноздрястого, темного снега. Я кинулся к сугробу, но мальчик пришпорил красную лошадь, и она перемахнула через черный сугроб. Я кинулся за ним вдогонку. Но не смог догнать его: я догонял его пешком, а он ускакал от меня на лошади.

На красном коне, который когда-то был моим.

●

ЛЕКАРСТВО ОТ ФАНТАЗИИ

Когда люди становятся взрослыми, плохо спят по ночам и называют тревогу, которая будит их и мешает им снова уснуть, бессонницей, они думают, что у детей бессонницы быть не может. Откуда? Какие у детей тревоги? Какие заботы? С чего им не спать? Мы слишком прочно забываем свое детство.

Пока мы были маленькими, у каждого вечера был твердо установленный порядок. Нас отправляли из большой комнаты, которая была и столовой, и папиным кабинетом, и родительской спальней, в ванную, чтобы мы почистили на ночь зубы и умылись. Потом мы укладывались спать в нашей комнате и, улегшись, кричали:

— Мама! Мы легли!

Мама входила в нашу комнату, подтыкала каждому одеяло, целовала, говорила «Спокойной ночи!» и уходила в большую комнату. Она закрывала за собой дверь, но оставляла маленькую щелку, сквозь которую на пол падала узенькая полоска света. Мы глядели на эту полоску света, слушали разговоры вполголоса, доносившиеся из комнаты взрослых, и постепенно засыпали.

Утром, едва проснувшись, Юра кричал мне:

— А я видел сон!

Я тоже видел сон. Все люди видят сны, но я не умел запоминать и рассказывать сны и до сих пор не люблю, когда рассказывают сны, когда их описывают в книгах или показывают в кино. По-моему, это всегда непохоже.

Но Юра, когда он был маленьким, обязательно должен был рассказать сон, который видел ночью.

— Я видел: пришла кошка,— говорил он и замолкал.

— Какая кошка? — спрашивал я.

Он обижался:

— Кошка и кошка... Пришла кошка. Потом пришла собака. Она съела кошку. Потом пришел...— Юра задумывался.—...Волк. И он съел собаку. Потом пришел слон. И он съел волка. Потом пришел медведь. И он съел слона.

— Медведь не может съесть слона,— перебивал я.— Слон больше медведя.

— Может.

— Нет, не может!

— Нет, может. Может! Может! — У Юры начинало дрожать лицо.

Тут в детскую входила мама и говорила:

— Вы почему ссоритесь? Ты опять обижал младшего?

— Я не обижал. Я сказал, что медведь не может съесть слона.

— А он съел. Мне приснилось: он съел.

— А что тебе еще приснилось, маленький? — ласково спрашивала мама.

— А еще бегемот. Он пришел и съел медведя.

Мама растерянно замолкала, а потом восклицала:

— Ай-ай, бедный медведь!

— И не бедный. Он сам съел слона.

Мама снова растерянно замолкала, а потом говорила:

— Значит, поделом!

Юра морщил лоб. На этот раз он не обижался. Он просто хотел запомнить новое слово «поделом», и еще он спешил, чтобы рассказать свой сон дальше:

— Потом пришел жираф и съел бегемота. И поделом!

Я знал, что, если мы его не остановим, этот сон, где каждый зверь съедает другого — и поделом,— никогда не кончится. И однажды я объявил:

— И ничего тебе не снилось. Все ты выдумал. Не может быть, чтобы каждый день снилось одно и то же.

— Нет, снилось! Нет, снилось!!! Нет, снилось!!! — закричал Юра, и тогда снова пришла мама и сказала, чтобы я не обижал младшего.

На следующее утро я опередил Юру.

— А сегодня мне снился сон!—сообщил я.

— Какой? — с интересом спросил Юра и сел в своей кровати.

— Пришел слон,— сказал я и увидел, что Юра широко открывает глаза, совсем так, как открывает их мама, когда он рассказывает ей сон.

— Потом пришла кошка и съела слона, потом прилетела ворона и съела кошку, потом приплыла селедка и проглотила ворону.

Что произошло дальше, невозможно описать.

— Это мой сон! — завопил Юра изо всех сил.— Зачем он видел мой сон?

А когда я, не останавливаясь, стал продолжать:

— ...Пришел кенгуру и проглотил селедку!» — он зажал уши и горестно заплакал. На этот раз мама не пришла. Она прибежала. Она долго не могла успокоить Юру. Потом увела меня в другую комнату и строго сказала:

— Большой, умный, а поступаешь так глупо. Стыдно! Должен был понять: он учится говорить. Днем запомнит название нового зверя, а утром тебе рассказывает. Думаешь, мне всегда интересно слушать то, что ты рассказываешь?

— А зачем ты слушаешь? — обиделся я.

— Нет, конечно, интересно,— стала исправлять мама свою обмолвку.—Я слушаю, потому что мне интересно и чтобы ты учился рассказывать.

На следующее утро я спросил Юру:

— Ну, что тебе сегодня снилось?

— Ничего! — ответил он угрюмо и отвечал так очень долго.

И только через месяц, а может быть, через два, он закричал еще из своей постели:

— Мне снилось: пришла кошка. Рыжая! Пушистая! Я к ней, а она в окно...

И я понял, что Юра действительно рассказывает сон, и стал его слушать. А сон был увлекательный, только кончался на самом интересном месте...

А иногда с вечера я долго не мог уснуть или просыпался среди ночи.

Дверь в большую комнату притворена, и полоса света уже не падает в детскую. В квартире темно и тихо, и слышны те звуки, которые не слышны днем. Когда по Садовой проезжает трамвай, в рамах окон начинают звенеть стекла. Когда по улице проезжает автомобиль, по потолку и стенам пробегают быстрые полосы света. И в этих полосах слабого света кажется, что в комнате кто-то есть. Высокий, худой, стоит в углу между окном и дверью. Затаился в темном углу и молчит. А сейчас, когда пробежала новая полоса света, пошевелился и подвинулся.

Он не один. На стуле сидит другой — маленький, толстый. Тоже затаился и молчит.

Позвать взрослых?

Но эти двое — длинный и маленький — притаились у самых дверей.

Когда мама будет входить в нашу комнату — а войдет, если я позову, конечно, мама,— они могут броситься на нее. Разбудить Юру? Не надо. Он маленький, он только испугается. Зажечь свет?

Выключатель у двери, около которой притаился длинный, я не успею протянуть руку к выключателю... Что делать?

Я лежал так, глядя на потолок, по которому изредка пробегали полосы света от фар, слушал, как тонко звенят стекла, когда проезжает трамвай, как цокает подковами лошадь ломовика или извозчика, как ругается пьяным голосом ночной прохожий, и боялся. Иногда я так долго боялся, что сам не замечал, как засыпал, и не знал потом утром, приснились мне эти затаившиеся в углах люди или привиделись, когда я не спал.

А иногда я вскакивал с кровати, босиком подбегал к выключателю, зажмурившись, поворачивал его,— маленький и короткий оказывался моим костюмом или папиной курткой, повешенной на спинку кресла,

длинный и худой — тяжелым краем шторы, который мама отодвинула, чтобы в комнату проходил воздух из форточки... Юра спокойно спал в своей постели, но уже начинал шевелиться, потому что ему в лицо бил свет из лампы, которая висела под потолком. Я поворачивал выключатель, ложился в свою постель, обнимал подушку и тоже засыпал.

Иногда страхи были совсем другие. Мне снился пожар. Пожар, которого я никогда не видел, но которого боялся.

Пожар начинался, как в стихотворении Маршака. На кухне из плиты вываливалось горящее полено. Я хотел засунуть его в печь, но оно мне не давалось. От него загорался пол и стены, и я не мог подойти к водопроводному крану, чтобы залить его водой.

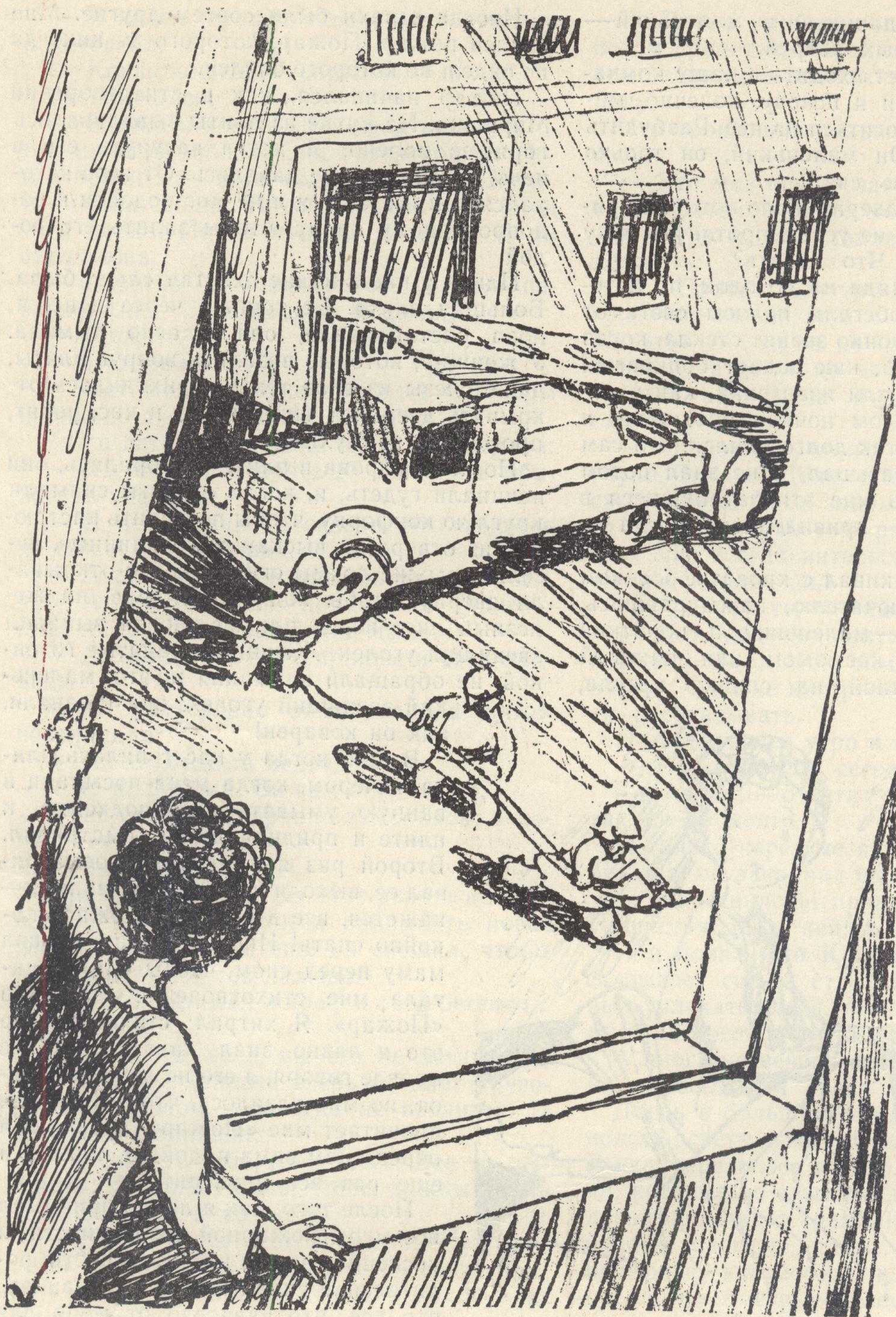
Плита у нас в кухне действительно была. Большая плита. Ее топили через день, и, пока растапливали, она ужасно дымила. У женщин, которые возились вокруг плиты, даже слезы из глаз текли, приходилось открывать дверь на черный ход, и нас, ребят, прогоняли из кухни.

Но потом дрова в плите разгорались, они начинали гудеть, и, когда с плиты снимали круглую конфорку, чтобы поставить кастрюлю, из отверстия выскакивали длинные, веселые, рыжие лохмы огня, а когда открывали дверцу, чтобы подложить дров, на железный лист перед плитой иногда выпадал звенящий уголек. Женщины, занятые готовкой, не обращали внимания на этот маленький звенящий уголек: они не знали, как он коварен!

В дни, когда у нас топилась плита, вечером, когда меня посылали в ванную умываться, я подходил к плите и придирчиво ее осматривал. Второй раз я придирчиво осматривал ее, выходя из банной комнаты, — кажется, все в порядке, можно спокойно спать! Иногда я еще просил маму перед сном, чтобы она прочитала мне стихотворение Маршака «Пожар». Я хитрил: стихотворение это я давно знал наизусть, и, по правде говоря, я его не любил: боялся, но мне казалось, что, если мама прочитает мне «Пожар» вслух, она перед сном сама подойдет к плите и еще раз все проверит.

После того как я лично принимал все меры пожарной безопасности и косвенно взывал к бдительности родителей, я укладывался с сознанием, что все, что зависело от меня для целости дома, я сделал. И все-таки ночью мне часто снился пожар. И, хотя я не любил рассказывать сны, об этом сне я рассказывал всегда. Мне хотелось, чтобы не только я, но и мои родители были настороже.

Взрослые выслушивали мой рассказ о пожаре, увиденном во сне, внимательно, а если спрашивали, то всегда одно и то же:

— А огонь был?

Странный вопрос! Но попробуйте рассказать кому-нибудь из ваших знакомых, особенно из женщин, что вам приснился пожар, и они обязательно спросят вас, был ли огонь.

И когда я отвечал с замиранием сердца, потому что помнил, как страшно выглядел во сне этот огонь, с которым я не мог справиться: — Был огонь! Был! Был! — они, эти странные люди, говорили с удовлетворением: — Это хорошо! Если снится пожар с огнем, это хорошо!

Думаю, что это говорила не мама, которая

не верила ни в какие приметы, кроме черной кошки, и не папа, который тоже не верил ни в какие приметы, кроме того, что, если идешь по важному делу, не годится возвращаться с полпути; это говорил кто-нибудь из женщин на кухне, но мне было все равно. Я понимал, что рассказывать взрослым про мой огненный сон бесполезно, они будут так же беспечно и завороженно глядеть на огонь в кухонной плите...

Однажды я услышал во сне звон пожарного колокола и звук пожарной трубы.

На тогдашних пожарных машинах не было сирены, у них спереди рядом с местом шофера висел колокол, и пожарный, который сидел рядом с шофером, на ходу звонил в этот колокол, а другой, который сидел на длинной скамейке, тянувшейся вдоль всей машины (на двух таких скамейках, сдвинутых спинками, сидели пожарные в медных касках, они держались за петли вроде тех, которые теперь бывают в трамвайных вагонах, чтобы не сваливаться при быстрой езде), и подавал тревожный сигнал в сверкающую медную трубу. Иногда, когда мы ходили гулять, мимо нас проносились такие машины.

Вначале мне показалось, что я сплю и звон колокола и звук трубы мне снятся. Но звуки приближались от площади к нашему дому, потом к ним присоединилось шуршание шин, и по потолку детской пробежал отсвет фар. На секунду стало тихо, а потом под самыми окнами нашего дома стали слышны голоса. И снова издали донесся звон колокола и звук трубы, и снова он усилился, и снова к нему присоединилось шуршание шин, и снова по потолку пробежал отсвет фар, а потом все затихло, и я услышал голоса перед нашим домом, которых теперь стало больше.

Я сел в постели. Я все понял! Это — то, что мне так часто снилось. Наш дом горит, к нему подъезжают пожарные машины, и только у нас в квартире никто ничего не знает, кроме меня.

Пять минут я просидел в постели с бьющимся сердцем, в странном оцепенении, не решаясь подойти к окну и выглянуть на улицу. Оттуда доносилась разноголосица звуков: шарканье, стук, плеск воды,— но я не знал, что они означают и как велика опасность.

Наконец я пересилил себя, встал, пробежал босыми ногами по полу, забрался на подоконник и поглядел вниз. Все было, как я и думал! У тротуара перед нашим домом стояли три пожарные машины, а из люка в мостовой тянулась толстая змея пожарной кишки...

Когда я вбежал в большую комнату и разбудил маму, она постаралась успокоить меня, а папе, который тоже проснулся и никак не мог понять, что случилось и о чем мы говорим в темноте, строго сказала:

— Я же говорила, Левушка, что нужно посоветоваться с Гольдом. (Гольд — так звали знаменитого детского доктора, который жил на Арбате).— Эти ночные страхи меня серьезно беспокоят.

— Хорошо,—кротко сказал папа.— Посоветуемся с Гольдом. А сейчас давайте спать.

— Зачем Гольд?! — закричал я.— Как спать! Посмотрите с балкона.

Папе очень не хотелось вставать. Но я вцепился ему в руку и потащил его с постели.

— Действительно, надо посоветоваться с Гольдом,— сказал он сердитым и сонным голосом, нашаривая ногами шлепанцы.

— Скорее, папочка, скорее!..

Я уже ясно вообразил, как длинный язык пламени, изогнутый, как змея, завернет сейчас с улицы в окно, и мы даже не сможем подбежать к окну, чтобы крикнуть пожарным, что здесь еще остались люди.

— Странно,— сказал папа.— Не могу же я выйти на балкон в таком виде. Где халат? В этом доме никто не кладет вещи на место!

Наконец папа надел халат, открыл дверь на балкон, вышел, вернулся с балкона и сказал:

— А ведь у нас в самом деле пожар! Спущусь-ка я вниз, погляжу...

Он вышел в коридор, накинул поверх халата пальто и зашлепал к входной двери.

— Левушка, куда ты? — крикнула вдогонку мама.

Теперь я точно знал, что происходит. Я быстро вбежал в детскую. Оделся, разбудил Юру, который тоже, как и папа, не хотел просыпаться, и стал одевать его. Мне было очень страшно. Почему так долго не возвращается папа?

Когда папа вернулся, мы с Юрой сидели одетые в большой комнате, а мама нервно ходила от дверей, через которые ушел папа, к балкону, с которого были видны пожарные.

— Ну что?

— Ничего страшного! Загорелось в подвале, в мастерской! Скоро погасят. Ложитесь спать.

Ложиться спать, когда в нашем доме горит подвал, а перед домом пожарные машины!

— Дети все равно не уснут,— сказала мама. Она помолчала и добавила:— И я тоже.

Укутавшись в одеяла, мы долго сидели в большой комнате, и папа рассказывал, какие пожары бывали в Нижнем, когда он был маленьким, и как горели целые улицы деревянных домов, и почему теперь в Москве в каменном доме можно спокойно сидеть на третьем этаже, если что-то загорелось в подвале. А мама рассказывала о том, как в местечке, где она жила, организовалась добровольная пожарная команда, и какая красивая форма была у дедушки, когда он записался в эту пожарную команду, и как весь город сбегался на учения...

Потом она приготовила чай, и мы пили среди ночи чай и ели бутерброды. Тем временем внизу снова прозвучала пожарная труба, только уже другим голосом, звякнул колокол, прошуршали шины, и пожарные уехали.

— А как ты узнал, что в доме пожар? — спросил вдруг папа.

И я рассказал, как мне приснилось, что мне снится пожар, а потом оказалось, что пожар мне не снится, а машины действительно едут к нашему дому, и как я понял, что огонь, изогнутый, как змея, сейчас заглянет в наше окно с улицы...

Я рассказывал долго, родители слушали меня внимательно, а на следующий день срочно повезли к доктору Гольду.

Доктор Гольд долго стучал по мне молоточком, прикладывал ко мне трубку, заставлял открывать рот, закрывать глаза, щекотал пятки и спрашивал, какие я знаю стихи. Потом по указанию родителей я рассказал ему историю про пожарные сны и про пожар, впрочем, уже без особого воодушевления.

Доктор Гольд долго думал и объявил, что я здоров.

— А фантазии? — спросила мама.

— Против фантазий нет лекарства,— ответил доктор Гольд.— Впрочем, я, пожалуй, пропишу ему железо. Будешь принимать железо?

Я кивнул головой. По дороге домой мы зашли в аптеку...

— Железо будет готово завтра утром,— сказали нам в окошечке.

И вечером я представил себе, как я буду сосать железную палочку, которую нам дадут утром в аптеке, потому что мне было ясно: прожевать железо невозможно. Но он сказал: «Принимать». Принимать — значит глотать. Когда Юра проглотил металлический шарик, его водили к доктору, правда, не к Гольду, а к тому, что живет поближе... И мама очень волновалась и даже плакала. Может быть, доктор Гольд не знает, что детям нельзя глотать железные шарики?..

Железо, помогающее от фантазии, оказалось довольно-таки противным порошком. Я принимал его две недели, но это не помешало мне сказать в детском саду, что я каждый день ем железо, и изобразить лицом, какое это трудное дело прожевать кусочек железа. Мои товарищи по детскому саду посмотрели на меня с большим уважением. И только мальчик, с которым мы враждовали, так как оба хотели быть главными в играх, сказал:

— Подумаешь, железо! Я ем мел!

И когда мы вернулись с прогулки, он действительно взял кусок мела, которым рисовала старшая группа, и стал с большим аппетитом его разжевывать.

Дома я рассказал об этом случае. Мама слушала и качала головой. Вечером я спросил маму, почему она не дает мне железа. Я не любил железо, но его полагалось заедать вареньем. Она сказала, что варенье даст мне и так, а от железа действительно нет толку. Видно, доктор Гольд был прав, и от фантазии нет лекарств.

— Но он правда ел мел! — закричал я.

— Ах ты мой выдумщик! — ласково сказала мама и ткнула меня в лоб мягкой ладонью.

Он назвался Иваном

Рассказ подполковника Гофмана о подлинных событиях, происходивших с ним в дни войны, прислан «Пионеру» редакцией «Фрози» — журнала немецких пионеров.

Подполковник Гофман рассказывал уже второй час, а ребятам казалось, будто он только начал, до того было интересно. И когда он, взглянув на часы, поднялся, его никак не хотели отпускать.

— Расскажите еще!

— Ну, пожалуйста!

— Еще пять минут!..

Подполковнику Гофману пришлось снова сесть.

— Иван был моим другом, — начал он. — Хотя я даже не знаю, так ли его звали на самом деле...

ДЕЛО ПОДРЯДЧИКА ФРИКЕ

Плотницкому ремеслу меня учили на фабрике подрядчика С. Н. Фрике — Лейпциг, 05, Остштрассе, 105. Мы делали детали для бараков гитлеровского вермахта. Немецких рабочих в цеху было мало: либо старики, вроде нашего мастера, либо мальчишки-ученики, вроде меня. Работали пленные англичане, французы и попавшие в плен советские воины. Русским приходилось особенно тяжело.

Почти каждый день к нам в цех приходил нацистский уполномоченный Штрайхер. Он кричал на русских:

— Эти большевистские свиньи еще не подохли? А ну, давайте живее, живее, работайте, собачьи дети!

Мы в эти минуты не поднимали голов: того и гляди, получишь подзатыльник.

ОТЕЦ И ЕГО ДРУЗЬЯ

Как-то я рассказал отцу о советских военнопленных. Он был безработным, мой отец, потому что был коммунистом.

— Сколько их работает у вас? — спросил он.

— Пятьдесят, — ответил я.

Отец задумался.

— А ты не мог бы им кое-что передать?

В первое мгновение я испугался. Это было категорически запрещено. С нас, учеников, не спускал глаз мастер Пауль Махальс. А уж о Штрайхере нечего было и говорить... И где можно сунуть пленному сверток? Во дворе, у досок? Едва ли... Прятать свертки в стеллаже? Там их может взять кто угодно. А в сушилке? Пожалуй. В сушилке не было окон, и там стояла такая невыносимая жара, что Штрайхер приказал, чтобы на этой «свинской работе» были заняты одни русские.

— Отец, я знаю, как это можно сделать!

Я очень радовался, что вспомнил о сушилке

Я ДРУГ, ПОНИМАЕШЬ?

Три дня спустя отец позвал меня в свою комнату. Это была маленькая темная комнатка, где стоял радиоприемник. Нам разрешалось заходить сюда только по воскресеньям. А отец просиживал здесь все вечера. Иногда к нему приходили ненадолго

гости. Но он никогда не называл нам их имена.

Отец достал из шкафа буханку хлеба, пачку соли, спички, три или четыре пачки сигарет.

— Это передают русским наши товарищи, — сказал он. — Будь осторожен, Хайнц.

На другой день я принес сверток в цех и спрятал за горой ящиков. Мастер ничего не заметил. Те десять—пятнадцать минут, пока первые доски попали в сушилку, показались мне вечностью. Пленный, который их нес, был высокого роста, светловолосый и голубоглазый. Я достал свой сверток из-под ящиков, сунул его под передник и направился в сушилку. Пленный удивленно взглянул на меня. Я быстро сказал:

— Я друг! Понимаешь?

Нет, он не понял. Тогда я добавил:

— Отец — коммунист, понимаешь? — И отдал ему сверток.

— Это для тебя и твоих товарищей.

Услышав слова «коммунист» и «комрад», он сразу все понял. Бросив быстрый взгляд на дверь, он спрятал сверток под рубахой и отчетливо, по слогам произнес:

— Спа-си-бо! — И протянул мне руку:— Я Иван!

Я сжал его руку в своей и кинулся к двери. И тут передо мною вырос Пауль Махальс.

— Ты где это шляешься? — проворчал он.

От страха я начал заикаться...

— В ссу-су-шилке. Т-там д-доски...

А тут еще появился Иван. Он повернулся к мастеру спиной, но все равно было видно, как оттопыривается его рубаха. «Не дай бог, мастер заметит»,— подумалось мне. Мастер взглянул на меня, потом на пленного и прикрикнул:

— А ну давай на место!

...Начиная с того дня я дважды в неделю передавал Ивану продукты и медикаменты, белье, соль и сигареты. Иван понемногу осваивал наш язык.

— Мои товарищи и я, мы благодарим немецких коммунистов,— сказал он мне однажды.

ВАЖНОЕ СООБЩЕНИЕ

Как-то ночью я проснулся и вышел в коридор. Мне показалось, будто в комнате отца кто-то есть. На самом деле он сидел один у радиоприемника. «Что это отец там слушает?» — подумал я и навострил уши. Из приемника послышался негромкий перезвон колоколов и звучный мужской голос произнес:

— Говорит Москва...

И тут же женский голос, по-немецки:

— Говорит Москва... Говорит Москва...— Отец уменьшил звук. Только теперь я заметил, что перед ним на столе лежит лист бумаги и он что-то записывает. «Войска Красной Армии, — услышал я, — разбили сегодня части седьмой армии генерал - фельдмаршала Паулюса и заставили их капитулировать. Сталинград вновь в руках Красной Армии. Тысячи фашистских солдат сдались в плен...» Диктор продолжал называть цифры, но

Никто не видел, как я передал сверток, но что случилось потом...

отец уже не слушал. Положив карандаш, он радостно прошептал:

— Теперь судьба войны решена!

— Значит, Гитлер разбит, папа?—спросил я его. Отец вздрогнул от неожиданности. Он только сейчас заметил меня.

— Да, Хайнц.

Он положил руку мне на плечо.

— Теперь мы должны усилить сопротивление. Завтра ты передашь Ивану, что ты здесь услышал...

Он вышел из комнаты и вскоре вернулся с небольшим мешочком в руках. Это были картофельные хлопья, которые мать берегла для нас, четверых детей.

— Обойдемся,— сказал отец.

ВСТРЕЧА В СУШИЛКЕ

Следующий день ничем не отличался от вчерашнего. По крайней мере с утра. Я подождал, пока Иван прошел в сушилку, и пошел следом за ним. Иван уже ждал.

— Вот, пожалуйста, — сказал я, протягивая ему мешочек с картофелем, будто это была рождественская индейка. — Ведь сегодня праздник!

— Почему праздник? — не понял Иван.

Тут я подал ему листок со сводкой, которую принял ночью отец, и добавил:

— Красная Армия — Сталинград, Паулюс — капут.

Иван сразу все понял, обнял меня и поцеловал в обе щеки.

— Я к товарищам, быстро! — сказал он и метнулся к двери. В эту самую секунду она распахнулась. Мы увидели перед собой багровое лицо Штрайхера...

ДРУГ

— Это что еще за свинство?! — злобно прошипел Штрайхер.—Ты разве не знаешь, что немцам запрещено общаться с этими свиньями?

Он схватил меня за рубашку и затряс, как грушу. Иван поднял с пола груду досок и направился к двери.

— А вас, бандитов, я лишаю пищи.

В сушилку заглянул мастер Махальс. Нахмурив брови, слушал он крики Штрайхера, а потом и сам заорал:

— Вот оно что, сопляк ты эдакий! Значит, отлыниваешь, шляешься черт знает где? Что? Отвечай!

Я не сразу понял, что это была хитрость...

Штрайхер отпустил меня наконец, перевел дыхание и повернулся к мастеру:

— Этот щенок вздумал брататься с русскими. И нашел когда — в такой день! Я ему покажу! Сегодня же подам рапорт!

Рапорт — это значит немедленная отправка в лагерь строгого режима, а что будет с отцом...

— Да зачем рапорт, — пожал плечами Пауль Махальс. — Управимся как-нибудь и сами...

Не успел я глазом моргнуть, как он осыпал меня градом пощечин.

— Я из тебя выбью дурь. Забыл о приказе господина Штрайхера?

И снова пощечины. Никогда в жизни меня так не дубасили. Только потом я понял, что мастер этим самым спас мне жизнь...

Но несколько месяцев спустя я досрочно получил повестку в трудовой лагерь. Штрайхер все-таки постарался. Я показал повестку мастеру.

— Чертова война! — буркнул он и ушел в свою будку. Час спустя он поманил меня к себе.

— Хайнц, отнеси-ка эти доски в сушилку!

Иван был уже там. Мы попрощались.

— Не падай духом! Наши скоро придут! Фашизм капут! — утешал меня Иван.

Я обнял его и сказал, как он во время первой встречи:

— Спа-си-бо.

●

Подполковник окончил свой рассказ. Некоторое время все молчали. Тишину первым нарушил Уве.

— А после вы когда-нибудь слышали об Иване?

— И о вашем мастере?

— Что стало с вашим отцом? — послышались другие голоса.

Гофман вздохнул:

— Отца моего позднее арестовали гестаповцы и казнили в Лейпциге. В сорок четвертом. Пауль Махальс умер уже после войны. А Иван? В то время было много русских солдат, которых звали Иваном. Я был бы счастлив, если б узнал, что Иван жив. Иван, мой добрый друг, привет тебе!

Перевел с немецкого Е. ФАКТОРОВИЧ.

НА МАМАЕВОМ КУРГАНЕ

Каким бы путем ни попал ты в Волгоград — по реке ли пароходом, по воздуху ли самолетом, или просто поездом, — прежде всего ты увидишь огромную скульптуру на холме. Ее поставили в память героической битвы: двадцать пять лет назад здесь советские войска задержали фашистов, рвавшихся к Волге.

Пойдем посмотрим памятник — он начинается далеко от скульптуры, у самого подножия холма.

Гляди, сколько народу! Из трамваев, из троллейбусов все до одного выходят. Автобусы подъезжают с экскурсиями. Из спортивной машины вышли двое, говорят по-английски. А вот толпа ребят с учительницей идет со станции электрички.

Не торопись, погляди по сторонам. Направо — Волга, рукой подать. Налево — знаменитый Мамаев курган — круглая невысокая гора с пологим склоном. По склону поднимается широкая лестница, вот этими стенами огороженная. На стенах нацарапано штыком или, может быть, осколком снаряда: «Ни шагу назад», «За Волгой для нас земли нет». Это не строители памятника придумали надписи, — такие слова писали на руинах сталинградских домов защитники города.

Ты читаешь надписи, и вдруг... Что это? Пуля просвистела! Вторая... Ты даже голову пригнул. А в ответ отсюда, с нашей стороны фронта, застрекотал пулемет. Потом негромкий голос запел фронтовую песню. Песня оборвалась, как будто бы там далеко пошли в атаку...

Ты поднимаешься на Мамаев курган, и голос войны провожает тебя. А на последней ступеньке догоняет торжественное сообщение московского радио о разгроме фашистских войск под Сталинградом.

О том, чего стоила славная победа, напомнит тебе Зал воинской славы — круглое здание у вершины кургана.

Жаркое, тревожное пламя — Вечный огонь — бьется в центре круглого зала, отражается в мозаике стен, в золотых буквах на огромных мраморных знаменах. Снизу доверху исписаны они именами погибших здесь солдат и офицеров.

Сними, дружок, кепку!.. Видишь, сюда все входят с непокрытой головой в знак уважения к погибшим.

Идут, читают имена, и многие, как видно, находят своих — кто родных, кто друзей. Присмирела ребячья экскурсия, заплакала старушка, низко склонил голову пожилой англичанин.

Спирально кружится дорога, все выше по кургану. Могильные плиты лежат по ее обочине. Поклонись каждой, прочти и запомни каждое имя. А когда взойдешь на вершину, оглянись. Ты увидишь весь город, огромный и такой живой. Увидишь верфи, дома и школы. Увидишь дымы заводов — черный, сиреневый, даже розовый дым. А еще дальше увидишь светлую волжскую воду, куда так и не дошел враг.

ЛЕСНИК БУЛЫГА

Юрий КОВАЛЬ

Рисунок М. САЛТЫКОВА

Стоял на краю леса домишко-то Булыгин. Старенький был, совсем понурый. Сосновая щепа на крыше покоробилась, а между бревен изо всех щелей торчал наружу белесый мох. В таком домике лешему жить да радоваться, а жил в нем лесник Булыга.

Два дня назад началась весна, и эти-то два дня я добирался до Булыгина жилья, вначале на поезде, а потом и пешком по раскисшей весенней дороге.

— Вон оно что,— сказал Булыга, завидев меня.— А я-то чувствую: из лесу русским духом пахнет, а ко мне гость из Москвы.

— Или не рад? — спросил я.

— И кошка сегодня целый день умывалась, и ножик на пол упал — так и есть — гость пожаловал.

Пока я скидывал на крыльце рюкзак да вытирал шапкой вспотевший лоб, Булыга сходил в избу и вытащил на двор самовар. Скоро самовар запыхтел на проталинке, засиял старой медью.

Не так уж и далеко отъехал я от Москвы, а до чего хорошо было здесь сидеть на крылечке и на самовар поглядывать, слушать одинокую кукушку и дышать сочным весенним воздухом!

— Глухарь токует вовсю,— сказал Булыга.

— Старый петух? — удивился я.— Неужто его не хлопнули?

— Жив,— подтвердил Булыга.

Этого петуха я видел не раз на боровом болоте Блюдечке, только на выстрел глухарь меня не подпускал: старый был, умный.

— А где он токует-то? — спросил я.

— На Блюдечке, где ж еще,— сказал Булыга.— Только завтра я сам пойду.

— Хлопнуть хочешь?

— А что? Или мы стрелять разучились?

Быстро подступала весенняя ночь, полная самых внезапных и запутанных звуков. Трещали в близком лесу певчие дрозды, протянул над елками вальдшнеп — до нас донеслось его цвирканье. Самовар чуть светился в сумерках, а в нижние его окошечки ссыпались раскаленные угольки.

Совсем стемнело, и самовар поспел. Булыга подхватил его, поперхнулся дымом и, накрыв жерло самовара крышкой с помпончиком, потащил его в дом.

Мы пили чай, а после я полез на печку и от усталости скоро уснул.

По-прежнему что-то щелкало в ходиках и темно было в избе, но я проснулся. Была самая середина ночи. Под подушкой моей, казалось, чирикал сверчок, а с лавки доносился Булыгин храп. Он храпел, будто выговаривал неслыханные слова:

— Гурраухи — Гурраухи — Гурррр...

— Пора вроде...— сказал я.

— Э-э-рик,— вздохнул Булыга, но так сильно напирал на букву «Э», что ясно было: не звал он никакого Эрика, а просто зевнул.

Мы выпили еще чуть теплого с вечера чая, надели сапоги, взяли ружья и вышли.

Темно-темно еще было, совсем темно и холодно. Ни месяца, ни звездочек в небе, да и неба-то не видно — холод и туман. Из лесу прямо какой-то струей бил резкий запах тающего снега и прелых листьев. И тихо было, совсем тихо.

— Лови подсаднуху и валяй в салаш,— сказал Булыга.— А я пойду покамест глухаришку послушаю.

— Взял бы меня, а? — попросил я Булыгу.

— Нету,— сказал он.— Нечего мне в лесу шуметь да кряхтеть. В салаш иди.

— В салаш, в салаш...— заворчал я, но Булыга уже и пропал в темноте. Треснула ветка, прошуршал снег — ушел Булыга к маленькому болоту Блюдечку, где глухариный ток.

Подсадные утки жили у Булыги в сарае, в соломенном закутке. И как только я сунулся туда, заорали, оглашенные, стали носиться под ногами, хлопать крыльями.

— Кря-я-я! Кря-я-я-я! Кря-ка-ка-ка-ка-ка-ка!

Подсадные такие же утки, как дикие, только крылья у них подрезаны. Привяжет охотник подсаднуху за ногу к какой-нибудь болотной кочке — орет она, зовет диких родственников...

Я поймал подсадную, засунул ее в кошелку-плетенку и побежал краем леса к болоту, к шалашу. Утка тяжело переваливалась в садке, крякала под самым локтем, а под ногами на все лады пели-трещали лужицы, схваченные утренним льдом. По клюквенной тропке, вдоль неглубокой канавы, я бежал к Кузяевскому болоту.

В темноте еще я пришел на место, высадил подсадную на воду и спрятался в шалаше под старой елкой, вышедшей из лесу к болоту.

Стало светать чуть-чуть, еле-еле. Низом потянул ветерок, как раз забрался под полушубок, в раструбы сапог, и скоро я так замерз, будто всю ночь проспал в весеннем лесу, без костра. Ружейный ствол сделался прямо ледяным...

Откуда-то близко с березовой вырубки потянулся в тишине таинственный шипящий звук, и резкий и плавный одновременно:

— Чу-фффффф!

— Чу-фффффф!

Это заиграл первый тетерев. Даже не заиграл, а только попробовал, только показал: здесь, мол, я. Но уже и подхватил другой — понесся с березовой вырубки весенний тетеревиный клич:

— Чу-фффыышшш...

И будто подхлестнул этот шип мою подсадную. До этого она все молчала и охорашивалась, плескалась в воде, а тут развернулась к лесу, подняла голову и так закричала, что у меня сердце оборвалось:

— Кра-кра-кра-кра-кра-кра-кра!..

Как от удара, рассыпалась ночная тишина — забурлили, забормотали тетерева-косачи, так забурлили, будто в их черных горлах заволновался бешеный ручей. Заблеяли воздушные барашки-бекасы, ныряя с одной волны ветра на другую, а на дальнем, недоступном болоте, словно в серебряные и медные трубы, переливчато заиграли-закурлыкали журавли. И с журавлиной песней выкатилось из туманной пелены солнце и еще прибавило звону. Огненная стрела просвистела в небе, рассекла его серое дно, и зашевелились-зашуршали болотные кочки, лопнула пленка льда в луже, крикнула выпь, а в бочаге, под самым шалашом, гулко бухнула щука.

— Бум! — грохнуло невдалеке, там, на Блюдечке. И второй раз:— Буммм! — И пошел этот звук вдоль всего леса, запутался в крайних ветвях, поднял в воздух стаю дроздов с макушки елки, и все другие звуки вдруг пропали, словно поперхнулись, но уж через секунду снова бушевали вовсю.

И тут я услышал над головой:

— Трр-трр-трр...

— Что такое? Что?..

Но не успел я и сообразить, как в воду плюхнулся селезень! И замолчала сразу крякуха, а я медленно-медленно поднял ружье, которое стало жарким, и не видел уже ничего — только селезень покачивается на волне...

Ахнул в ушах и отозвался вокруг мой выстрел, резко долбануло в щеку прикладом, дробь подняла фонтан вокруг селезня.

Я выскочил из шалаша, и мне открылось все залитое весной небо, и болото, и селезень, распластанный на воде.

Обалдевшая от выстрела крякуха снова заорала-запричитала, а в бочаге, у шалаша, снова бухнула хвостом щука...

Я достал битого селезня, кинул его в шалаш, и в глазах все стояло, как он качается, качается на волне...

Когда откурлыкали журавли и в песне тетеревов поутихла ярость, тогда налетел второй селезень. Я услышал жужжание и свист его крыльев над шалашом. Он сделал круг над болотом и только на втором кругу отозвался крякухе. Так странно было слышать утиное кряканье сверху, с неба, что я не выдержал и встал в рост, развалив шалаш, и ударил влет.

Нет!

Не достал!

Селезень резко взмыл кверху и пошел выше, выше — эх! — в сторону Блюдечка, на Булыгу! Эх, промазал! Эх! Дурак, дурак!

Все ждал я выстрела оттуда, с Блюдечка,— не донеслось: видно, прошел мимо.

Я стал выправлять шалаш, а в двух шагах от меня снова ударила в бочаге щука — она была у самой поверхности, терлась боками о траву, выдавливала икру. Далеко же она забралась — больше километра отсюда до реки. По болотной-то канаве, против талой воды и зашла она к лесу бросить икру...

Не стал я дальше думать — выстрелил в воду. Жестко плеснуло в лицо, сила выстрела бросила щуку на берег, и она забилась во мху...

А подсадная все орала и орала, и глухо бубнили тетерева на березовой вырубке...

К обеду я вернулся в избушку, Булыга был уже там.

— Ну, постреляли,— зверей попугали, а домой пустые пришли? — сказал он.

Я показал Булыге и селезня и щуку.

— Икрянка,— сказал он, взвесив щуку на руке, и надавил ей пальцем на брюхе — поглядеть на розовую икру.— До самого лесу дошла детей выводить, да попалась ротозею под выстрел.

— Ладно тебе,— сказал я.— И без нее рыбы в реке не убудет.

— Не убудет, не убудет,— подтвердил Булыга.— Еще и прибавится.

И ничего, мне казалось, особенного нет в том, что я хлопнул эту щуку, а все ж стало неловко. Я наколол щепок, стал раздувать самовар.

А солнце было уже высоко, от его света и от усталости слипались глаза. Только прикроешь их — видишь ослепительно рябую болотную воду, и на ней качается селезень...

— Как у тебя-то? — спросил я.

— А никак,— ответил Булыга.— Пустой.

— А что ж глухарь?

— А ничего,— сказал Булыга.— Ну, садимся самовар пить.

Мы снова пили чай, позванивали ложками, отдувались утомленно.

— Глухарей в этих местах всех перебили,— говорил Булыга.— Один остался.

Так устали глаза, что я и чай пил с закрытыми и видел: рябая болотная вода, и на ней качается селезень...

— Пошел я к нему,— рассказывал Булыга про глухаря.— А он и поет и поет, ни черта не слышит. А кому поет? Ведь глухарки нету ни одной. А он и поет-то и поет...

— По кому ж ты стрелял? — спросил я.

— По нему, по кому же еще.

— Или промазал?

— Нет,— ответил Булыга.— Так маленько в сторону взял. Пускай поет.

— Спугнул?

— Нет, и после выстрелов все поет. Совсем очумел от весны.

Я снова прикрыл глаза и видел, как возникают от усталости красные и оранжевые круги, а за ними качается на воде весенний селезень... и качается и качается на воде.

Л. Николаенко

Окна в новом доме

Солнцем
Комната полна,
Как веранда!
Как терраса!
Это
Солнечная трасса
Пролегает у окна.

Если тучи соберутся,
Разыграется гроза,
Наши окна,
Как глаза:
Градом слезы
Так и льются,
Слезы крупные,
Как блюдца.

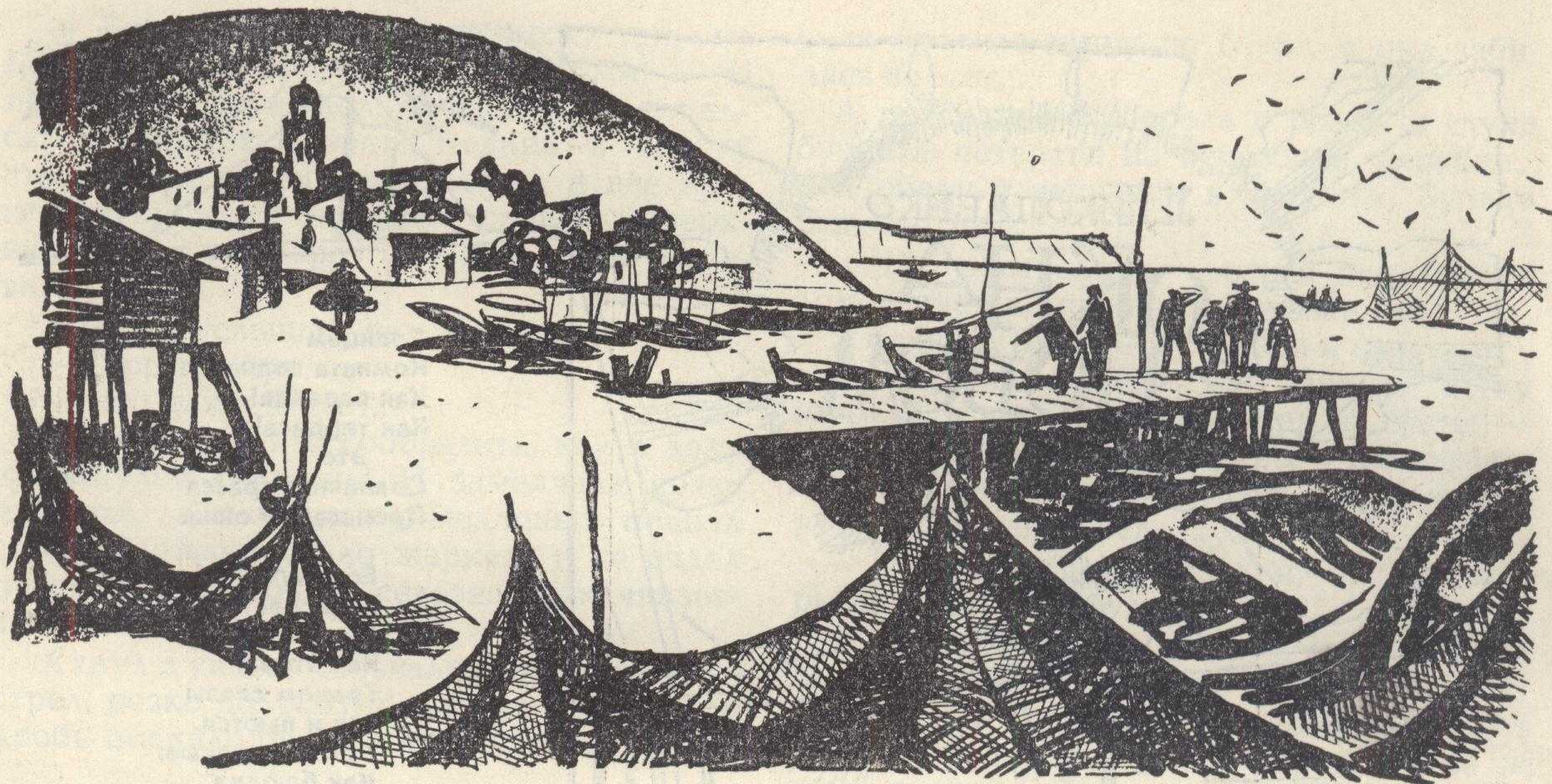
А весной
У нас капель
Под окошком
Барабанит,
То начнет,
То перестанет,
И стекло
Вдруг
Синим станет —
Начинается апрель.

Установится весна,
Сразу окна
Нараспашку,
Будто снял
С себя
Рубашку.
Солнце
Видишь, как ромашку,
Против нашего окна.

В окна
Видишь непременно
Первый снег
И листопад,
Как по стеклам
Скачет град,
Где
Какая перемена,—
И всему
Я очень рад.

А на праздник
У окна
Раньше солнца
Флаг проснется,
С улицы
К стеклу прижмется,
Флагом
Комната полна!

Рисунок Н. СТЕПАНОВА

Сёмка

РАССКАЗ-БЫЛЬ

Александр ЗАЛЕССКИЙ

Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА

1

Ярко играет солнечными бликами Азовское море.

Ветерок доносит терпкий, соленый запах и шум волны. Далеко впереди темнеет гора. У подножия ее лежит село, и в жарком мареве видна белая башня колокольни. Село называется Казантип. Название оно, наверно, получило от горы, похожей на казан.

В этом селе живет моя бабушка. Еще там живут дядя Андрей и дядя Федор. Они рыбаки. И вообще в Казантипе все мужчины рыбаки.

В начале тридцатых годов (а история эта случилась именно тогда) здесь почти не было рыболовецких колхозов. Рыбачили ватагами — бригадами. Каждый приходил со своей снастью, наиболее опытного выбирали атаманом.

К бабушке я часто приезжал на каникулы. Вот, помню, и в тот раз я шел к ней по песчаной дороге, жадно вдыхая степной полынный воздух.

А было мне тринадцать лет.

В Казантипе были у меня два закадычных друга — Андрей Ворона и Селимка — татарин, живший со своей бабушкой в полуразвалившейся сакле.

Селимка, худой, почти черный от загара мальчишка со скуластым, подвижным лицом, был как бы весь свит из сухожилий и мускулов.

Чем жил Селимка с бабушкой, как они переносили злую ветреную азовскую зиму — было загадкой.

Второй мой друг, Андрей, был крепким, почти квадратным пареньком. Несмотря на свои четырнадцать лет, он успел два раза тонуть в море.

Уже перевалило за полдень, когда я подошел к хате бабушки.

На мои шаги из ворот с громким лаем выскочил огромный лохматый пес.

— Серко!.. Не узнал?

Серко остановился, поглядел на меня, что-то вспоминая, и завилял пушистым хвостом в репейниках и колючках. Подбежал, стал тереться своей большой кудлатой головой о мои колени.

Тут вышла и бабушка.

— Приехал! Коленька! Как мама? Как все там? Да чего ты стоишь, заходи в хату!.. Дай я поцелую тебя,

внучек ты мой! А вырос как! Совсем как дядя Андрей! Я жду, жду, все глаза высмотрела, а его все нет и нет.

Бабушка обняла меня, поцеловала и повела в хату.

Отдохнув с дороги, я поспешил к Селимке, но его не оказалось дома. Старая, сморщенная, как сухая груша, бабушка Айша сидела на пороге.

— А, Колька приехал! Якши! Селимка йок, нет! На бухта побежал с Андрюшка, рыба много идет.

Я побежал к бухте, которая называлась Татарской.

А еще у нас, у мальчишек, была своя бухта с пещерой и небольшим гротом в скале. В этой бухте стоял наш «флот» — несколько самодельных корабликов.

Вот и берег. Ватага рыбаков кончала притонивать большой невод-волокушу. Тянули его вручную.

Над неводом, который был уже вблизи берега, яростно дрались между собой мартыны и чайки, оглашая воздух пронзительными криками. Из этой кричащей гущи птиц вырывалась какая-нибудь, и тут же на нее налетали другие и выхватывали из клюва добычу. Гвалт стоял невообразимый.

Селимка был худой, черный от загара мальчишка.

— Колька! Иди сюда, мы здесь!

С лямками на плечах, Андрей и Селимка тянули невод. Я подбежал к ним.

— Приехал? Якши! Волокушу выберем, уху варить будем.

Селимка вытер со лба пот ладонью.

Рыбаки, закатав брюки выше колен, вошли в воду и, схватив сеть, быстро подтягивали мотню к берегу.

Что в ней? Какая рыба? А вдруг десяток севрюг и осетр пудов на пять? Ведь бывает такое.

А если... десяток бычков, морская трава и медузы? Это тоже бывает.

На этот раз рыба! Есть бычок, камбала, судак, а вот блеснуло несколько севрюг средней величины. Лица рыбаков посветлели, звонче стали голоса, посыпались соленые рыбацкие шутки.

Но вдруг огромный рыбак Никита Стеценко, схватив багор, с бранью ринулся к мотне. Воткнув железное острие в толщу рыбы, он выдернул из нее небольшого дельфина. Дельфин тяжело упал в воду и пытался скрыться в гуще рыбы, но Никита, ударив его багром по голове, зацепил за плавник, выбросил из сети и стал наносить ему удары.

Андрей с пронзительным криком бросился на рассвирепевшего рыбака и повис у него на руке.

— Дядя Никита! Не бей! Брось!..

Дельфин неподвижно колыхался на воде, только хвост его еще судорожно вздрагивал.

Недолго думая, Селимка кинулся вперед и сильно ударил Никиту головой в живот, тот охнул, выронил багор и с шумом плюхнулся в воду. Все вокруг засмеялись.

Оправившись от удара Селимки, Никита поймал багор и с ревом бросился к нам, и только вмешательство рыбаков, которые крепко схватили его за руки, спасло нас.

Мы подошли к дельфину. Небольшой, около метра в длину, он беспомощно колыхался в воде. Из рваных ран на боку и спине шла темная, густая кровь. Верхний, похожий на косой парус плавник был почти оторван и висел на сухожилиях.

Андрей подвел руку под голову дельфина, чтобы тот не захлебнулся в воде, и обернулся к нам.

— Ну, чего стали? Давайте его в нашу бухту. Может, спасем.

Но как доставить в бухту дельфина, который весит по крайней мере килограммов восемьдесят? К тому же не потащишь его волоком по берегу. Ему вода, как воздух, нужна, да и весь изранен он, а до нашей бухты около километра будет.

А дельфин полузакрыл раскосые глаза, и лились из них крупные слезы. Тогда мы, не сговариваясь, подхватили его: Андрей — за голову, а я и Селимка — за боковые плавники, и двинулись по пояс в воде к нашей бухте.

Вот и бухта. Отодвинув два больших камня, мы втащили дельфина в тихую заводь. Сюда не доходили волны, дно было покрыто мелким, белым песком.

Над бухтой высилась скала, и в ней был грот, который мы и решили приспособить под убежище для дельфина.

— Вы вот что, хлопцы, — сказал Андрей, — смотрите здесь за ним, а я сбегаю жиру принесу, тряпок — лечить его будем. Не дайте ему захлебнуться и на воздухе тоже долго не держите. А ты, Колька, сбегай набери кила, размочи его и прикладывай к ранам, он помогает.

Андрей убежал. Я забрался наверх, к тем скалам, где были залежи кила — так у нас называют особую серую глину. Она легко растворяется в морской воде. Этой глиной хорошо мыться.

По пояс в воде мы двинулись к нашей бухте.

Набрав в подол рубашки кила, я спустился. Селимка, сидя в воде, держал голову дельфина на камнях, плескал на нее водой. Увидя меня, он смущенно отвернулся.

— А ты знаешь, Колька, — помолчав, сказал он, — нам, татарам, грех держать дельфина, это морской свинья. Бабушка говорит: аллах накажет, беда будет. А я держу. Жалко очень. Больно ему. Жить хочет, плавать хочет. Вон море какой красивый! У него, наверно, отец есть, мать есть. Ищут его, где наш Семка пропал? А Семка здесь, раненный весь, умереть может. А они ищут, ищут.

И столько горечи было в словах и голосе Селимки, что я с удивлением посмотрел на своего вечно бесшабашно-веселого друга.

— Ну, давай скорее кил, лечить будем Сёмку, — вдруг встрепенулся Селимка.

— Сёмку? Почему ты его так зовешь?

— Похож он на Семку Щербину, — ответил Селим.

И я сразу вспомнил Семку. Такой же крутой, нависший лоб, утиный нос, круглая голова. И правда похож на Семку.

Я высыпал глину на камень, смочил ее водой и, размяв, стал прикладывать к ранам на теле Семки, но вода тут же все смывала. Тогда я разорвал свою рубашку на длинные полосы. И дело пошло на лад.

— Ну, как дела? Живой?! — послышался голос Андрея.

Он принес два мешка, сделанных из старых сетей.

Из одного он достал бутылку с какой-то темной жидкостью.

— Рыбий жир. А здесь баранье сало.

— Давай тряпку! Ого, рубашку порвал? Задаст тебе бабка.

Мы с Селимкой подняли Семку на руки. И Андрей начал перевязку. Окончив ее, он вдел в толстую длинную иглу суровую нитку, натер ее бараньим салом и взялся за плавник.

— Колька, держи плавник прямо, а я шить буду. Да не трясись ты, как девчонка!

Но и ему самому было страшно приступать к столь непривычному делу, у него тоже дрожали руки, и он безуспешно тыкал иглой в толстую кожу дельфина. Операция, казалось, была обречена на провал.

Дело спас Селимка.

— Давай я!

Оттеснив Андрея, он быстро, точными и сильными движениями в несколько стежков пришил плавник.

Занятые лечением Семки, мы не заметили, как солнце стало спускаться в море. С берега потянуло прохладным ветерком. Только теперь мы почувствовали, что устали и сильно хотим есть.

— Хлопцы, а ведь Семка голодный! Покормить надо. — Андрей вопросительно посмотрел на нас.

— А что ему дашь?

Тем временем совсем стемнело, и на востоке небо стало окрашиваться серебристо-розовым цветом. Это всходила луна.

Было холодно. Ведь мы почти весь день провели в воде.

— Вот что, подождем, пока поднимется луна. Будем ракушки драть, кормить Семку.

Сказав это, Андрей достал из мешка хлеб, сухую тарань, кусок брынзы и большую высушенную тыкву, наполненную водой.

— Закусим, хлопцы.

Луна поднялась уже достаточно высоко, и море, сверкавшее яркими бликами, не казалось уже таким страшным. Но от мысли, что нужно нырять под скалы и рвать голыми руками острые ракушки, настроение наше было далеко не праздничным.

Кто бывал на Азовском море, тот видел, а может быть, и ел ракушки-мидии — они покрывают прибрежные скалы, камни и сваи причалов.

Женщины Приазовья готовят из мидий очень вкусные блюда — от борща и пилава с рисом до вареников. Но особенно вкусна мидия сырая, только что извлеченная из моря.

Поеживаясь, мы вошли в воду. Я ныряю первым. Как ни таращу глаза, ничего не вижу. Протягиваю руки вперед, и они сами находят ракушки. Рву, а затем, оттолкнувшись ногами от дна, поднимаюсь на поверхность. Потом ныряют мои друзья.

И вот на песке уже оказалась солидная груда мидий. Мы с Селимкой очищаем их от водорослей, а Андрей ножом, с которым он никогда не расставался, вскрывает ракушки и выкладывает их содержимое на плоский камень.

Андрей принес два мешка из старых сетей.

— Все! Пошли!

Андрей собрал в сетку заготовленный корм и направился к дельфину. Мы двинулись вслед за ним.

Семка лежал на боку и казался мертвым. Мы схватили его за плавники, потащили к берегу.

Присев на корточки, Андрей сказал:

— Селимка, открывай ему рот.

Селимка с усилием открыл дельфину рот, и Андрей стал совать туда мидии.

— А ну отпусти!

Селим закрыл рот Семки.

— Не глотает!.. Что будем делать? — спросил я Андрея.

— Не спеши, проглотнет, я ему водички дам. — И он, набрав в горсть морской воды, влил ее в пасть дельфина. Семка слабо мотнул головой и... проглотил мидии.

Забыт холод. Сон как рукой сняло.

В конце концов все мидии были съедены Семкой. Он уже не лежал на боку, а держался, как и полагается, кверху спиной.

— Не смыло бы его ночью в море. Утром волна больше, — сказал я Андрею.

— Не смоет!

Мы навалили обломки скал у выхода из бухты. И Семка оказался в безопасности.

— Все! Пошли домой!

Дома, конечно, мне пришлось объясняться с бабушкой по поводу порванной рубашки и позднего возвращения домой. Но это уже мелочи.

* * *

А утром мы опять были в нашей бухте. Семка уже так оправился, что начал самостоятельно передвигаться и бороздил водную поверхность, насколько позволяла ему глубина. На его теле осталась лишь одна повязка на плавнике, остальные смыло водой. Раны уже не казались такими страшными, как вчера, и кровь из них не шла.

Нужно было позаботиться о пропитании нашего больного, и мы пошли к рыбакам, которые тянули невод недалеко от нас.

Мы помогали тянуть невод, мыли корзины для рыбы, подносили рыбакам пить и делали еще массу разных дел.

— Молодцы хлопцы, — говорил нам атаман бригады, здоровый рыжебородый дядька. Бригада была не из наших, а приезжая.

— Дадим, дадим рыбки. На казан заработали, — проговорил другой рыбак, одетый в рваный полушубок из овчины.

Невод на берегу. Рыба есть.

— Выбирайте, помощники! — предложил нам бригадир.

Мы стали выбирать рыбную мелочь, ссыпая ее в корзину.

— С ума посходили! — удивился бригадир. — Я ж говорил, берите любую, а они мелочь гребут.

— Нам и такая нужна, дядя. Эта еще лучше, мы такую любим. Она вкусная! — загалдели мы.

— Ну, с богом, спасибо вам. Рыбаками будете справными, — сказал он нам на прощание.

И мы поспешили к нашей бухте.

Семка описывал круги по воде. При виде нас он остановился. Лишь чуть шевелил хвостом.

— Ну, Семка, у тебя праздник сегодня.

Андрей втащил корзину в воду и стал бросать рыбу Семке.

Дельфин испугался и отпрянул в сторону.

— Вот дурень. Мы к тебе с добром, а ты хвост в сторону.

Андрей бросил несколько пригоршней рыбы в воду, и мы все спрятались за камнями.

Через полчаса, заглянув в бухту, мы увидели, что рыба съедена, а Семка, повернувшись в нашу сторону, внимательно смотрел на нас.

Андрей тихонько бросил дельфину несколько рыбок, и они сразу же оказались у него в пасти. Андрей бросал еще, а сам подходил к дельфину все ближе. Семка хватал рыбу, не обращая на него внимания. Андрей, приговаривая «Семка! Семка!», бросал и бросал ему лакомство. Мы с Селимкой тоже присоединились к Андрею. Правда, очень близко мы не подходили, нас отделяло от Семки всего шесть-семь шагов.

Радостные, возвращались мы вечером домой. Семка спасен. Семка будет жить!

2

Шли дни. Дельфин окреп, кожа на нем теперь была глянцевой, темно-серой с фиолетовым отливом, а не пыльного цвета. Живот стал ослепительно белым. Семка быстро бороздил бухточку, иногда выпрыгивал из воды в воздух, но мы ему воли еще не давали, а держали на веревке, боялись, что волны могут бросить его на острые скалы, да и плавник еще был плох. Несмотря на наши старания, он торчал на спине Семки, как уродливый сучок.

Семка знал нас. Достаточно было появиться на берегу, как он бросался в нашу сторону и застывал в двух шагах, пристально глядя на нас и шевеля большим темным хвостом.

Мы придумали игру. Когда Семки не было (он часто прятался в гроте), мы, взяв по два камня, опускали руки в воду и стучали: «Тук, тук, тук». И он тут же вылетал из своего убежища. Но стук внезапно раздается позади Семки, и он бросается туда. А что это? Теперь справа: «Тук, тук, тук». Рывок вправо, но стук уже слышится слева, сзади. Тогда Семка останавливался посредине бухты, и его растерянный вид вызывал у нас громкий хохот. Дельфин, обидевшись, забирался в грот и ни на какие наши зовы не появлялся. Но затем обида проходила, и все начиналось сначала.

Однажды утром приплыли к бухте несколько дельфинов. Они описывали круги, высоко подпрыгивали и тяжело плюхались в воду, издавая при этом какие-то негромкие хрюкающие звуки.

Близко подходить они не решались, наверное, боялись напороться на острые камни, но и не уходили далеко.

Семка тоже вел себя неспокойно: он то бросался из стороны в сторону, то останавливал-

Дельфины высоко подпрыгивали и тяжело плюхались в воду.

ся, словно прислушиваясь к чему-то, и на нас не обращал внимания, как бы мы его ни звали и ни соблазняли свежими бычками.

Только когда совершенно стемнело, ушли в море дельфины.

Семка успокоился, но время от времени поворачивался к морю и слушал.

* * *

Приближался сентябрь. Мне скоро домой, в школу.

Было решено: Семку выпускаем в море. Из маленького дельфиненка он превратился в крупного красавца. Ему уже было тесно в нашей бухте. Семка подплывал к каменному барьеру, отделявшему бухту от моря, и долго неподвижно стоял на месте. Ясно было, что он тоскует по морю и своим собратьям. А они часто кружили вокруг бухты, звали его.

Кормить такую громадину становилось с каждым днем труднее. Рыба, хлеб, арбузные и дынные корки, огурцы, каша — в общем, все, что нам удавалось достать, с удовольствием уплеталось нашим другом. А мы из-за Семки превратились в жалких попрошаек, клянчили рыбу у рыбаков, крали ее из корзин и этим скоро заслужили нелестную славу. Тянули, что могли, из дома. Каждый день кто-нибудь из нас с утра до вечера двумя-тремя удочками ловил бычков, которых пожирал Семка.

А отпускать его было жаль.

Мы не представляли себе пустой бухты и купания без веселого и ласкового Семки. Он стал совсем ручным. Кормили мы его из рук, часто чесали его за плавниками, и он, зажмурив глаза от удовольствия, тихонько ворчал, чуть шевеля хвостом. Стоило ему услышать наши голоса, как Семка начинал кувыркаться и прыгать в воде.

Долгое время я не брал с собой своего верного пса Серка, когда уходил в бухту. Он увязывался за мной, и отогнать его не было никакой возможности, поэтому приходилось привязывать его или запирать в сарае. Но однажды Андрей сам предложил мне:

— Николай! А что, если ты приведешь Серка? Пусть привыкает.

На следующий день, уходя из дому, я позвал Серка. Он с радостным лаем побежал впереди и все время оглядывался, будто не верил, что мы опять идем вместе.

Вот и бухта. Семка подплыл к берегу. Но Серко, увидев дельфина на таком близком расстоянии, отнесся к этому спокойно, он лишь тявкнул разок и взглянул на меня.

— Серко! Не смей! — прикрикнул я на него.

Семка тоже не проявил ни страха, ни радости, он только немного отодвинулся от скалы и замер в ожидании.

А через несколько дней Серко и Семка уже были друзьями. Пес с лаем носился по песку, а дельфин, не отставая от него, плыл рядом вдоль берега.

В жаркие дни Серко, как и все собаки рыбацких сел, купался в море. Но он всегда предпочитал бухту: здесь вода была теплее и не было волн. Мы наблюдали редкую картину: плывет пес и рядом с ним огромная темная туша дельфина. Когда мы уходили за кормом для Семки, приказывали Серку, чтобы он оставался в бухте. Он часами лежал на скале и смотрел в воду, где неподвижно застыл Семка, который тоже поглядывал на своего четырехлапого друга.

* * *

И вот наступил день прощания. Мы устроили Семке великолепный обед: надрали его любимых мидий, свежих селедок достали.

Когда Семка все съел, мы разобрали стенку. Но ему предстояло пройти через отмели, и, чтобы он не поранился об острые камни, мы решили его провести.

Мы с Андреем держали Семку за передние плавники, Селимка схватился за веревку, которая была накинута петлей на хвост, и наш кортеж двинулся. Серко бегал по берегу и громко лаял.

Без особого труда мы вывели дельфина на глубину.

— Ну, Семка, иди!..— Андрей хлопнул его по спине.— Иди, дурачок!.. Вон, видишь, ждут тебя! Мы будем видеться каждый день, ты не думай, не забудем тебя! Ну, иди!

Голос Андрея дрожал, мы с Селимкой молчали, боялись зареветь.

Дельфины подошли совсем близко. Они выпрыгивали из воды, как бы приглашая Семку к себе.

И Семка рванулся к ним. Он, как большая торпеда, стремительно уходил в море, и его изуродованный плавник-сучок оставлял за собой пенистый след.

Мы понуро уселись на берегу.

Море было пустынным. Только несколько мартынов что-то подхватывали с поверхности и пронзительно кричали.

— Ну, вот и нет Семки! Был и нет. Рыба и есть рыба!.. Душа — йок, сердце — йок, совесть совсем — йок! Когда лечил, кормил, был хороший, а сейчас что ему? Здоровый, сильный! Папа, мама есть, родичи много есть, зачем ему Селимка, зачем Андрей, Колька? А? — Селимка безнадежно махнул рукой.

Мы молчали. В словах Селимки была правда.

Андрей вскочил, взял два плоских камня и, опустив руки в воду, застучал: «Тук-тук-тук... тук-тук-тук». Бросил камни и сел возле нас, обхватив колени руками. Море было пустынным по-прежнему. Мы старались не смотреть друг на друга, даже Серко затих и лежал, положив голову на вытянутые лапы.

Вдруг Селимка вскочил на ноги.

— А кто говорил, что Семка — рыба, что сердца нет, душа совсем нет?.. Вон идет Семка, услышал нас.— Селимка весело поглядывал на нас.

Семка замер шагах в двадцати от берега и, не отрываясь, смотрел на нас.

Сзади него послышался шум: это были дельфины. Они звали своего собрата назад, в море, и Семка рванулся к ним. Но вскоре вернулся снова: он не знал, что делать.

— Пойдем, хлопцы. Пусть идет к своим. Значит, признали, приняли его к себе. И от нас он не уйдет.

Андрей по-особенному, как только он умел, свистнул, и Семка вернулся в море. Мы ушли не оглядываясь. Сзади нас плелся Серко.

А утром с попутной подводой я уехал из села.

3

Обстоятельства сложились так, что только через три года я смог побывать в Казантипе.

В селе меня ждало большое огорчение. Андрей уехал учиться, а Селимка после смерти бабушки перебрался к дальним родственникам в Бахчисарай.

Я был один.

Вечером я пошел к матери Андрея узнать, как он там, в районе, поживает. И вот какую историю я вдруг узнал.

Примерно год назад Андрей на старенькой байде пошел в море ставить сети на камбалу. Захватил он с собой и донные удочки.

Поставив сети, он развернул байду против волны и приготовился бросать удочки, но внезапно, как это часто бывает на Азовском море, налетел шквал. Байду закрутило, и не успел Андрей оглянуться, как она перевернулась. Это не испугало Андрея. Он вырос у моря и был отличным пловцом, а до берега было не так далеко. Но случилась беда. Пытаясь перевернуть байду, Андрей попал рукой между скамейкой и бортом лодки, а налетевшая волна рванула байду вверх...

Сильная боль пронзила его, рука хрустнула и повисла... Она была сломана чуть выше локтя.

Дело принимало скверный оборот. От малейшего движения левой рукой Андрей испытывал страшную боль, волны его захлестывали.

Вдоволь нахлебавшись соленой воды, Андрей пытался кричать, но кто услышит его среди яростно шумящих волн и ветра?

И все же Андрея услышали!..

Позади себя он вдруг увидел Семку! Возможно, дельфин услышал голос друга. А может, будучи близко, почуял знакомый запах. Неизвестно. Но главное — он был рядом.

— Семка! Дружище... Ты?.. Вот хорошо!

Андрей все это говорил, почти захлебываясь. Правой рукой он держался за борт ускользавшей байды и изо всех сил работал ногами.

Семка подплыл к Андрею и замер.

Андрей бросил байду и обнял Семку за спину, схватил его за плавник. Дельфин дернулся, но тотчас же остановился.

— Семка, родной... выручай! К берегу, к берегу! — говорил Андрей.

И Семка понял! Легко понес он свое сильное тело к спасительному берегу.

Вот уже и меляки. Дальше Семке нельзя: бросит волна на песок, и тогда гибель.

Андрей нащупал дно. Хотя волны и сбивали его с ног и не утихала сильная боль, но берег вот он, рукой подать!

Спасибо тебе, верный друг!

Выбравшись на берег, Андрей упал на мокрый песок. У него еще хватило сил взглянуть на море. Недалеко метался Семка. Андрей свистнул, и, услышав знакомый свист, дельфин ушел в море.

Вот что узнал я от матери Андрея — тети Кати...

Наутро я пошел на берег. Со мной увязался и Серко.

Море было спокойным. Оно лениво катило волны, и они, у самого берега сворачивая свои гребни, с рокотом разливались по песку. Сев на камень, я взял два камешка и опустил их в воду. «Тук-тук-тук... тук-тук-тук».

Я не надеялся ни на что. Я не верил в чудо. Просто вспомнил далекие счастливые дни и моих троих друзей. Да, троих, потому что третьим был Семка.

И чудо свершилось. Серко вскочил, с лаем стал метаться по берегу.

Я боялся поднять голову. Но когда взглянул на море, увидел дельфина, у которого был хорошо знакомый мне плавник-сучок.

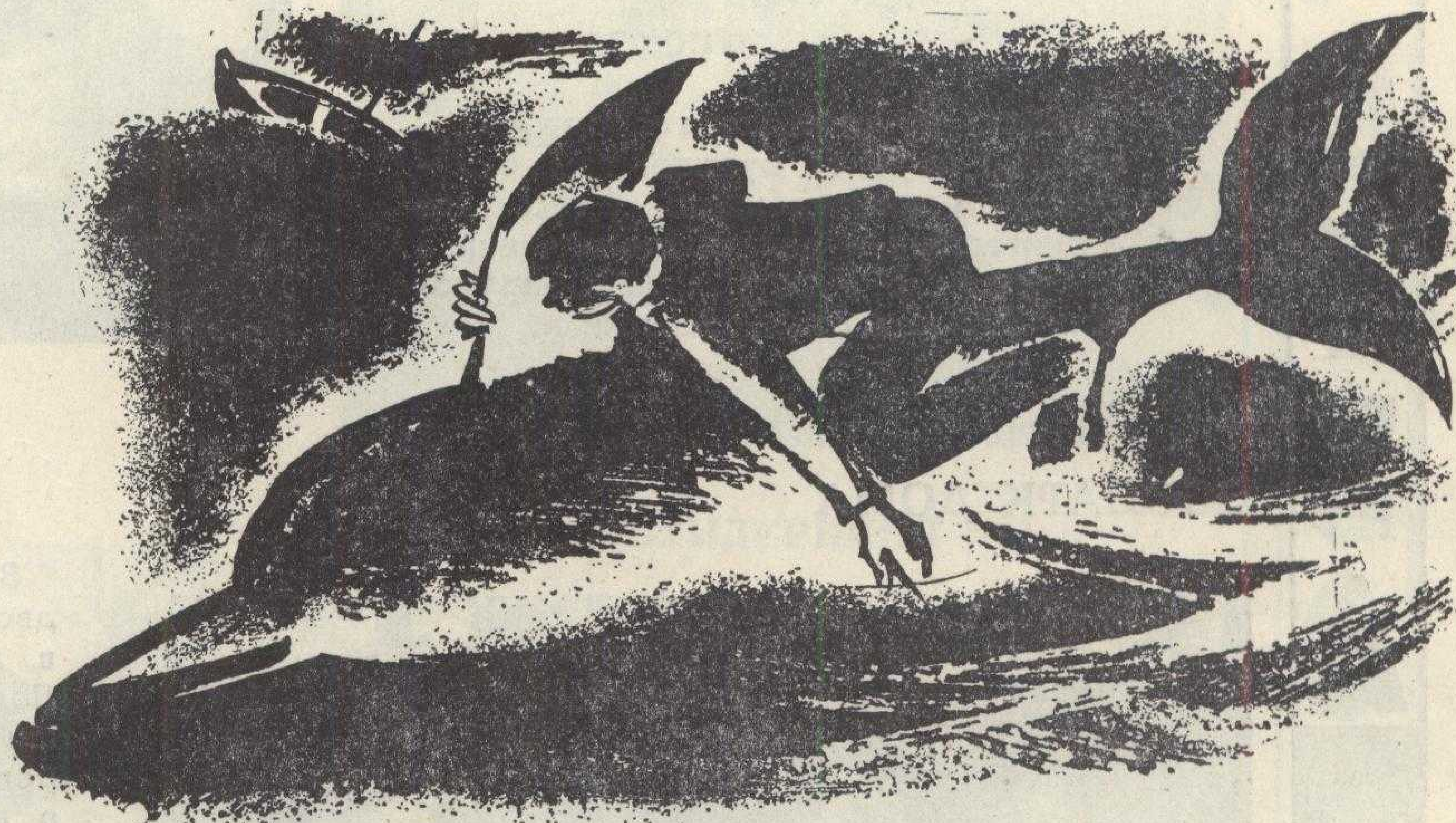
— Семка! Семка-а! — завопил я и побежал в море, на ходу сбрасывая одежду.

Я поплыл к нему. И в море состоялась наша встреча.

Семка сначала недоверчиво кружил вокруг меня, постепенно сужая круги. Но вот он круто остановился в двух шагах от меня и внимательно оглядел. Видно, узнал, потому что, когда я протянул руку, он позволил погладить себя. Я гладил его прохладную гладкую спину и что-то без конца говорил.

А Семка был неподвижен, казалось, он понимал, что я ему говорю.

Со стороны моря послышалось шипение, и появилось стадо дельфинов. Они подошли близко к нам и, остановившись, внимательно наблюдали за нами. Потом, издав какой-то непонятный звук-полусвист, все повернули в море.

— Семка, родной... выручай! К берегу... — говорил Андрей.

Семка бросился за ними.

— Семка! — крикнул я вдогонку.

Он приплыл, постоял немного, затем круто повернулся, задев меня хвостом, и ушел...

Больше я его не видел.

Мне было тоскливо и одиноко в Казантипе. И через пять дней, несмотря на уговоры бабушки остаться, погостить, я уехал.

* * *

В этой истории нет ничего выдуманного. Все, о чем вы узнали, действительно произошло в селе Казантип, на берегу моря.

КРУГОСВЕТКА

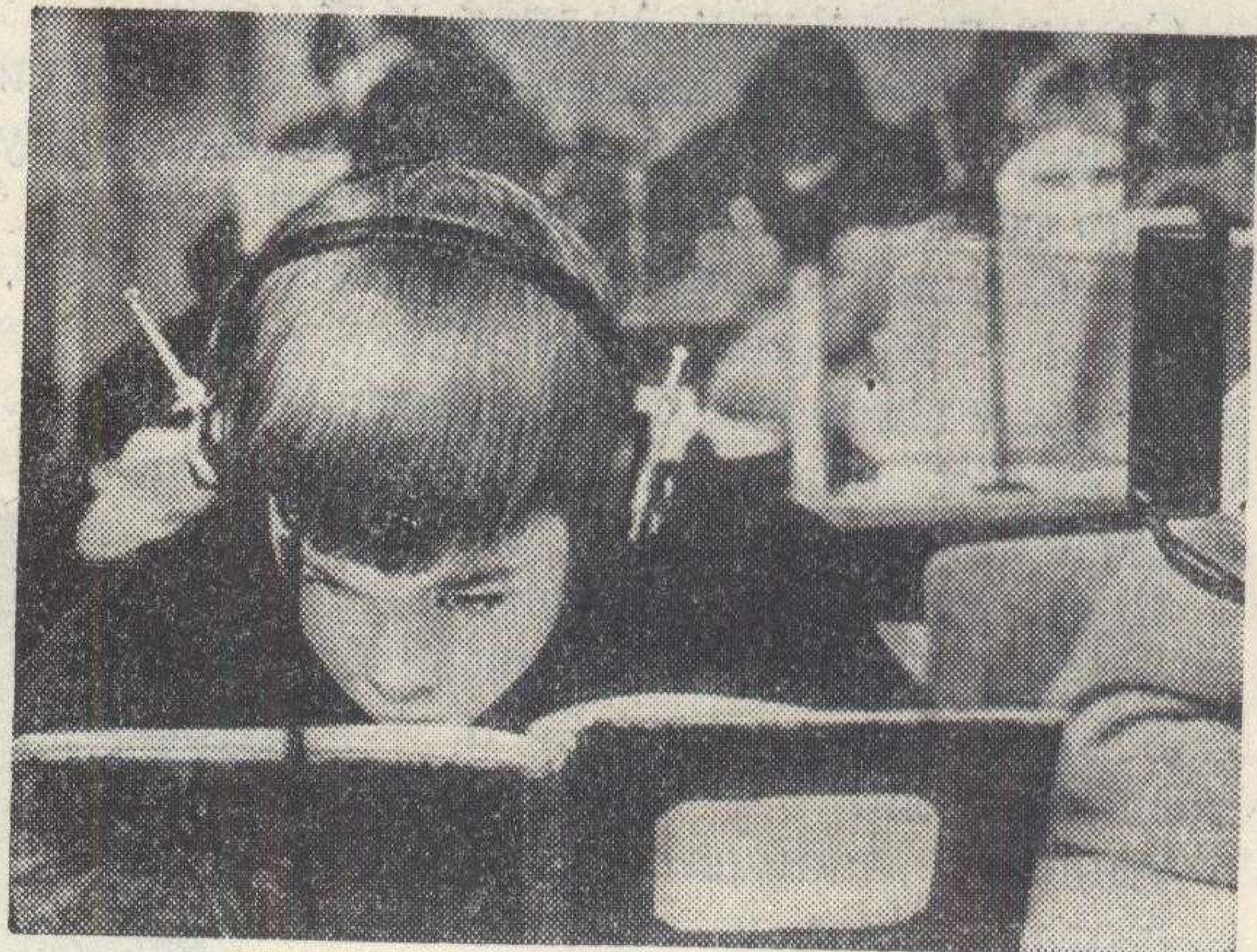

«Я не убийца»

Так сказал чемпион мира по боксу Кассиус Клей, когда получил повестку с призывом на американскую военную службу. За отказ идти на войну, убивать вьетнамских партизан и детей власти США лишили Клея титула чемпиона.

ИДЕТ УРОК РУССКОГО...

Ребята из немецкого города Ашерслебена изучают русский язык в специальном фонокабинете. Здесь два магнитофона и для каждого ученика микрофон с наушниками. Оборудовали кабинет старшеклассники.

ЗООПАРК ДОМА

Англичанка Лесли Клюз устроила у себя на ферме в Саутхеме зоопарк. Там живут три львицы, леопард, их подруги собаки и много других животных, зверей и зверушек. Но в отличие от обычного зверинца здесь нет клеток. Все обитатели фермы пользуются полной свободой.

ОВЧАРКА-СПАСИТЕЛЬ

В норвежском городе Фресланде двое мальчуганов, балуясь, залезли в лодку и поплыли вниз по реке. Лодка вскоре перевернулась, малыши стали тонуть. Видевшая это с берега овчарка мгновенно бросилась в воду, схватила одного мальчишку за куртку, другой вцепился ей руками в ошейник. Вместе с детьми собака благополучно доплыла до берега.

СРЕДСТВО ОТ ГЛУПОСТИ

Некий Ульрих Шиммиц из Западной Германии стал изготовлять пилюли, которые продавал как «незаменимое средство от глупости». Спрос на пилюли был так велик, что Шиммиц быстро сколотил капитал. Однако некоторые пациенты вдруг прозрели и заявили о мошеннике в полицию. Выходит, средство им помогло.

КРУГОСВЕТКА

СНЕЖНЫЙ ЛАЙНЕР

Каждый год в Японии бывает праздник — «Снежный фестиваль». Десятки искусных ледяных изваяний украшают оживленные улицы Саппоро — столицы северного острова Хоккайдо. На этом снимке вы видите океанский лайнер, сделанный из льда и снега.

НА ОКРАИНЕ РИО

В такой нищете живут многие ребята Бразилии. Угол в жалкой лачуге с одной постелью на всех, изо дня в день горсть вареных бобов или риса — удел маленьких жителей окраины Рио-де-Жанейро.

ПИСАРЬ ИЗ ИББА

Такую сценку фотограф увидел в йеменском городе Иббе: прямо на улице писарь сочиняет заказчикам письма.

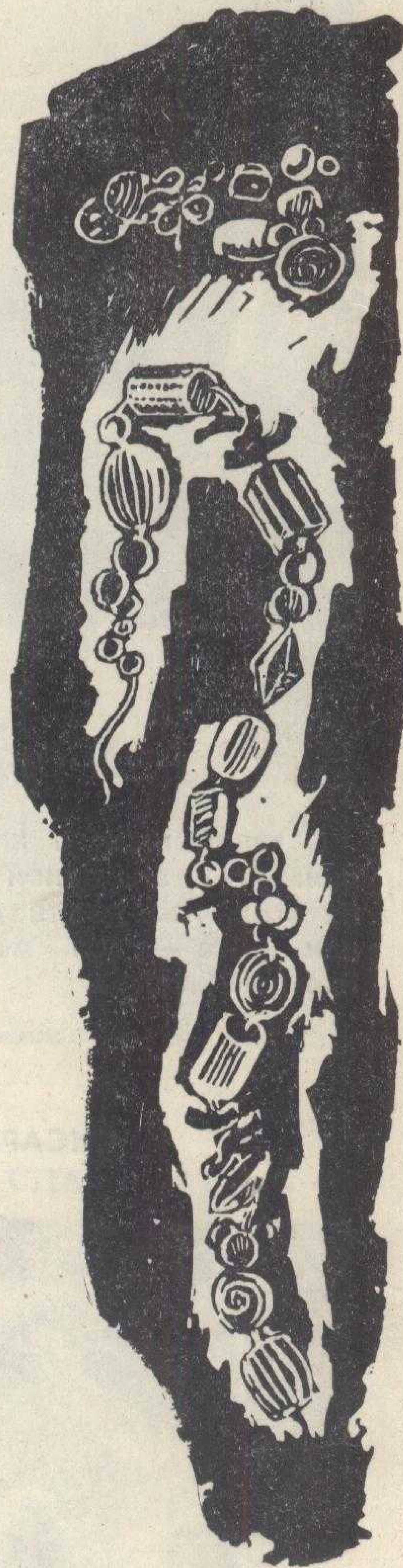
Республике Йемен досталось в наследство тяжелое прошлое. Еще и теперь в стране девяносто процентов неграмотных. И на городских улицах возле почт и контор сидят в ожидании заработка писари.

ВУНДЕРКИНД

Унг Йонг Киму три года. Но в школу он ходит вместе с тринадцатилетними. Родители рассказывают, что говорить мальчик начал в три месяца, а в год научился читать и писать. Особенно блестящие способности он проявляет в математике. На фотографии маленький кореец из Сеула Унг Йонг Ким среди своих одноклассников.

БУСЫ

Сижу в палатке, занимаюсь странным делом: нанизываю бусы. Я откопал их штук триста.

Коралловые бусинки цвета спелой рябины. Крохотные переливающиеся жемчужинки. Плоские черные бусинки из стеклянной пасты. Граненые ромбики из зеленого стекла. Матовые стеклянные горошинки со следами позолоты. Совсем мелкий черный бисер, прямо-таки маковые зернышки. Белые цилиндрики. Удлиненные восьмигранники. Все такое мелкое, хрупкое, столько веков пролежавшее в земле, что и дотронуться страшно.

Тонкая белая нитка представляется мне грубой, как шпагат. То и дело подношу ее к языку, облизываю кончик, чтобы он был поострей и потверже.

Нанизать три сотни бус — это все равно, что триста раз продеть грубую нитку в самое узкое игольное ушко. Но при этом в руках у тебя не иголка с ушком, а ушко без иголки. Держишь его между большим и указательным пальцами и целишься в едва различимую дырочку. И боишься нечаянно раздавить бусинку или взломать ее, протаскивая нитку. А бисер я даже в руки брать не решаюсь, вылавливаю его кончиком нитки прямо из коробки.

Работа явно не мужская.

И все-таки не знаю почему, но мне это нравится. Ей-богу, я испытываю удовольствие. Тут и азарт и какое-то ощущение ясности, сосредоточенности, покоя.

Рядом, на одной ниточке жемчужины Индийского океана, кораллы южных морей, сирийское стекло, римская позолота, египетская паста. Древние караванные пути, связи культур и цивилизаций.

Оглядываю дело рук своих. Боже, какой стыд, какая безвкусица! Ни одна уважающая себя женщина не надела бы такое нелепое, торчащее разноцветными и разнокалиберными бусинками ожерелье. Бусинки сыплются с нитки обратно в коробку.

Не обладая вкусом,
Не прикасайся к бусам!

И я начинаю все сначала. Мелкие к мелким, крупные к крупным, черные к черным, зеленые к зеленым. Из бессмыслицы, хаоса, беспорядка я пытаюсь создать ритм, порядок, красоту.

И я думаю о той женщине, которой принадлежало ожерелье, о ее пальцах, о ее глазах, следивших за отблесками граней, за оттенками цвета. Как она сама расположила бы эти бусинки на нитке, в каком порядке, в каких сочетаниях? Что думала она, перебирая бусы, как четки, от каких забот или невзгод уходила она в это тихое занятие?

Как давно все это было! Если каждую бусинку принять за год, то к моим тремстам нужно прибавить еще тысячу двести. Полторы тысячи лет прошло с тех пор, как рассыпалась эта связка.

Говоря о нынешнем населении древних городов, нельзя не вспомнить про змей. Пожалуй, каждый год на раскопках или в лагере от наших рук гибнет какая-нибудь змея.

Иногда такие встречи заканчиваются мирно.

Как-то я поднялся на крепостную стену, чтобы полюбоваться закатом. Вступил на гребень стены и вдруг прямо на том месте, куда собирался сесть, заметил свернувшуюся в кольцо змею с темным клетчатым узором на спине и пепельно-серыми боками. Обычно змеи уползают от человека, а эта не шевелилась. «Дохлая», — решил я и спокойно устроился рядом. Насмотревшись на закат, я встал и ахнул: змеи не было!

Вечерняя заря собрала вместе человека и змею. Человек любовался последними лучами солнца, а змея, видимо, тоже по-своему наслаждалась ими. Ей, наверное, нравилось, что в лучах заката ее кровь, лишенная собственного жара, становится чуть теплей.

...Отмечаем день рождения одной девушки. Художник наломал для нее букет из веток цветущего саксаула. Мы расселись на брезенте, уставленном яствами и кружками с вином. Посередине стояло ведро с букетом. В самый разгар торжества из букета показалась змея.

Змеи

...После обеда собираемся у кровати нашего фотографа Жоры Павлиди. Прямо на живот благодушному Жоре кладем фанерку с приколотым к ней листком бумаги. Мы сочиняем кроссворд на археологические темы.

— Кстати, Жора, что это за веревочка торчит у тебя из-под подушки?

Жора, не глядя, хватается за веревочку и вскакивает, как ошпаренный: из-под подушки соскальзывает полураздавленная змея.

Однажды мне пришлось испытать настоящий страх. Я раскапывал глубокую комнату, над которой сохранился даже остаток свода. В верхнем слое завала, прямо под сводом, я первым делом обнаружил несколько десятков упругих, скрученных в спираль змеиных скелетов. Была как раз такая пора, когда змеи меняют кожу. А вдруг это их излюбленное место? Вдруг они снова приползут сюда? Вдруг уже ползут? Я несколько успокоился, когда сообразил, что змеи меняют кожу, но никак не кости и вряд ли они навещают усыпальницы своих предков. И все-таки, что это за странное змеиное кладбище? Каким образом оно возникло?

Доводилось мне и жить под одним кровом со змеей в маленькой палатке. Мы со змеей приходили и уходили в разное время, и я даже не подозревал о ее существовании. Но потом в палатке поселился архитектор. Целыми днями сидел он за складным столиком и чертил. Змея не могла дождаться, пока палатка опустеет, и выползла из-под стола. Зодчий не растерялся. Могучею рукой он схватил змею чуть пониже головы, поднял ее высоко над собой и удавил.

Когда начинается буран, можно увидеть, как змеи, высоко поднимая головы и словно ввинчиваясь в воздух, куда-то стремительно ползут против ветра. Им некогда обходить препятствия. И если на их пути возникает

палатка с приподнятыми полами, то змеи бесстрашно проскальзывают между нашими сапогами, столами, кроватями.

После каждой встречи со змеей испытываешь тревогу. Нет-нет и осмотришь раскладушку перед сном, а на рассвете вытряхнешь сапог, прежде чем сунуть туда ногу. Но потом это проходит. Скорее всего тревога не изглаживается до конца, но она становится неосознанной и, наверное, что-то вносит в наше ощущение пустыни.

Как-то приехали к нам кинооператоры. До раскопок они «отсняли» еще один экзотический сюжет — ловлю змей. Герой этого сюжета, опытный поставщик змей на благо медицины, спросил операторов во время прогулки:

— Сколько змей вы видите сейчас вокруг себя?

Операторы огляделись и ответили:

— Ни одной.

Тогда ловец змей указал им на серый куст — в нем пряталась змея, на нору, откуда выглядывала змеиная головка, на хвост уползающей змеи. Словом, в поле зрения киногруппы оказалось одновременно шестнадцать змей. В том числе шесть ядовитых.

С тех пор киношники стали видеть вокруг себя куда больше змей, чем мог бы их различить взгляд специалиста. От возбуждения, от ощущения постоянной опасности операторы помолодели, похорошели, они так и сыпали остротами.

Есть упоение в бою
И бездны мрачной на краю.

Я даже позавидовал им, погрустил, что не могу разделить с ними этого чувства, этого скрытого страха, смешанного с нескрываемым восторгом. Мне было жаль, что змеи стали для меня частью привычного экспедиционного быта.

Рисунки П. ПРОРОКОВА

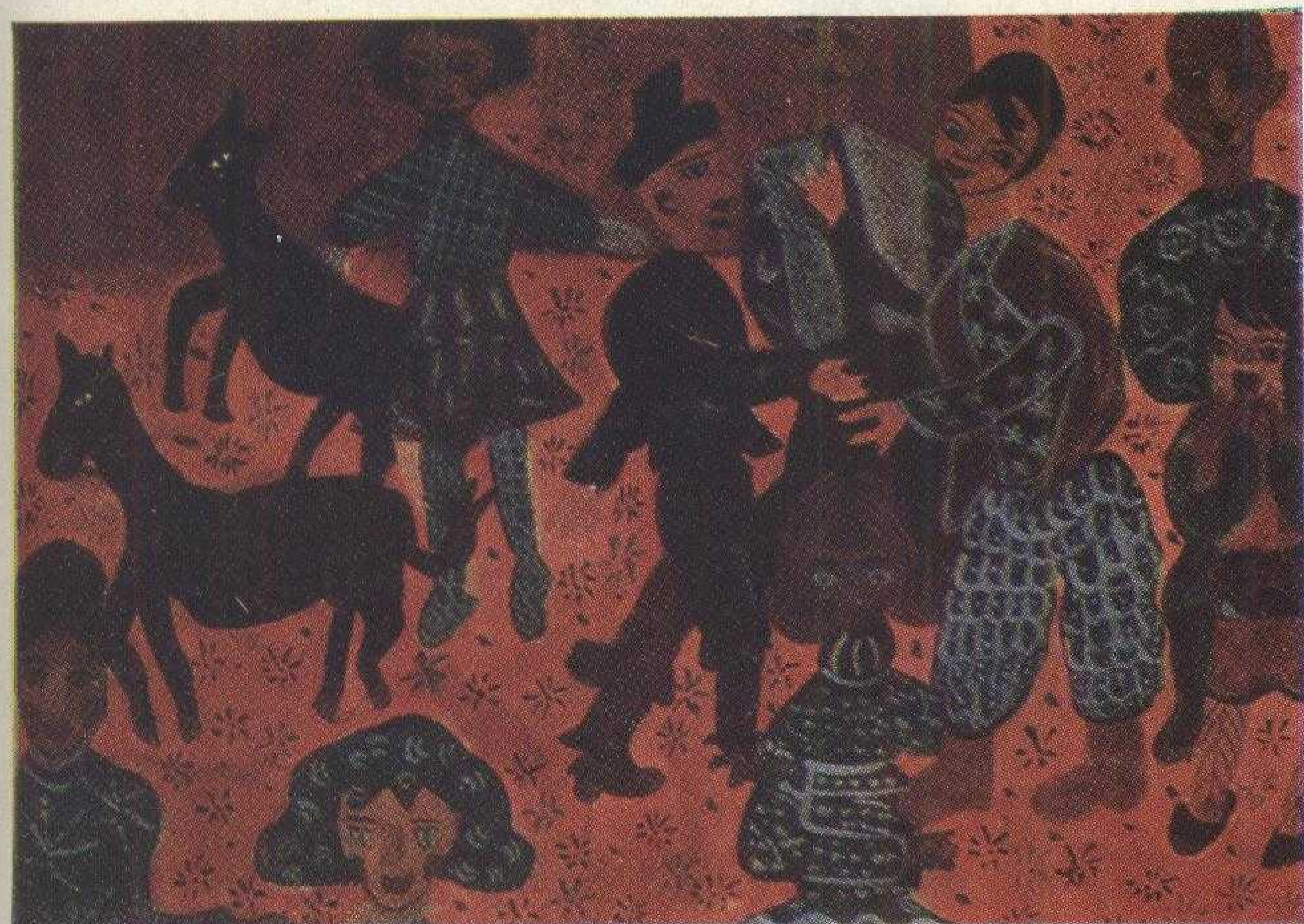
РИСУЮТ ДЕТИ МИРА

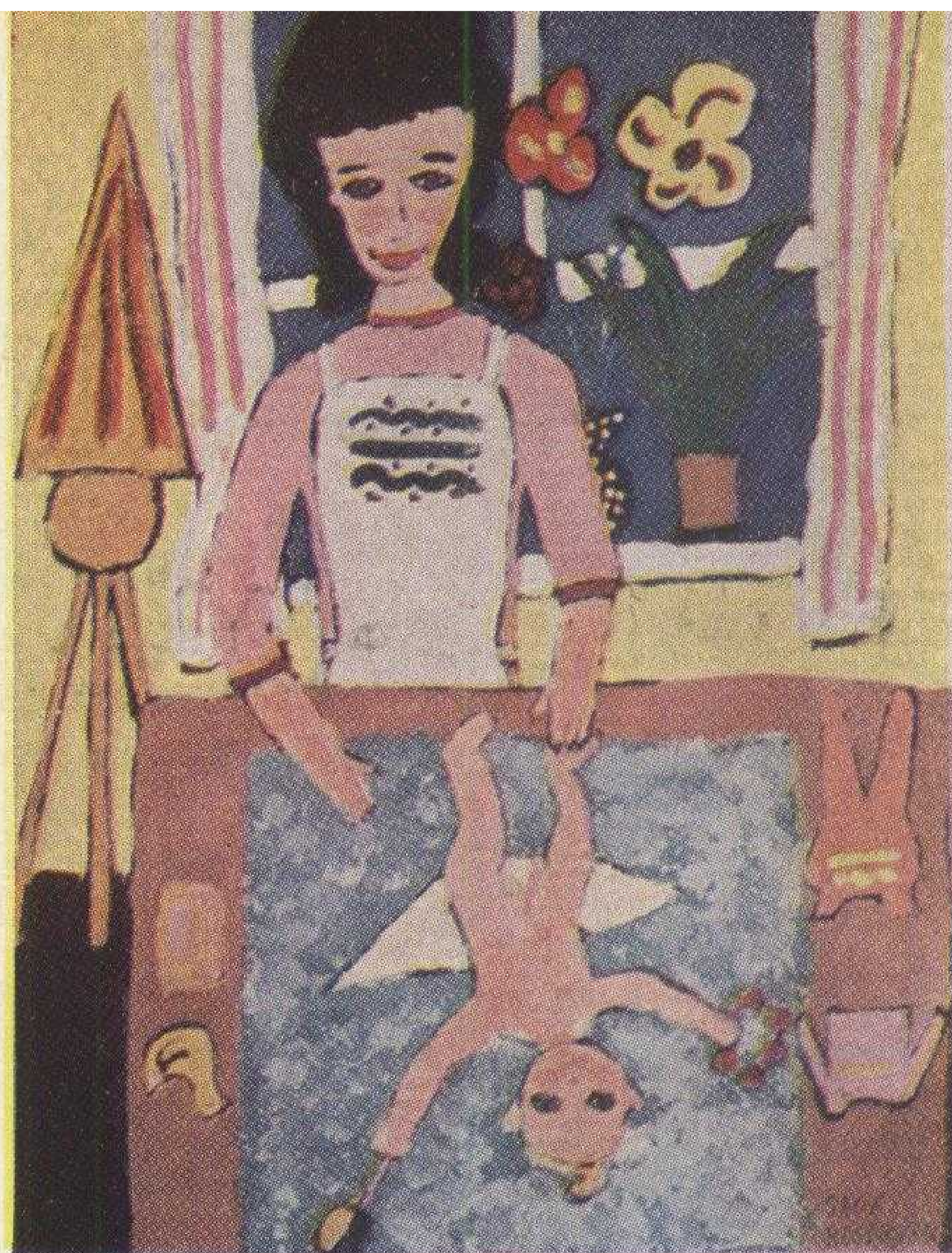
МОРЯКИ ИГРАЮТ НА ТРУБАХ.
Карагодский Данилка, 6 лет.
СССР.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ.
Сайто Миеко, 10 лет.
Япония.

ПЕЧАЛЬНЫЕ ЦИРКАЧИ.
Елер Златка, 14 лет.
Югославия.

МОЙ МАЛЕНЬКИЙ БРАТ.
Козловски Инга, 12 лет.
ГДР.

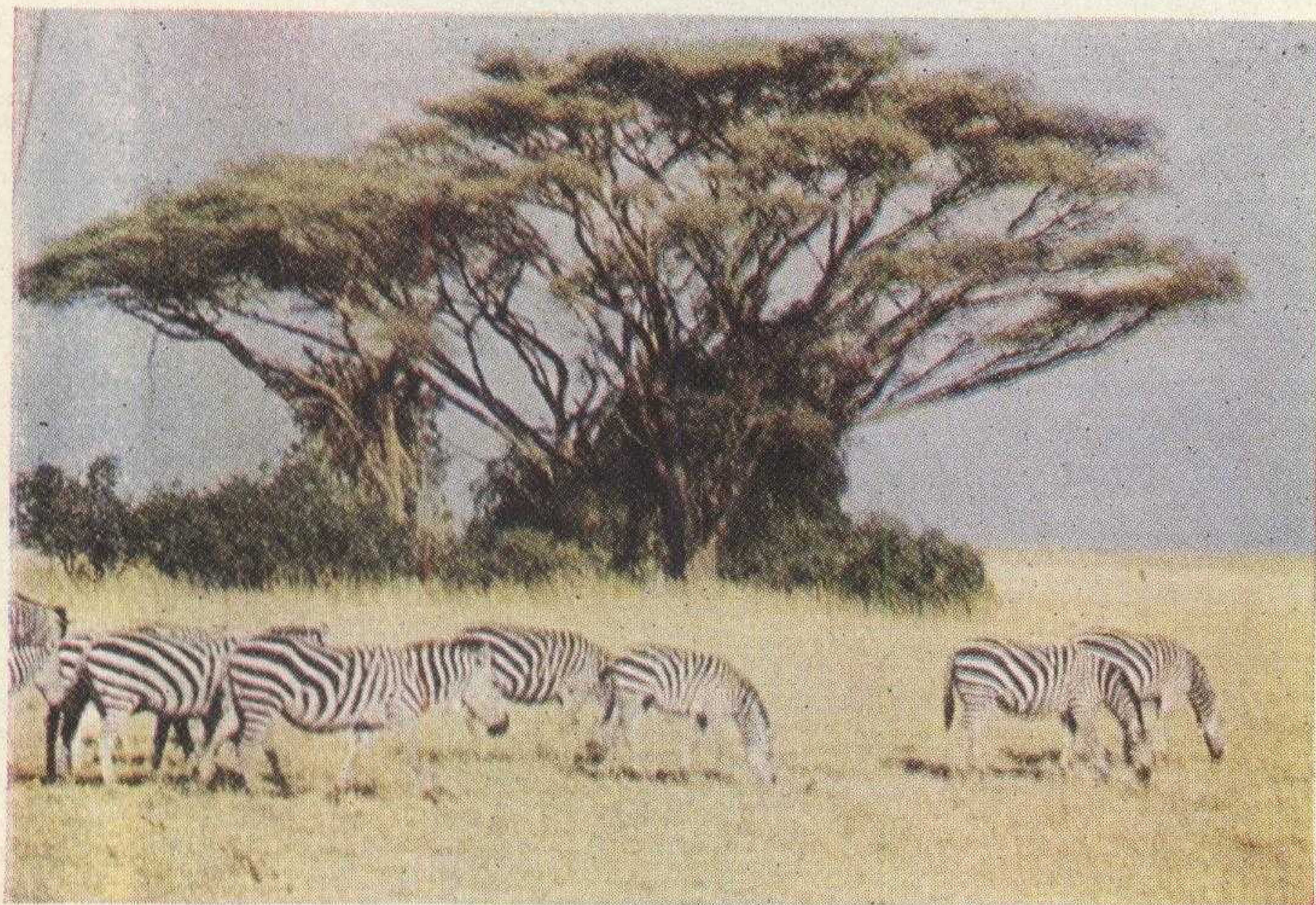

ЛОДКИ.
Чиполлина Джузеппина, 15 лет.
Италия.

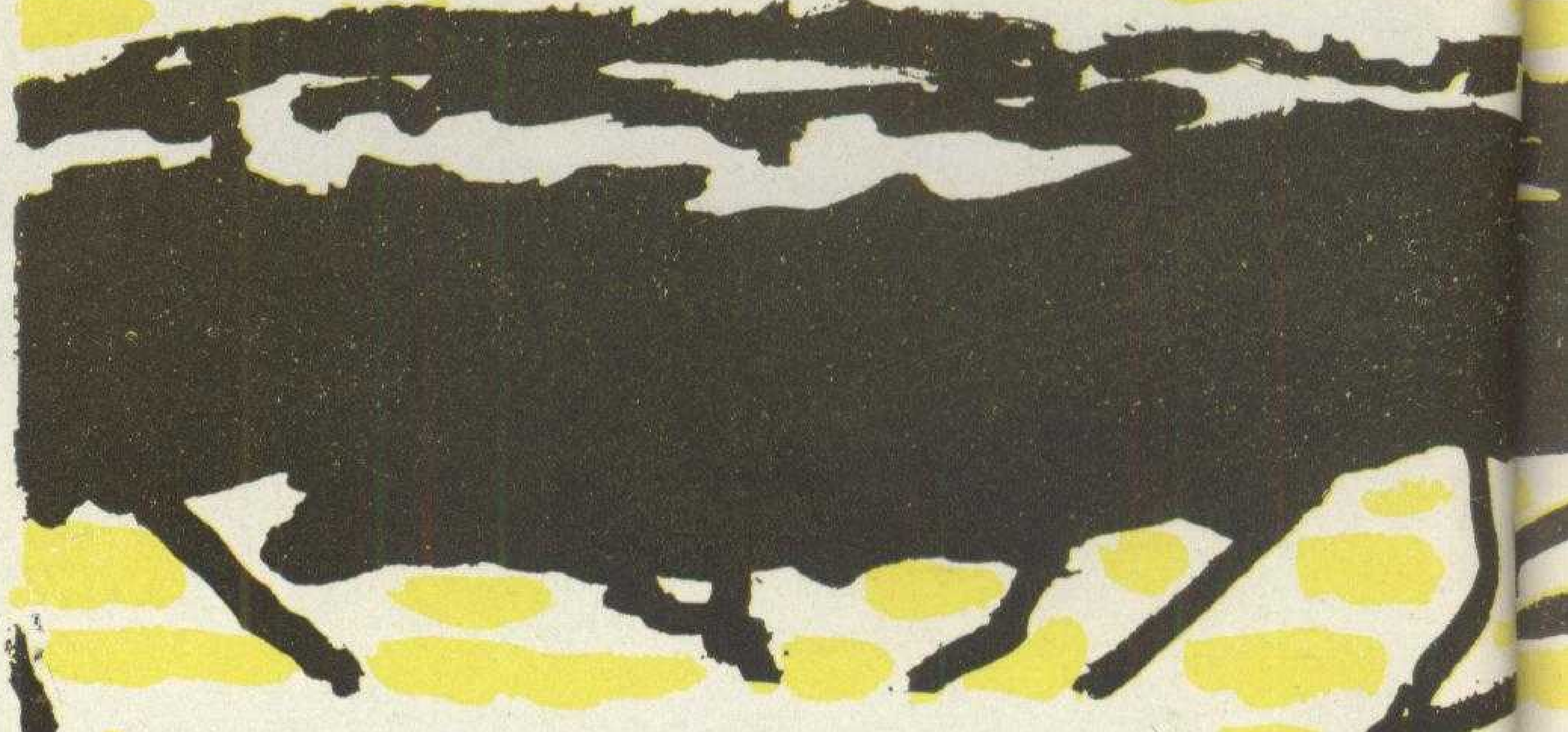
ОХОТА
Бенсон Гатура, 12 лет.
Кения.

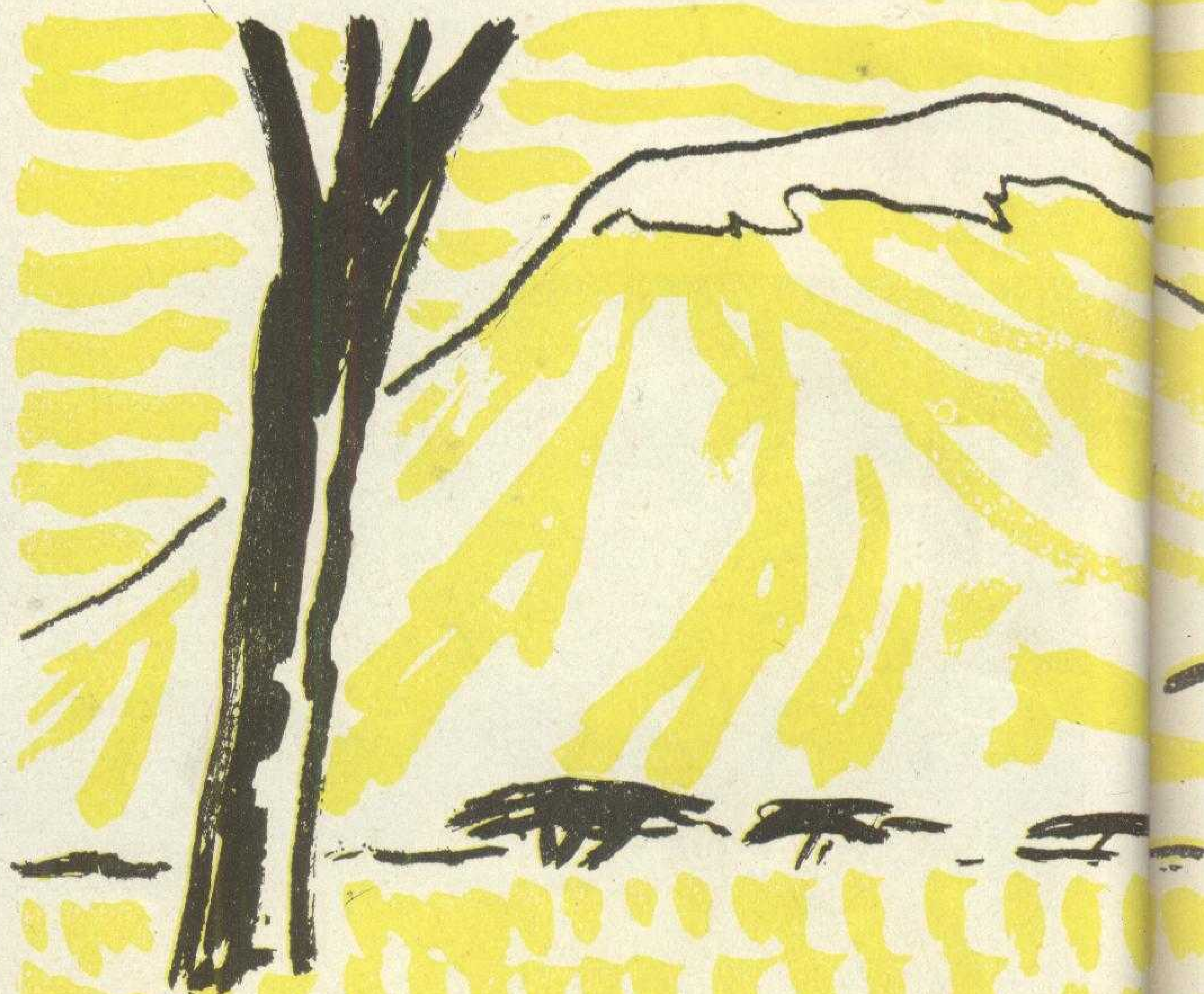
Эти снимки я сделал в африканской саванне. Всего в тридцати минутах езды от столицы Кении Найроби. Зверей тут, по соседству с экватором, полным-полно. Целыми стадами кружат они по желтой степи свои хороводы. Только поспевай фотографировать.

Вот на холме отдыхает величавый симба — так кенийцы называют льва. Рядом развалилась кверху белым животом львица. Интересно: симба даже «не замечает» наш автомобиль, он равнодушен и к антилопам, прыгающим неподалеку. Лев, оказывается, убивает только тогда, когда очень голоден.

Гораздо больше вреда причиняют саванне обезьяны. Обезьяны-бабуины, например, которых вы видите на фотографии, разоряют птичьи гнезда, пожирают яйца, птенцов и даже новорожденных антилопят.

На пути мы видели множество ободранных и засохших деревьев — это работа слонов. Они кочуют по саванне целыми стадами и беспрерывно жуют. А вот один из них, упершись хоботом в зонтичную акацию, сотрясает ствол. На толстую серую спину дождем сыплются колючие стручки — слону такой душ приятен.

Всю дорогу нас сопровождали табуны упитанных черно-белых полосатых лошадок — зебр. На ярко-рыжей траве они удивительным образом напоминают наши веселые березовые рощицы. А каких только нет в саванне антилоп! И маленькие, слов-

ПО СОСЕДСТВУ

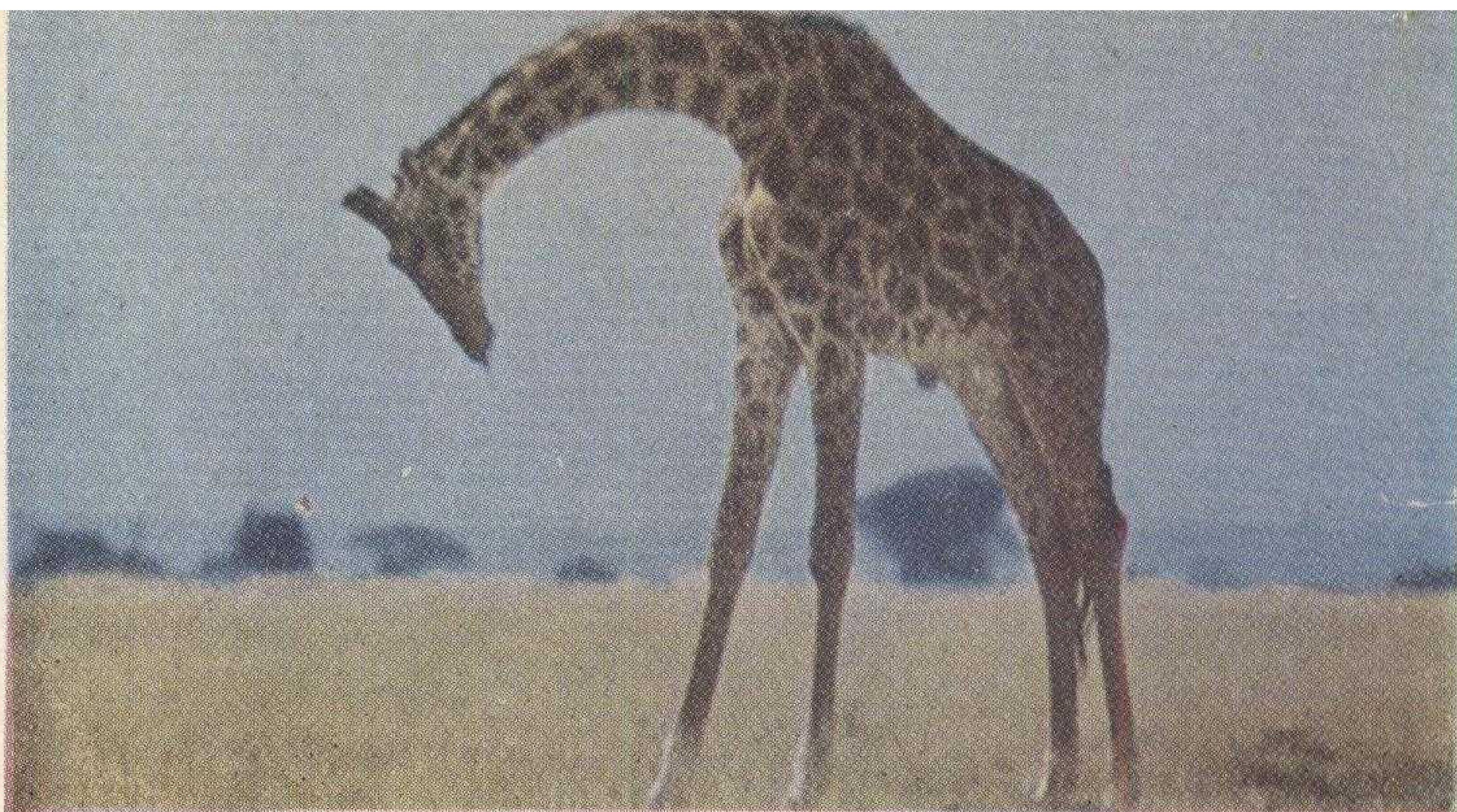
но козлята, и громадины канны, не уступающие мощью быкам, и с рогами, прямыми, как стрелы, и с кривыми, завинченными штопором...

Среди редких высоких деревьев — стадо жирафов. Смотрят на нас со своей шестиметровой высоты грустными черными глазами с длинными ресницами и словно о чем-то спрашивают. Они очень красивы и грациозны, когда, доставая листок, изгибают чуть ли не кольцом предлинную шею или, степенно переставляя ноги, выходят на простор саванны.

Неподалеку от жирафов пасутся скороходы-страусы. Ноги у них красные, сами они в черном фраке из перьев, окантованном пышным белым кружевом. Страусихи одеты скромнее — в серое.

А что это за чмоканье и чавканье раздается в кустах? Мы сначала приняли их за каменную глыбу: мама-носорог кормит младенца трехметровой длины. Вдруг мама поднялась, зашагала и, набрав скорость, понеслась, как громадный снаряд. Это она прогоняла подкравшуюся гиену. Папа-носорог подошел так близко, что в кадре фотоаппарата хорошо была видна его подслеповатая физиономия, по которой бегали серые птички, выклевывая из складок носорожьей кожи клещей. Толстяку это доставляло видимое удовольствие.

Б. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ.
Рисунок и фото автора.

С ЭКВАТОРОМ

—Шурлы-мурлы-бумс! — таинственно произнес сказочник, и все кругом мгновенно и неожиданно изменилось...

Рисунок А. Брея.

Таинственная предыстория

Ночью!

Ну, не совсем ночью, а если точнее, так днем появился у нас в редакции человек с весьма странной внешностью. Он был сед, высок и сухопар. При этом суров и крайне немногословен, изъяснялся он по большей части жестами.

— Привет,— буркнул он всем,— садитесь, молчите и смотрите.

Все, конечно, опешили, и кто стоял — сели, а наш посетитель вышел на середину комнаты и негромко хлопнул в ладоши. Тотчас стало совершенно темно, видимо, день за окном погас...

— Ой! — сказал кто-то из нас.— Что же теперь будет!

— Прошу тишины! — произнес металлический голос.— Внимание!

Все смолкли, и в этот же миг в середине комнаты что-то слабо засветилось, и постепенно во тьме возникли очертания некоего мерцающего аппарата, рядом тенью вырисовывалась тонкая фигура нашего незнакомца. Снова зазвучал голос его, но уже не суровый и резкий, а мягкий, тихий, даже какой-то убаюкивающий.

— Не волнуйтесь, все будет хорошо. К вам в журнал пришел я, старый путешествующий Сказочник. Я принес к вам свою машину, она перед вами. Это хитроумное приспособление улавливает и притягивает сказки и волшебные истории со всего мира, древнейшие и новейшие, сочиненные писателями даже вот в эту секунду...

— Шурлы-мурлы-бумс,— произнес Сказочник, и в темном воздухе возникло перед нами зелено-голубое, полное живых существ подводное царство. На этом фоне и возникла надпись:

Борис ЗАХОДЕР

Отшельник и Роза

Рисунки А. БРЕЯ.

1

В синем море жил-был маленький Рак, и жилось ему так плохо, что он никак не мог понять, почему море называют Синим,— ему-то оно казалось совсем-совсем серым...

Да, это было очень странно!

Ведь море было действительно синее-синее, и жить в нем было так весело и интересно! Рыбы — это только раньше люди думали, что они не умеют говорить!— даже сложили веселую песенку о том, как хорошо живется в море:

Никто и нигде!
Никто и нигде
Не жил веселее,
Чем рыбы в воде!
Ни люди,
Ни звери,
Ни птицы,
Ни змеи —
Никто и нигде не живет веселее!
Да, никто и нигде!
Нет, никто и нигде
Не жил веселее, чем рыбы в воде! —

и распевали ее с утра до вечера. Морские Звезды так и сияли. Мудрые Дельфины и те резвились, как дети, а бедный Рак сидел, забившись в какую-нибудь щелку, и горевал.

А ведь у него было все, что полагается настоящему Раку для полного счастья: десять ног и вытаращенные глаза, длинные-предлинные усы и могучие клешни. Вот только панциря у него не было — тельце у него было совсем мягкое. Может быть, потому-то все, у кого панцирь был,— да и многие другие — обижали его, щипали, кусали, а то и старались съесть.

Рак пел грустную песню:

Ах, много места в море
И много в нем воды,
Но в нем не меньше горя,
Не меньше в нем беды...

— Все горе в том, что тебе не хватает твердости,— сказал ему как-то его дальний родственник, дядя Краб, который всегда ходит боком.— В наше время нельзя быть таким мягкотелым!

И в доказательство он сильно ущипнул бедного Рака.

— Ой,— крикнул Рак,— больно!

— Это для твоей же пользы! — сказал дядя Краб, очень довольный.— Мое дело, конечно, сторона, но на твоем месте я попытался бы обзавестись каким-нибудь приличным панцирем.

Да, я забыл тебе сказать, что Рака звали Отшельником, потому что он, как ты знаешь, вечно прятался то в пещеры, то в норки, то под камушки, чтобы его поменьше щипали.

«Ну, что ж,— подумал Отшельник, когда боль немного успокоилась,— щипок был неплох, но ведь и совет, пожалуй, тоже! Пожалуй, мне действительно стоит об этом хорошенько подумать».

А кругом валялось многое множество раковин. И вот, хорошенько подумав, он решил так:

«Самое подходящее место для Рака—это, конечно, раковина, а самый подходящий жилец для раковины — это, конечно, Рак; и когда Рак залезет в раковину, его уже никто не ущипнет, или я ничего не понимаю ни в тех, ни в других!»

И вот он постучал в первую попавшуюся раковину и попытался объяснить все это ее хозяину, но оттуда выглянул сердитый-пресердитый Моллюск и, не дослушав его, сказал:

— Глупости! Я занят! — и крепко-накрепко захлопнул створки своей раковины.

А когда он постучал во вторую раковину, оттуда уже никто не выглянул, потому что там никого не было — о радость! — это оказалась как раз подходящая раковина, не слишком большая и не слишком маленькая, и красивая, и прочная — ну просто в самый раз!

2

Но странное дело! Хотя никто (даже дядя Краб) не мог больше ни ущипнуть, ни укусить нашего Отшельника (даже для его же пользы), ему все-таки чего-то не хватало для полного счастья... Иначе почему бы море по-прежнему казалось ему совсем-совсем серым? И почему бы он продолжал петь свою грустную песню:

Ах, много в море места,
Но не найти никак
Нигде такого места,
Где был бы счастлив Рак!..

Однажды он, не удержавшись, сказал проплывавшей неподалеку Летучей Рыбке:

— Как странно жить в сером море! Я слыхал, что есть на свете Белое море и Черное, и Желтое и даже Красное, но никто и никогда не слыхал про Серое море...

— Серое! — засмеялась Летучая Рыбка.— Какое же оно серое? Оно лазурное, бирюзовое, голубое, васильковое! Оно синее-пресинее! Самое синее на свете!

И она поспешила вслед за своими подружками, которые выпорхнули на поверхность, чтобы еще раз полюбоваться синими волнами с белыми гребешками.

— Странно! — пробормотал про себя Отшельник.— Кого ни спросишь — все говорят «синее». Почему же только я один этого не вижу? Только я один?

— Именно поэтому,— неожиданно раздался чей-то голос, и Отшельник, вздрогнув, на мгновение спрятался в свою раковину.

А выглянув оттуда, он увидел... кого бы ты думал? — самого доброго, самого мудрого из всех морских волшебников — да, да, ты не ошибся: это был Дельфин!

— Да, именно потому, что ты один! — сказал Дельфин.— Найди себе друга — и тогда ты увидишь! Желаю удачи, и подумай над моими словами!

И Рак подумал: значит, надо найти себе друга. Горе в том, что я не знаю, кто такие эти друзья, и где они живут, и как выглядят. Ну, что ж, ведь когда я найду настоящего друга, я это сразу узнаю, потому что море станет синим-синим!

С этими словами Отшельник отправился искать себе друга, и, говоря по правде, тут-то наша сказка и началась!

3

А я должен сказать тебе, что найти настоящего друга не так-то легко — даже на дне морском. Особенно, если ты не знаешь, как он выглядит...

На отмели он встретил Ската и спросил его, не друг ли он. И Скат, который целый день лежит на дне и подстерегает зазевавшихся рыбешек, сказал ему:

— О, конечно, конечно, я друг тебе! Иди скорее ко мне, мы никогда не расстанемся! — и открыл чудовищную пасть...

К счастью, наш Отшельник, как ты хорошо знаешь, был очень умный, он понял, что Скат ищет не друга, а добычу, и поскорее поплыл прочь. Разочарованный Скат замурлыкал про себя свою страшную песню:

Рак познакомился с Голотурией и попытался заговорить с ней, но трусливая Голотурия с испугу вывернулась наизнанку и выстрелила в него собственными внутренностями, потому что она приняла Отшельника за врага, а Голотурия всегда так откупается от врагов...

Он попытался подружиться с красавицей Медузой, но она оказалась совсем глупой, да вдобавок ядовитой, и он едва успел увернуться от ее ядовитых щупалец.

Наконец, очень усталый и очень-очень грустный, он присел отдохнуть и сказал:

— Вот я обошел все дно морское и нигде не нашел друга. И море попрежнему серое, и, наверное, для меня оно всегда будет серым. Ах, если бы я мог, я бы утопился!..

И тут он услышал, как кто-то с тяжелым вздохом, словно эхо, повторил его слова:

— Ах, если бы я могла, я бы утопилась...

Отшельник оглянулся (вернее, просто повел по сторонам глазами, ведь они у него, как ты помнишь, на стебельках) и никого не увидел. Никого, кроме Розы — Морской Розы. Но ведь Морские Розы — ученые люди называют их актиниями,— хотя они и не цветы, вздыхать не могут.

Вздох повторился, потом послышалось всхлипывание...

Но вздох повторился, а потом послышалось всхлипывание. А ведь кругом никого не было, кроме Морской Розы.

— Это ты плачешь? — удивленно спросил Отшельник (он чуть было не прибавил «А разве ты умеешь?», но вовремя удержался).

Роза ничего не ответила, но так как она за-

Куда спешить на дне морском?
Тут можно двигаться ползком!
Друзья, умерьте вашу прыть:
Ползти спокойнее, чем плыть...

Он был по-своему прав, ведь Скату гораздо легче ловить ту добычу, которая ползает.

плакала еще громче, то ответа, в сущности, и не требовалось.

— А почему ты плачешь? Тебя кто-нибудь обидел? — спросил Отшельник (ведь не только тело, но и сердце у него было мягкое).

— Никто не смеет меня обидеть! — сказала Роза.— Никто во всем мире не смеет ко мне прикоснуться!

И она гордо выпрямилась и даже перестала плакать.

— Тогда почему же ты плачешь?— спросил ее Отшельник так ласково, что Роза тоже смягчилась и ответила ему:

— Мне просто грустно. А грустно мне потому, что это море такое серое-серое! Вот если бы я нашла друга — все было бы по-другому. Но ведь я не умею ходить, и все, что мне остается,— стоять здесь и горевать...

Отшельник хотел сказать ей, что он обошел все дно морское и нигде не нашел друга, но ему стало жалко огорчать Розу, тем более, что она была такая красивая. И он сказал ей:

— Я как раз хожу по дну морскому и ищу себе друга, и, если хочешь, пойдем вместе, и, может быть, если нам очень, очень повезет, каждый найдет себе друга, и тогда море станет синим и мы совсем не будем грустить.

— Да ведь я же не умею ходить,— сказала Роза, и лепестки ее грустно поникли.

— Ну, это горе небольшое,— сказал добрый Отшельник,— ведь если ты хочешь, я могу тебя понести! Мне это будет только приятно!

Розе было страшновато сниматься с насиженного места, хоть ей и плохо там жилось. Так всегда бывает!

Но Отшельник говорил с ней так ласково и показался ей таким добрым, что она согласилась.

И вот Отшельник помог ей сойти с камня и сесть к нему на раковину, и они тронулись в путь.

— Ах, как хорошо! — восхищалась Роза. Как легко дышится, когда не стоишь на месте! Ой, какие пестрые рыбки! Как их зовут? А кто это так сияет? Морские Звезды, вот как! Не думала, что они такие красивые! А это что? А это кто? Ой, как хорошо путешествовать!

Отшельник едва успевал отвечать на все ее вопросы. Он, правда, много раз видел все, чем она так восхищалась, но — ведь он был очень добрый — думал про себя: «Пусть радуется, бедная! Скоро ей все это надоест, так же, как и мне... По правде говоря, мне очень приятно слышать, как она радуется! Интересно, если бы я нашел друга, мы бы радовались с ним вместе или нет?»

И он задумался о том, как грустно, что ему никогда-никогда не найти друга, и вдруг Роза, которая уже с минуту как замолчала, спросила, как будто угадав его мысли:

— А когда же мы пойдем искать друзей?

И тут Отшельник не удержался и рассказал ей всю правду: как он искал друга по всему дну морскому и нашел Существа, Создания и даже Чудища, но друга не нашел нигде...

— Может быть, никаких друзей вовсе не бывает на свете,— сказал он грустно,— и лучше их и не искать?

— Неправда! — сказала Роза.— Друзья на свете бывают, я уверена, а не нашел ты их только потому, что не знал, где их искать.

— А ты знаешь? — спросил Отшельник.

— Я знаю! Настоящие друзья живут в Алом Городе. Они построили его сами и живут там и дружат, и для них море всегда, всегда синее! И знаешь, говорят, что эти друзья — мои сестры, или братья, или вообще какие-то родственники, так что мы должны пойти к ним, и они нам очень обрадуются!

В эту минуту появился дядя Краб.

5

— Доброе утро, племянничек,— бросил он небрежно и хотел было пройти боком по своим делам (у Крабов всегда множество дел), но тут он заметил Розу и от удивления выпучил глаза.

— А это еще что такое? — спросил он и махнул своей толстой клешней в сторону Розы.

Нельзя сказать, чтобы он был слишком хорошо воспитан!

— Это не что, а кто! Это Роза,— объяснил Отшельник.— Мы с ней идем к Алому Городу искать друзей!

Дядя Краб удивился еще больше — глаза у него совсем вылезли на длинных стебельках.

— Мое дело, конечно, сторона,— сказал он,— но все-таки я должен тебе кое-что сказать. Во-первых, Алый Город находится за семью Морями, так что ты туда не дойдешь! Во-вторых, по-настоящему он называется не Алый Город, а как-то иначе, так что ты его не найдешь! В-третьих, там тоже нет никаких друзей, так что ты зря его ищешь! Словом, ты собираешься совершить глупый поступок! А еще глупее — таскать с собой такую обузу.— И он снова показал на Розу своей толстой клешней.

Роза побледнела от обиды, и лепестки ее сжались. И тут дяде Крабу пришлось удивиться еще гораздо больше, потому что Отшельник — ведь ты не забыл, что он был очень, очень добрый — впервые в жизни рассердился.

— Не смей обижать Розу! — крикнул он и бросился на дядю Краба.

Дядя Краб едва успел увернуться. Но все-таки успел.

— Мое дело, конечно, сторона,— крикнул он, отбежав бочком-бочком на почтительное расстояние,— но в одном из семи морей ты обязательно встретишь госпожу К., и она покажет тебе, где Раки зимуют! От души желаю тебе этого, дерзкий мальчишка! Для твоей же пользы!

Отшельнику стало страшновато — ведь никто не любит, когда ему показывают, где Раки зимуют, а Раки — особенно... И, кроме того, он хорошо знал, кто такая госпожа К. ...

И он невольно замедлил шаги...

— Ты боишься? — мягко спросила его Роза.— Скажи откровенно! Ты боишься этой госпожи К.? Не бойся! Ведь я с тобой!

Как ни страшно было Отшельнику, он едва не засмеялся. Ведь госпожа К.— так все Раки и Крабы называют самого страшного своего врага, такого страшного, что они даже не решаются произнести его полное имя,— своими страшными щупальцами хватает самого сильного Краба, и он становится беспомощным, как младенец; своим страшным клювом она раскусывает самый прочный панцирь, как яичную скорлупу...

Что может сделать, чем сможет ему помочь бедная маленькая Роза, если они встретят госпожу К.?

Но он не засмеялся: ведь он не хотел обидеть Розу.

— Чему быть, того не миновать,— сказал он храбро.— Но все-таки... все-таки будем надеяться, что мы ее не встретим!

— А если мы ее встретим, мы сами покажем ей, где Раки зимуют,— сказала Роза.

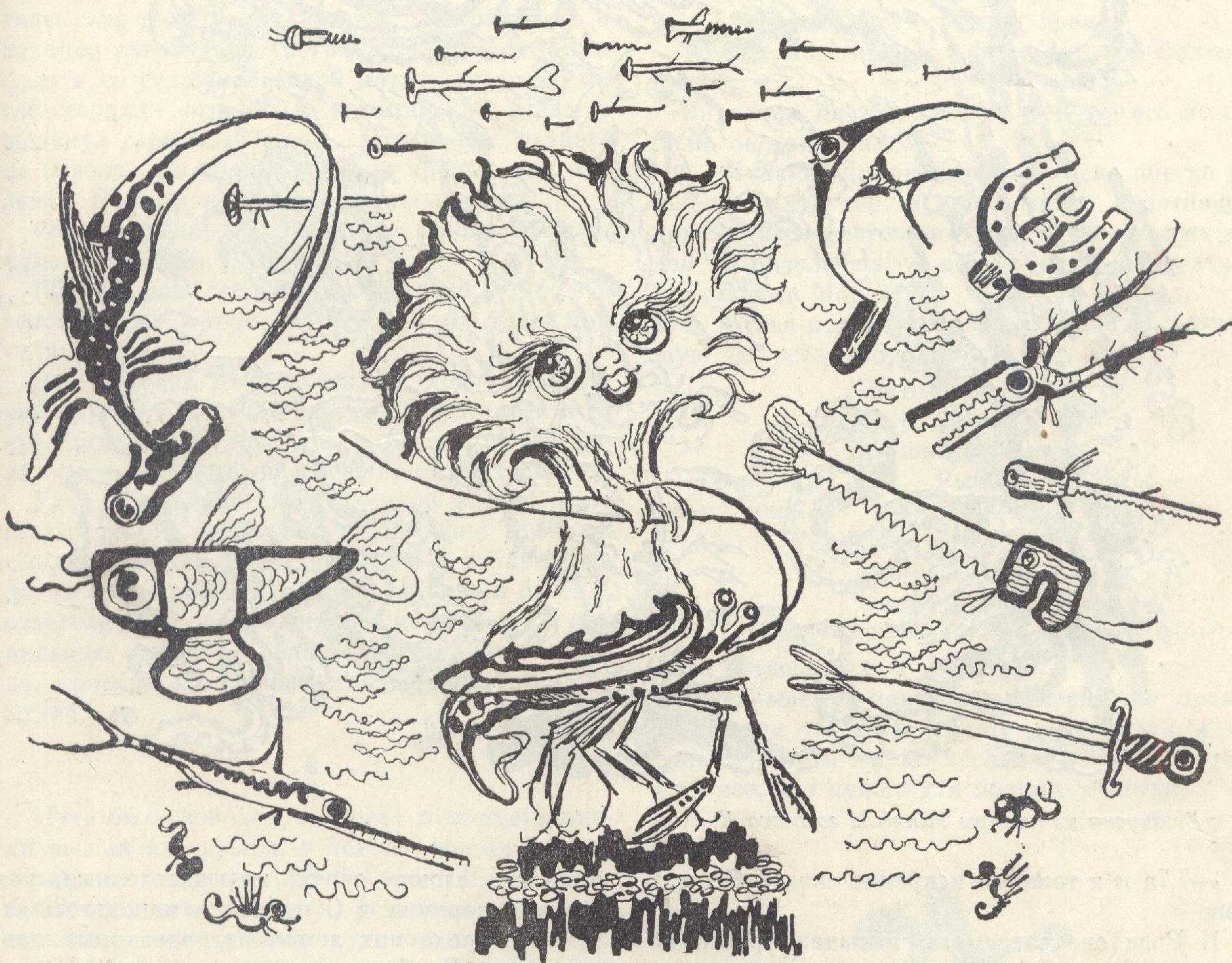
И тут Отшельник расхохотался и с удивлением почувствовал, что ему уже почти совсем-совсем не страшно!

И они пошли дальше.

6

Да, это было долгое путешествие, куда длиннее его первого путешествия по дну морскому!

Они шли, и шли, и шли, а когда они пришли

— Ах, как хорошо! — восхищалась Роза.

в Четвертое море, Отшельник вдруг почувствовал, что он больше не помещается в своей раковине, и вышел из нее, чтобы поискать себе другую.

— Постой! — шепотом сказала ему Роза.— Ты хочешь меня оставить?

— Да что ты,— сказал Отшельник,— я просто вырос и мне нужна другая раковина, побольше!

— Нет, ты хочешь меня оставить! — настаивала Роза.

Она вся совершенно побелела, и ему пришлось долго успокаивать ее, но совсем успокоилась она только тогда, когда он нашел другую раковину и посадил на нее Розу, и они снова тронулись в путь.

— Если бы ты меня оставил, я бы сразу умерла,— сказала Роза.

что вода становится все теплее и теплее, а это могло означать только одно — что они уже пришли в Седьмое море, в то самое море, где живет страшная госпожа К.

— Погоди-ка, что это такое? — сказал Отшельник, не дослушав сказку о том, как Рыба-Молот (такая есть) женилась на Рыбе-Наковальне (такой на самом деле нет) и что у них родилось множество детей: Рыба-Пила, Рыба-Гвоздь, Рыба-Серп, Рыба-Щипцы, Рыба-Напильник, Рыба-Подкова, Рыба-Меч и множество других рыб, из которых одни бывают, а другие нет... И он остановился.

Он остановился, потому что перед ними было ужасное зрелище! Впереди было ущелье между подводными скалами, и у входа в это ущелье лежала целая груда панцирей Раков, Крабов, и все они были пустые и расколотые

Беззвучно из пещеры выплыла госпожа К.

— Да и я тоже! — искренне сказал Отшельник.

И Роза снова засияла и начала рассказывать ему сказки и болтать всякие веселые глупости, и за разговором они даже не заметили,

пополам, словно орехи, и раздавленные, как яичная скорлупа, и Отшельнику показалось даже, что среди них лежит изуродованный панцирь дяди Краба и его клешни,— правда, в такой горе панцирей, клешней и ног трудно было

узнать какой-нибудь один панцирь, даже панцирь родственника...

Ясно было только одно: где-то поблизости живет госпожа К. Но путь к Алому Городу лежал вперед — только вперед...

7

И вот оставалось лишь несколько десятков шагов до выхода — как вдруг в большой пещере блеснули чьи-то страшные глаза, показались длинные щупальца, и медленно, беззвучно из пещеры выплыла госпожа К.

— Роза, спасайся! — отчаянно крикнул Отшельник. В ужасе он даже забыл, что Роза не умеет ходить, и, видимо, забыл, что сам он ходить умеет: он застыл на месте.

Но он угрожающе поднял клешни, чтобы прикрыть Розу...

А Каракатица — так по-настоящему называют госпожу К.— не спеша — ведь она была уверена, что добыча от нее не уйдет! — бесшумно подплывала все ближе.

Вот Отшельник уже мог разглядеть страшные присоски на концах ее щупалец... Извиваясь, как змеи, щупальца все приближались и наконец схватили бедного маленького Отшельника и со страшной силой потащили его туда, где мерцали огромные, немигающие глаза и щелкнул страшный клюв... Отшельник отчаянно боролся, но щупальца были крепки, как железо... Клешни его бессильно опустились...

«Все кончено,— мелькнуло в голове Отшельника.— Прощай, Роза!»

И тут сноп сверкающих молний ударил в толстое тело Каракатицы у самого основания ее щупалец.

Это Морская Роза пустила в ход свое грозное оружие — жгучие стрелы, спрятанные в ее прелестных лепестках. Да, недаром она говорила, что к ней никто не смеет прикоснуться!

Удар — и подернулись пленкой немигающие глаза, удар — и щупальца бессильно повисли, выпустив свою жертву, еще удар — и Каракатица, как ошпаренная (в сущности, так и было!), отлетела в сторону, выпустив напоследок «чернильную бомбу» — облако темной, как чернила, краски... Все заволокло чернильно-черной мглой...

8

Путь был свободен, и, когда путешественники вышли из ущелья, в ослепительном сиянии солнца им открылся Алый Город! Причудливы были очертания его стен, уступами поднимавшихся все выше и выше и утопавших где-то наверху — там, где кончается море и начинается небо.

— Это ведь Алый Город? — спросили они для верности у первого встречного — это оказалась Рыбка-Доктор, которая как раз лечила большого Тунца от Морской болезни. Рыбка оторвалась от своего дела и серьезно сказала:

— Гм-гм, Алый Город? Гм-гм! Это нельзя считать научным названием. Можете называть его Алым Городом, если хотите, но на самом деле это Коралловый Риф! Ведь его построили Кораллы, и с научной точки зрения правильней называть это сооружение Коралловым Рифом.

— Вспомнила! — неожиданно сказала Роза.— Так зовут этих друзей или родственников. Кораллы! Да, да, это они. Идем скорей.

Но когда Отшельник и Роза подошли к Городу (или Рифу) так близко, что им стали видны миллионы прозрачных венчиков, очень похожих на венец лепестков Розы (а именно так выглядят Кораллы), Отшельник остановился и заговорил, и в ту же самую секунду заговорила Роза, так что они сказали хором:

— Я-не-хочу-искать-никаких-друзей-кроме-тебя!

— Давно бы так! — прозвучал удивительно знакомый голос.— Искать то, что давно нашел,— это попусту тратить время!

То был, конечно, Дельфин, Морской Волшебник.

Видя, что ни Отшельник, ни Роза его не поняли, он прибавил:

— Чудаки! Да неужели вы до сих пор не догадались, что вы и есть самые настоящие друзья? Про настоящих друзей говорят: их водой не разольешь! А ведь для вас не хватило целых семи Морей!

И друзья подхватили веселую песню, звучавшую со всех сторон.

Никто и нигде,
Никто и нигде
Не жил веселее,
Чем Рыбы в воде! —

пели Рыбки.

Но ведь ты (и я)
Такие Друзья,
Что нам бы могли бы
Позавидовать даже и Рыбы? —

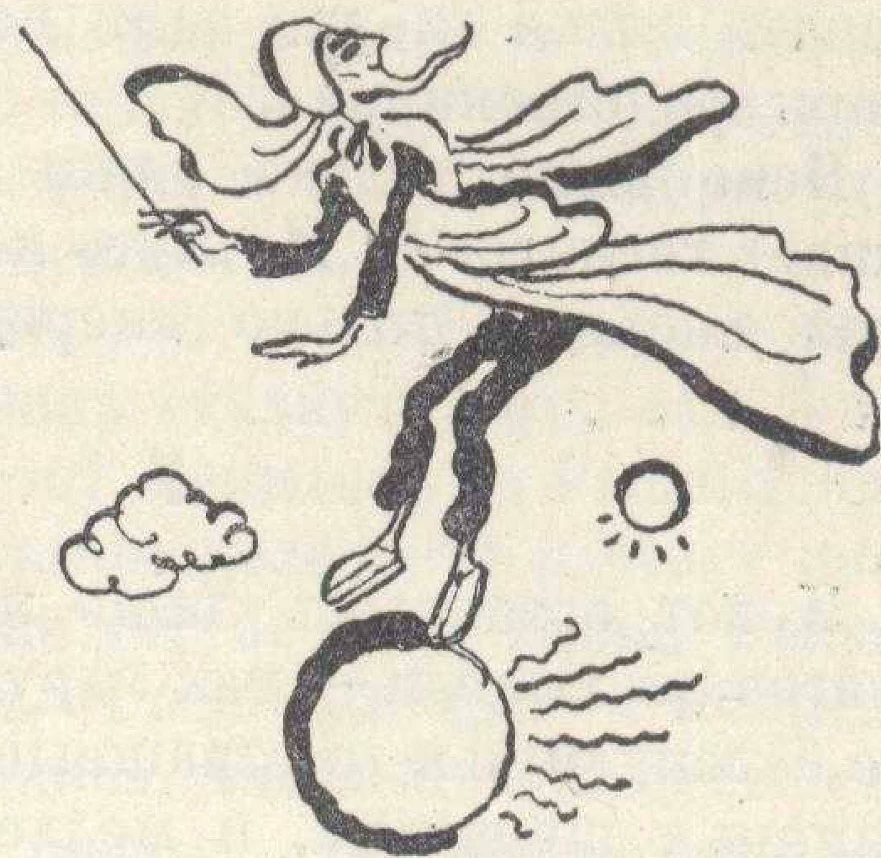
пели Отшельник и Роза.

И, по-моему, они были совершенно правы! Ведь если ты нашел настоящего друга и поешь с ним веселую песню,— значит, у тебя есть все, что нужно для полного счастья!

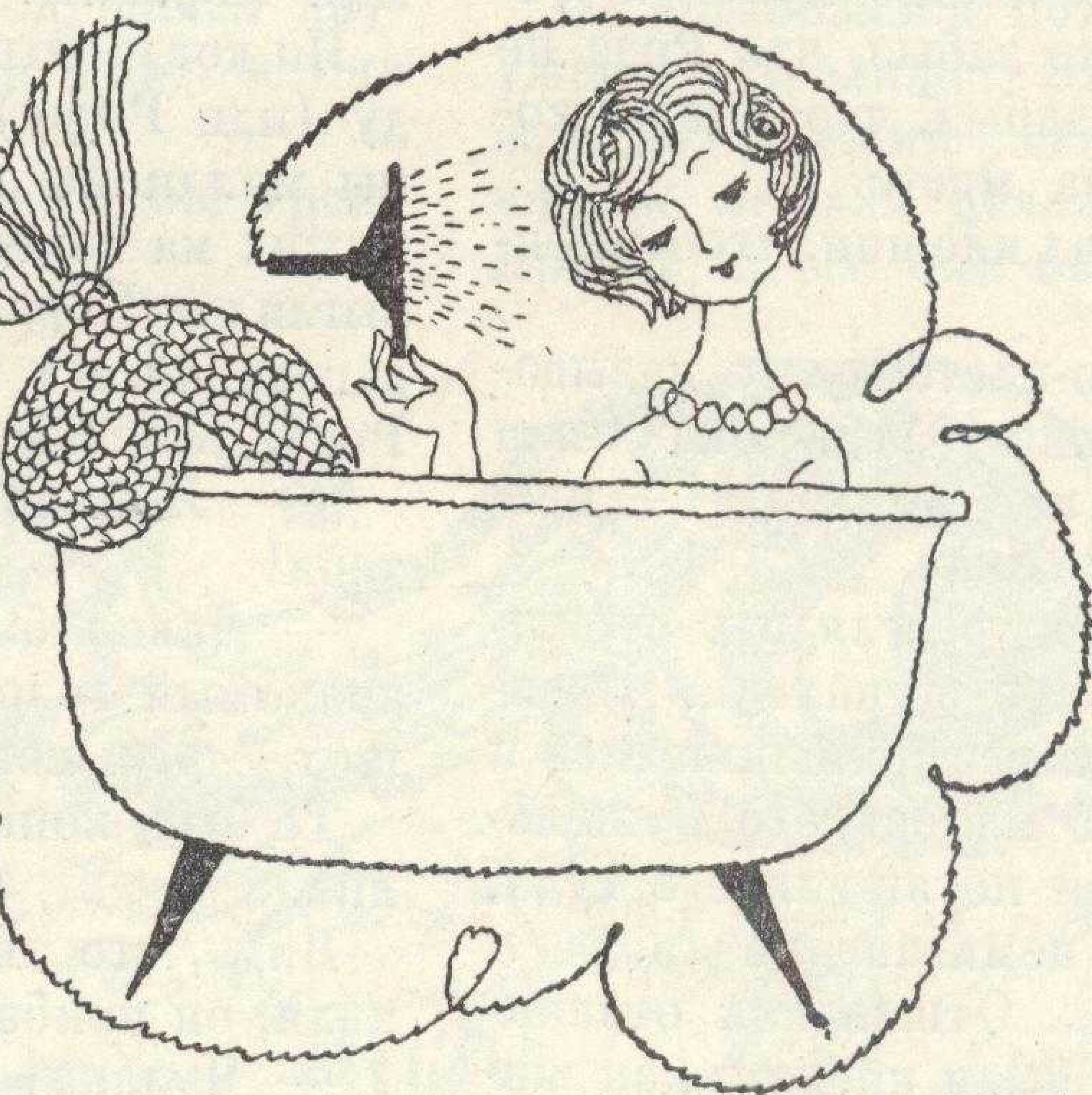

— Энекс-бенекс-ели! — воскликнул Сказочник, и стены редакционной комнаты исчезли. Кругом расстилалась бескрайняя гладь океана.

— Плыла по Атлантическому океану на корабле «Лорд Нельсон» небольшая, но веселая компания,— начал Сказочник,— господин Моп, Лео и Берта. Корабль был парусный, его капитану давным-давно было скучно, и от скуки он зевал... Он так зевал, что ртом вызевывал весь ветер из парусов, отчего «Лорд Нельсон» терял ход и как бы спотыкался в море, а затем дико прыгал вперед. Скучно, ничего не поделаешь. И так предстояло плыть до самой Бразилии! Но... Но господин Моп пообещал капитану Светье, что если тот перестанет наконец зевать, то он, Лео и Берта по вечерам будут рассказывать истории о Генриэтте и о дядюшке Титусе... А потом все эти истории немецкий писатель Петер Хакс аккуратно записал и поместил в книжку под названием «Воздушная яма».

История о русалке в ванной

Петер ХАКС

Перевел с немецкого Ю. КОРИНЕЦ

Рисунки Э. БУЛАТОВА

ДЯДЯ ТИТУС БЫЛ МАСТЕРОМ на все руки.

В любом мастерстве он понимал больше любого другого дяди, но в водопроводе он превзошел самого себя. Воду в ванную он провел непосредственно из реки. Генриэтте было разрешено искупаться первой, ибо вопрос старшинства в данном случае отпадал — просто Генриэтта в этом больше нуждалась. Генриэтта отвернула кран, и через мгновение в трубе показалась голова русалки. Генриэтта испуганно завернула кран, но голова сказала:

— Ты же не можешь оставить меня в трубе, очень неудобно так висеть — головой вниз.

Генриэтта снова отвернула кран, и русалка плюхнулась в ванну. Это была прелестная русалка, сверху до половины розовая, снизу серебристо-зеленая, с короткими коричневыми локонами на голове. На шее, как полагается у русалок, висела нитка нежно-белого жемчуга.

— Послушай! — крикнула Генриэтта.— Как же это возможно? Пролезть сквозь кран!

— Это стало возможным потому, что водопровод соединен с рекой непосредственно,— ответила русалка, мило поводя хвостом.

Генриэтта сейчас же побежала к дяде Титусу, который мастерил в это время особый зонтик с дыркой, чтобы можно было, гуляя под дождем, беспрепятственно наблюдать за облаками.

— Загляни-ка в ванну! — крикнула Генриэтта.— Ты удивишься!

— Я удивлюсь? — переспросил дядя Титус. Он сейчас же пошел в ванную, где русалка распевала песенки, плескаясь в воде. Дядя был чрезвычайно удивлен.

— Действительно! — крикнул он.— В это трудно поверить, но из крана капает. Я плохо затянул гайку.

— Да нет,— сказала Генриэтта,— я имею в виду русалку.

— Ах,— сказал дядя,— но это же все оттого, что водопровод соединен с рекой.

— У вас тут изумительная акустика,— сказала русалка. Она хотела этим сказать, что ее пение звучало здесь лучше, чем где-

либо.— Я чувствую себя у вас прекрасно,— сказала русалка.— Меня зовут Гизелла.

Таким образом, Гизелла поселилась у Генриэтты и у дяди Титуса и вечером того же дня дала большой концерт. Месяц светил прямо в ванную комнату, а дядя Титус сидел на корточках в умывальнике и аккомпанировал русалке на скрипке.

На следующий день к дяде Титусу пришла фрау Филлип, соседка из нижней квартиры, и пожаловалась, что у нее течет с потолка. Она хотела знать, кто это натворил.

— Никто,— сказал дядя Титус. Он терпеть не мог эту фрау Филлип.

Но фрау Филлип прорвалась в ванную.

— Русалка! — воскликнула она, всплескивая руками.— Я так и подумала, услышав это странное пение.

Гизелла как раз играла с термометром.

— Как вы сюда попали? — спросила ее фрау Филлип.

— Из трубы,— объяснила Генриэтта,— потому что водопровод идет прямо в реку.

— Не хотите ли вы вернуться назад? — спросила фрау Филлип Гизеллу.

— Как! — возмутилась Гизелла.— Сквозь эти крохотные дырочки в сточном отверстии?

Фрау Филлип мгновенно вытащила из ванной пластинку с дырочками. Русалка очень рассердилась, вырвала пластинку из рук фрау Филлип и водворила ее на место. Тут все услышали, как в сточной трубе глухие голоса взывают из глубины:

— Гизелла! Гизелла!

Гизелла заплакала и сказала:

— Нигде мне не было так хорошо, как в этой ванне. Зачем вы меня прогоняете? Что я вам такого сделала?

Но фрау Филлип не сдавалась:

— Пускай эта рыба убирается восвояси! — кричала она.

Она потащила дядю Титуса к себе в квартиру и продолжала кричать, указывая на расставленные всюду ведра, в которые капало с потолка.

Дяде Титусу русалка тоже немножко надоела, потому что он не любил, чтобы ктонибудь смотрел, как он чистит зубы. Было решено посадить Гизеллу в таз с водой и отнести ее в речку. Но когда в ванную принесли таз и фрау Филлип хотела посадить в него Гизеллу, русалка так ударила по воде хвостом, что окатила фрау Филлип с головы до ног. Фрау Филлип стала похожа на овцу, упавшую в пруд. Она хотела сказать «бесстыдница!», но сказала тслько «бе-бебе!»—потому что набрала полный рот воды.

— Помогите же мне наконец! — обратилась она к дяде Титусу.

Дядя Титус надел резиновый передник, и все наклонились над ванной, пытаясь схватить русалку, но она была такой скользкой, что все время ускользала из рук. Дядя Титус наступил на кусок мыла, упал на фрау Филлип и столкнул ее в таз с водой.

— Вы ничего не соображаете,— сказала фрау Филлип, лежа в тазу.— Сюда надо бы-

ло посадить русалку, а не меня. Теперь я пойду жаловаться! — Она вылезла из таза и поплыла вниз по лестнице.

Генриэтта была счастлива, что русалка осталась. Гизелла плескалась в ванне до самого вечера, распевая еще нежнее, чем прежде, она пела о мягкости речной воды после дождя, о цвете волн во время заката.

Утром в квартире раздался звонок. Перед дядей Титусом предстал желтый зобастый старик с широкой пастью.

— Я слесарь Нокль,— проквакал он.— Мне необходимо пройти в ванную.

— Действуйте сами! — сердито сказал дядя Титус.

— Чепуха! — квакнул слесарь и прошел в ванную. Он заперся изнутри.

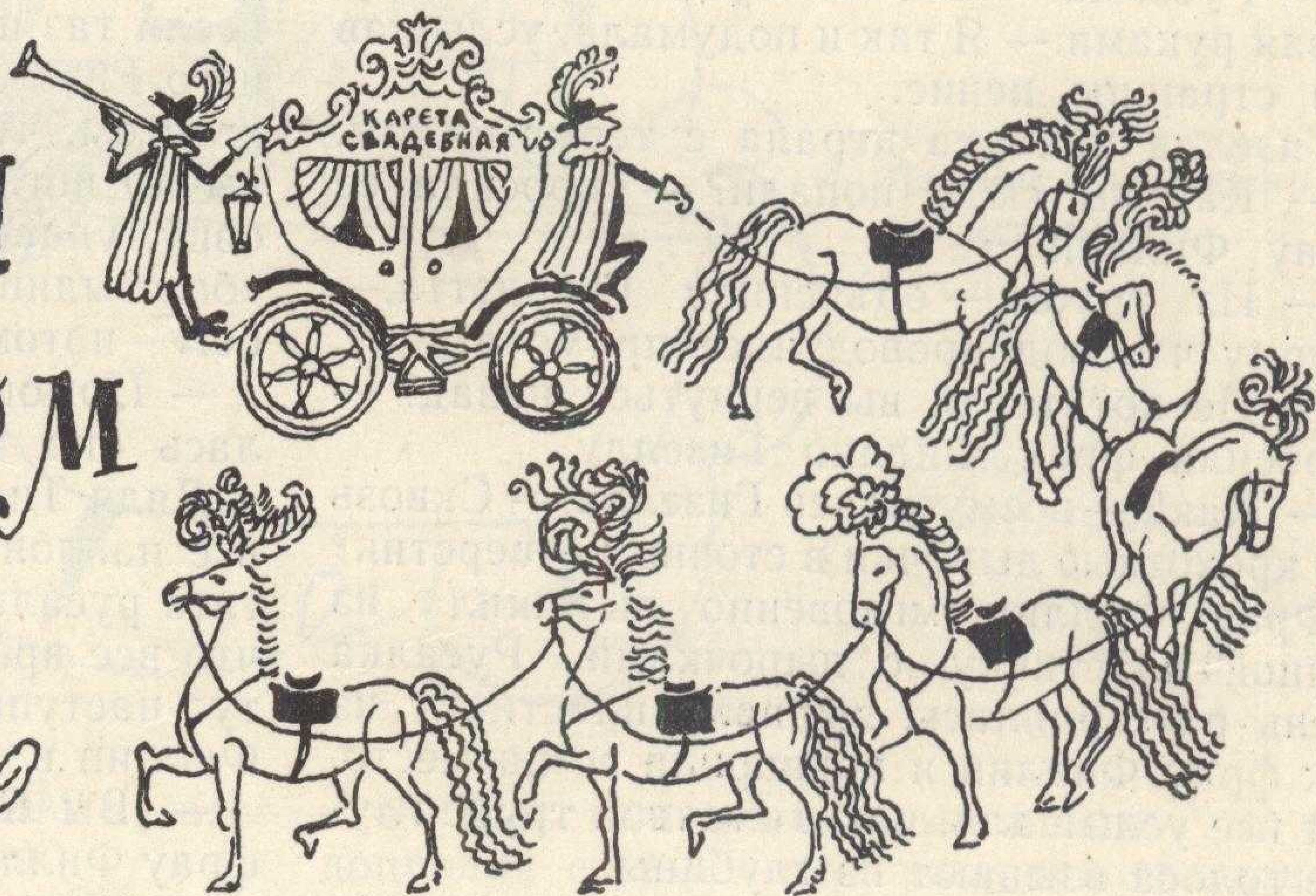
— Эй! — крикнул дядя Титус.— Запирать чужие двери запрещается.

Дядя постучал, но дверь не открылась. Тогда он надавил на нее плечом и сломал замок. В ванной было пусто. Слесарь исчез. Русалки тоже не было. Только в мыльнице обнаружила Генриэтта жемчужное ожерелье.

— Вот это было приключение! — сказала Генриэтта соседке, с которой она завязала разговор, чтобы похвастаться жемчугом.

— Да,— сказала фрау Филлип,— не дай бог испытать такое еще раз.

История о дневном воре

В ОДИН ПРЕКРАСНЫЙ ДЕНЬ ДЯДЕ ТИТУСУ ПРИШЛА В ГОЛОВУ ИДЕЯ жениться на фрау Филлип...

А может быть, эта идея пришла сперва в голову фрау Филлип? Так это было или не так, но в то утро они сидели рядышком на лиловой тахте. Они решили позвать Генриэтту и сообщить ей, что скоро она получит новую тетю.

— Надо преподнести ей эту новость очень мягко и осторожно,— сказал дядя Титус.

— Конечно,— согласилась фрау Филлип.— Внезапная радость может подавить человека.

Когда Генриэтта вошла, дядя Титус начал так:

— Дорогая племянница! Фрау Филлип и ты бывали порой не очень добрыми соседями. Я это знаю. Отныне все будет по-другому. Из своей квартиры, которая находится под нами, фрау Филлип должна будет выехать...

— Урра! — закричала тут Генриэтта.— Урра! — Она была так счастлива, что пустилась в бурную индейскую пляску.

— Я рад, что ты так счастлива,— смущенно сказал дядя Титус.— Выражаюсь яснее: с понедельника фрау Филлип будет жить у нас. В воскресенье мы поженимся...

Услышав эти слова, Генриэтта скорчила такую гримасу, что я не в состоянии ее вам описать, злость Генриэтты была неописуемой. Она пулей вылетела из комнаты.

— Наверное, опять побежала к этому жулику, к дневному вору! — воскликнула фрау Филлип.

Фрау Филлип не ошиблась.

«Дневной вор» был молодым человеком, которого звали Феликс. Он ходил в розовом шелковом халате и жил в беседке, где занимался поисками разумных мыслей и сочинением стихов. Увидев Генриэтту, он сказал:

— Никогда не надо злиться!

Это была очень разумная мысль.

— Но дядя хочет в воскресенье жениться на фрау Филлип! — крикнула Генриэтта.

— Боже мой! — воскликнул Феликс.

— И еще она назвала тебя дневным вором! — добавила Генриэтта.

— В этом она не ошиблась,— неожиданно сказал Феликс.— Это моя профессия.

— Что это значит? — спросила Генриэтта.— Ты воруешь только днем?

— Я ворую дни! — сказал Феликс.

— Разве это возможно—воровать дни?— удивилась Генриэтта.

— Если действовать достаточно ловко, можно украсть все,— объяснил Феликс.— Конечно, ночь украсть легче: она темная. Потому и существуют ночные сторожа — они стерегут ночи. Когда, ты говоришь, должна произойти свадьба?

— В воскресенье,—сказала Генриэтта.

— Можно пойти и украсть это воскресенье! — таинственно сказал дневной вор.

Надо признать, что это была чрезвычайно разумная мысль! Короче говоря, Феликс пошел, притаился в засаде под кустиком — и украл воскресенье!

Когда фрау Филлип утром проснулась, был уже понедельник. День, в который должна была произойти свадьба, исчез! Но фрау Филлип этого не знала, она, конечно, подумала, что проснулась в воскресенье. Она надела белое подвенечное платье и высунулась из окна, надеясь увидеть свадебную карету. Но кареты не было.

— Не видишь ли ты свадебную карету и шесть белых коней, запряженных цугом? — спросила она Генриэтту.

— Белых коней я не вижу,—ответила Генриэтта, высовываясь из окна и внимательно вглядываясь в конец улицы.

— Может быть, кони коричневые?—спросила фрау Филлип.

— Коричневых тоже не видно,— ответила Генриэтта.

— Какие же кони запряжены в карету?— нетерпеливо спросила фрау Филлип.

— Откровенно говоря,— сказала Генриэтта,— никакой кареты вообще не видно!

В это время на лестнице раздались шаги дяди Титуса. Он вошел в комнату и весело сказал:

— С добрым утром, дорогая женушка!

Дядя только что заглянул в календарь, увидел, что там понедельник, и решил, что он уже женат.

— Кареты все нет,— сказала фрау Филлип,— и гостей что-то не видно. Но я все равно выйду за тебя, хотя бы мне пришлось в этот загс тащиться пешком!

— Но мы ведь уже вчера поженились! — удрученно проговорил дядя Титус.— Сегодня же понедельник!.. Хотя я действительно не могу припомнить, как все это происходило.

Но фрау Филлип ни о чем не хотела слышать. Она схватила дядю Титуса под руку и потащила его в загс. Они бежали по улице, и вуаль фрау Филлип развевалась над ними, как белое облако. Но загс был закрыт. На дверях висело объявление: «Выходной день — понедельник».

— Значит, сегодня должно быть открыто! — сказала фрау Филлип и стала барабанить в запертую дверь.

— Да нет же! — сказал дядя Титус.— Сегодня понедельник, и поэтому должно быть закрыто! Мы должны были пожениться вчера!

— Глупости!—мрачно сказала невеста.— Вчера я замачивала бузину!—И она продолжала, не оборачиваясь, яростно барабанить в дверь; два раза она больно стукнула дядю Титуса по носу, потому что он стоял сзади.

— Дорогая моя! — испуганно воскликнул дядя Титус.— Ты не должна меня бить! Я же все-таки твой муж!

— Верно! — сказала фрау Филлип и обняла его.

Но потом она почему-то повернулась к нему спиной и стала нежно обнимать дверь загса. Она и вправду была как бы не в себе.

— Ну, Розочка же! — сказал дядя Титус нежно.

Генриэтта дернула дядю за пиджак.

— Неужели ты непременно хочешь на ней жениться? — спросила она.—Подумай только, как много она нам с тобой запрещала!

— И правда! — сказал дядя Титус.— Одной женщины в доме вполне достаточно.

Тут он схватил Генриэтту за руку, и они оба побежали прочь, а вслед им грохотало: это фрау Филлип барабанила в дверь загса.

— Все-таки не приложу ума, куда девалось воскресенье? — сказал дома дядя Титус.

— Воскресенье украл Феликс специально для меня,— ответила Генриэтта.— Он же дневной вор!

— Ах, теперь мне все ясно! — сказал дядя Титус.

В это время они увидели в окно Феликса, который шел к ним из беседки в своем розовом шелковом халате.

Когда он вошел, дядя Титус сказал ему весело:

— Вы себе не представляете, как я вам благодарен!

Но тут зазвонил телефон. Это была фрау Филлип. Она радостно прокричала в аппарат.

— Новость, Титус! Оказывается, сегодня понедельник!

— Нет, вы это серьезно? — рассмеялся дядя Титус.

— Я думаю,—ответила ему фрау Филлип, и голос ее звучал очень бодро,— я думаю, что мы поженимся в четверг!

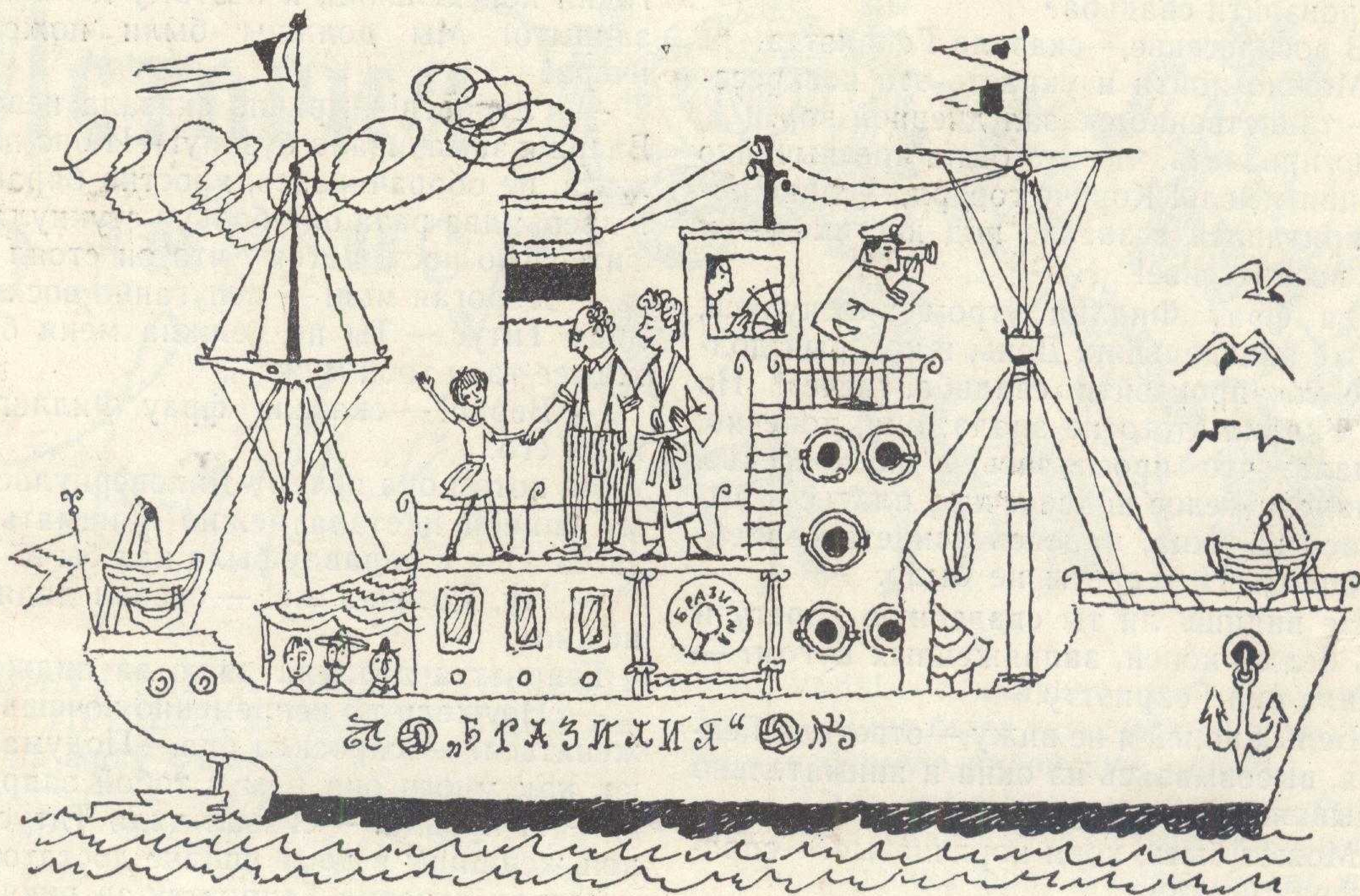
Дядя Титус сразу помрачнел, беспомощно взглянул на Феликса.

— Больше я вам помочь не смогу,— сказал Феликс.— Нельзя же воровать все дни подряд! Но если вы ее так боитесь, вам остается одно: бежать.

— Вы гений! — закричал дядя Титус. Он стиснул Феликса в своих объятиях.

— У вас всегда есть в запасе разумная мысль,— продолжал дядя.— Не хотите ли бежать вместе со мной и Генриэттой? Сегодня в полдень отчаливает корабль, и мне кажется, что ваш розовый халат будет прекрасно гармонировать с голубыми волнами моря!

Таким образом, все они и отплыли в Рио-де-Жанейро: дядя Титус, Генриэтта и Феликс. Тем более что бразильцы уже давно приглашали дядю Титуса погостить в Бразилии и построить там ветряную кофейную мельницу.

Сказочник опять хлопнул в ладоши, в единый миг произошло два события сразу: в воздухе возникла одна удивительная курица, и эта курица сказала:

— Здравствуйте, я, учтите, птица особенная и прошу ко мне отнестись внимательно! Больше всех знает про меня чешский писатель Мацоурек, но кое-что узнаете и вы...

Неожиданно появившись, курица неожиданно и пропала.

— Куда же вы! — закричали мы в темноту, уже совсем освоившись в этой более чем странной обстановке.— Мы хотим узнать про вас побольше! Курица, мы следуем за вами по пятам...

Милош
МАЦОУРЕК

ПЛОХО НАРИСОВАННАЯ КУРИЦА

сказка

Перевела
с чешского
И. ЧЕРНЯВСКАЯ

Рисунки
Е. МЕДВЕДЕВА

— Курица — это курица. Каждый знает, как выглядит курица, и мы с вами ее сейчас нарисуем,— сказала учительница.

Все ребята отточили карандаши и стали рисовать курицу, кто как мог. Одни изобразили ее просто черной, другие — коричневой. Якуб рисовал курицу всеми карандашами, какие у него только были, да еще взял карандашей у Иванека. Вышла у него курица оранжевая, с синими крыльями и красными ногами.

Учительница взяла рисунок, посмотрела и показала классу.

— Не кажется ли вам, ребята, что у Якуба какая-то странная курица?

Все засмеялись.

— А все это потому, что Якуб невнимателен,— сказала учительница.

И правда, курица была похожа даже на индюка, но не совсем: чем-то она напоминала и воробья и чем-то — павлина. Толстенькая, как перепелочка, а вместе с тем, как ласточка, худенькая...

О, это вышла, знаете ли, особенная курица. Якуб за нее немедленно схватил двойку. А сама курица вместо того, чтобы попасть на выставку рисунков, полетела на пыльный классный шкаф и там среди хлама осталась, казалось бы, навсегда...

Но нет. Представьте себе, курица обиделась. Ей, нарисованной курице, не понравилось валяться среди мусора, и она, эта плохо нарисованная курица, наконец сказала сама себе:

— Ну, что мне тут делать? Зачем я здесь? Не понимаю...

И... вылетела в окно, которое, кстати, было раскрыто.

Однако курица — это курица, и далеко она не улетит.

И вот курица опустилась на траву в соседнем саду, там, где росли редкие в наших местах белые черешни и голубая смородина.

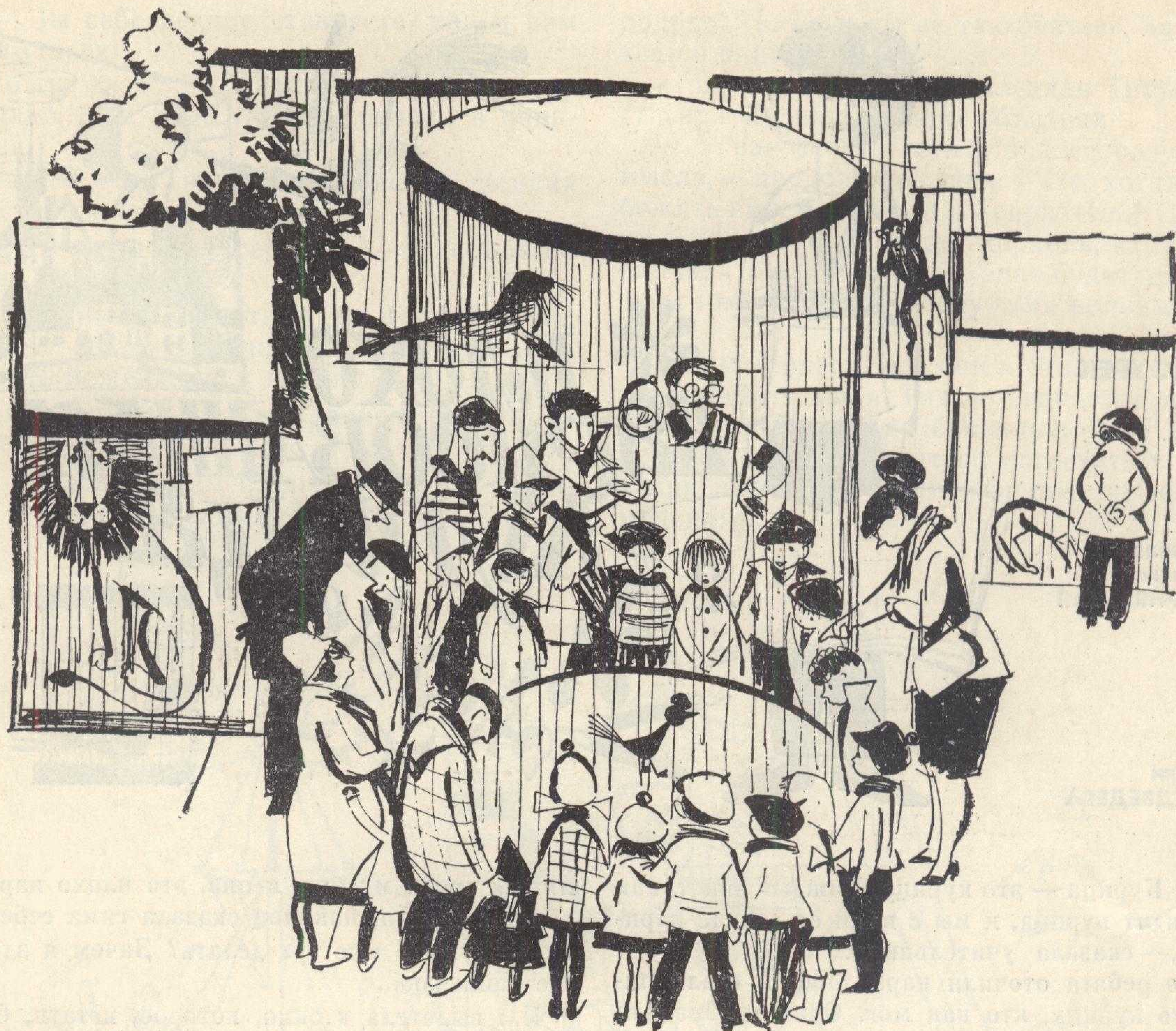
— Какой чудный сад! — воскликнула наша курица.— Сразу видно, что хозяин любит его.

Курица угадала. Сад принадлежал одному человеку, а этот человек был знаток и любитель природы, ученый профессор Пишта, кстати, специалист по птицам... О птицах он написал уже семь толстых книг и как раз сейчас кончает писать восьмую, самую толстую. А так как он ее уже кончает, то, значит, уже много проделано работы, и он устал, и часто прерывает свой труд, и отправляется для отдыха поработать в саду.

Вот он вышел из дому. Сейчас профессор Пишта станет подстригать ветки. Это легкая работа, за ней можно и подумать.

И профессор думает.

— Сколько же па свете разных птиц,— говорит он себе задумчиво и — чик-чик — рабо-

тает садовыми ножницами,— а я еще не открыл ни одной новой птички...

Вдруг он видит курицу, которая клюет голубую смородину — драгоценнейшую ягоду, выращенную профессором Пиштой вовсе не для кур. Я думаю, вы поймете, как рассердился ученый, ведь этакая история кого угодно может вывести из себя.

Профессор бросился ловить курицу. Вот он ее догнал, поймал и... выбросил прочь за забор своего сада. И вот летит нарисованная курица, а за нею тоже почти летит профессор Пишта, известный ученый. Вот он ее снова ловит, прижимает к груди и несет в дом.

— Она! Наконец-то моя необыкновенная птица! Курица, какую никто доселе не видел: у нее оранжевая голова, синие крылья, красные ноги.— Он так и записал в своей восьмой книге о птицах, которую как раз кончает: «Она похожа на индюка, но не совсем, чем-то напоминает воробья, а чем-то — павлина. Она толстенькая, как перепелочка, и худенькая, как ласточка».

Когда профессор записал все это в своей книге, он очень растрогался и назвал курицу своим именем, как и полагается в ученых трудах, а потом решил подарить курицу зоопарку и сам ее туда отнес.

Однако курица — это курица, и ничего больше, и никто бы ею не заинтересовался, если бы она не была особенной...

В зоопарке, представьте себе, целый переполох: слона покормить забыли, и моржей, и львов. И все из-за курицы!

Да, да, такое случается раз в двадцать лет, не чаще, даже, может, и реже. Директор потирает руки от удовольствия. Столяры строят клетку.

— Постелите там,— говорит директор,— помягче и... А где же табличка?

Вот она: «Курица Пиштова». Не правда ли, это звучит?

А курица? Курица чувствует себя отлично, ей все нравится. Она в центре внимания. Столько посетителей никогда еще не было в этом зоопарке — толпы и толпы! Ну и, конечно же,

наша знакомая учительница со своим классом. Вот она стоит перед новой клеткой и говорит:

— Дети, только что вы видели лошадь Пржевальского. А теперь перед вами другая редкость — «Курица Пиштова». Обратите особое внимание на ее великолепную окраску!

Все смотрят, и всем нравится, и всем интересно. Вот только Иванек о чем-то вспоминает и тянет учительницу за рукав:

— Это ведь, кажется, Якубова курица...

Но учительница сердится. Ах, какие глупости! Какая-то еще Якубова курица... А где он сам? Ну, конечно же, стоит перед муравьедом! Несносный мальчишка!

— Якуб, почему ты не смотришь на «Пиштову курицу», или это тебя не касается? — кричит учительница.— В следующий раз останешься в школе!

Кончилась одна сказка, а Сказочник уж начал новую.

— В день рождения Дульси — а ей исполнилось восемь лет — произошло чудо. Утром у нее в комнате появился волшебник — мальчик с красными волосами. Он предложил Дульси путешествие к дереву желаний.

Сказочник рассказывал, а мы видели, как из окна по игрушечной лестнице Дульси спустилась во двор, где ее уже ждала няня Алиса, братишка Дульси Дикки и еще один мальчик, Джордж, который жил в доме напротив.

— Алиса и Дикки могут поехать в коляске,— сказал мальчик с красными волосами. — Остальные — верхом на пони!

И тут Сказочник прервал свой рассказ:

— Я забыл вам сказать, что американский писатель Уильям Фолкнер, написав эту сказку, сам напечатал ее на машинке и подарил своей маленькой соседке с таким посвящением:

«Своему дорогому другу Виктории в день восьмилетия Билл сделал эту книгу».

А вы сейчас узнаете об одном из приключений, которое произошло с нашими путешественниками в дороге.

Уильям ФОЛКНЕР

ДЕРЕВО ЖЕЛАНИЙ

Перевел с английского О. РУДАКОВ

Рисунки Ю. ВЛАДИМИРОВА и Ф. ТЕРЛЕЦКОГО

Они двинулись по дороге и вскоре приехали к маленькому серому домику. Около его двери росли большие яркие розы, а у порога сидел старичок с длинной седой бородой и обстругивал деревяшку.

— Доброе утро,— вежливо сказал мальчик с красными волосами.

— Доброе утро,— вежливо ответил старичок.

— Мы ищем дерево желаний,— сказал мальчик с красными волосами.

Старичок грустно покачал головой.

— Оно очень далеко,— сказал он.— Мне кажется, что вы не доберетесь до него.

— Мы спросим кого-нибудь по дороге,— сказал мальчик с красными волосами.

— В этих местах его никто никогда не видел,— сказал старичок.

— Откуда вы тогда знаете, что оно так далеко? — спросил мальчик с красными волосами.

— О, я в вашем возрасте ходил туда каждый день. Но вот уже много лет, как я не был там.

— Почему бы вам не пойти с нами? Показали бы дорогу,— предложил мальчик с красными волосами.

Старичок.

Алиса ворчала себе что-то под нос, и Дульси спросила:

— Что ты сказала, Алиса?

— Я сказала, что очень нужна нам эта старая рухлядь. Держу пари, что он бродяга. Держу пари, что вашей маме не понравилось бы, если бы она узнала обо всем этом.

— Поехали с нами, — сказал мальчик с красными волосами.

Старичок осторожно оглянулся через плечо на дом.

— Я бы поехал с большим удовольствием,— проговорил он тихо.

Старичок закрыл свой нож и вместе с деревяшкой сунул в карман. Он тихо поднялся и заглянул в дверь дома.

Няня Алиса.

— Пожалуй, я поеду и покажу вам дорогу, потому что...

В это время как раз появилась жена старичка. Остановившись на пороге, она запустила в своего мужа утюгом, а затем будильником.

— Эй ты, старый бездельник! — крикнула она. — Сидишь здесь и болтаешь с прохожими, а в доме ни палки дров, даже обед приготовить не на чем.

— Мегги, не волнуйся,— сказал старичок ласково.

Его жена вернулась в дом, и тут же в старичка полетел башмак. Старичок увернулся и побежал за угол дома. А его жена осталась на пороге и оттуда грозила ему скалкой.

— А вам здесь нечего делать,— сказала жена старичка.— Только людей от работы отрываете.— Она зло посмотрела на мальчика с красными волосами, на Дульси, на Алису, на Дикки, на Джорджа и с шумом захлопнула дверь.

— Ну, что я вам говорила! — торжествующе сказала Алиса.— Я же говорила, что старик — барахло.

— Придется самим искать дерево желаний,— сказал мальчик с красными волосами.

Они поехали дальше.

— Постойте, подождите меня, — тихо позвал их кто-то.

Они увидели старичка, он выглядывал из помидорной грядки.

Жена старичка.

— Ушла? — шепотом спросил он.

— Да, да, не беспокойся — ушла,— ответил мальчик с красными волосами.

Старичок выбрался из грядки и вскарабкался на изгородь.

— Подождите меня минутку. Я поеду с вами.— Он прокрался вдоль забора к дому, подобрал будильник и утюг, башмак и скалку и спрятал эти вещи.— Теперь она не сможет бросать их в меня, когда мы вернемся,— лукаво улыбаясь, сказал он.

Они выехали на развилку дороги, и мальчик с красными волосами остановился.

— В какую сторону? — спросил он.

— Туда,— не задумываясь, показал старичок.

И они поехали дальше.

— Что вы вырезали, когда мы подъехали к вашему дому? — спросила Дульси.

Старичок пошарил в кармане и достал деревяшку. Все сгрудились около коляски, чтобы посмотреть на нее.

— Маленький щенок,— сказал Дикки.

— Это ящерица,—предположил Джордж.

— Нет, это дракон, — сказала Дульси, — правда!

— Он и сам не знает, что это такое, — сказала Алиса.

— Я не знаю, что это такое,— признался старичок, — но мне думается, что это джиллипус.

— А что это такое — джиллипус? — спросил Джордж.

— Я не знаю, но мне кажется, что он выглядит примерно так.

Мальчик с красными волосами.

— А почему вы называете его «джиллипус», если вы не знаете, на что он похож?

— Он больше похож на джиллипуса,— ответил старичок,— чем все, что я когда-либо видел.

— По мне, его деревяшка ни на что не похожа,—сказала Алиса.— Мне даже в цирке не приходилось подобное видеть.

— Вы когда-нибудь были в цирке? — спросила старичка Дульси.— Наша Алиса туда ходила.

— Я не знаю,— сказал старичок,— по-моему, я когда-то был там. Но это было так давно, что я теперь не знаю, помню я или нет.

Они миновали замок и подъехали к странному дереву у дороги. Сначала им показалось, что это цветет кизил. Они приблизились к дереву и увидели, что у него белые листья.

— Какое смешное дерево,— сказала Дульси.— Как оно называется?

— Это мелломакс,— ответил старичок,— их очень много в этом лесу.

— Я никогда раньше не видела дерева с белыми листьями,— сказала Дульси и оторвала один листок.

Как только девочка прикоснулась к листку, он тут же переменил цвет и стал синим. Потом они все сорвали по листку. Лист Джорджа стал пурпурным. У мальчика с красными волосами — золотым, а у Алисы — малиновым. Листок Дикки был какого-то неясного цвета. Вроде бледно-розового, зеленого и такого же оттенка, как синий у Дульси, только чуть-чуть бледнее.

— Какой у вас цвет? — спросила старичка Дульси.

Старичок показал им свой лист. Он почти ничем не отличался от листка Дикки.

— Это цвет желаний каждого,— сказал мальчик с красными волосами.— У Дульси желания синие, а у Дикки желания ничего особенного не представляют, потому что он маленький. Когда он вырастет, его желания будут синими, потому что он брат Дульси. Желания Алисы — красные, Джорджа — пурпурные, а мои — золотые. Желания старичка такие же, как у Дикки. Наверное, у него немного желаний.

— А ведь это, может быть, и есть дерево желаний,— предположила Дульси.

— Нет-нет,— ответил старичок,— это — другое дерево. Я много раз ходил к дереву желаний. А это мелломакс.

— Ладно, в какую же сторону ехать к дереву желаний? — спросил мальчик с красными волосами.

— Туда,— быстро сказал старичок.

И они поехали дальше.

— Это, наверное, очень далеко,— сказал Джордж,— а я так голоден. Вот бы сейчас бутерброд!

В этот же миг Джордж от удивления чуть не свалился с пони. В руке у него оказался бутерброд с семгой. Джордж уставился на него, потом понюхал, откусил и закричал от радости.

Старичок залез в коляску, и они поехали дальше.

— Я тоже хочу что-нибудь съесть,— сказал Дикки.

И как только он это проговорил, что-то оказалось в его руке.

— Что это у тебя, Дикки? — спросила Алиса.

Все окружили коляску и разглядывали то, что держал Дикки.

— Что это такое? — спросила Дульси.

Мальчик с красными волосами отщипнул кусочек и положил себе в рот.

— Какой у него вкус? — поинтересовалась Дульси.

— Это ни на что не похоже,— ответил мальчик с красными волосами.— Это вообще ничто. Просто что-нибудь. Так захотел Дикки, понимаете? Он не сказал, хлеб или сладкое. Он просто сказал, что хочет чего-нибудь.

— Я хочу сладкого,— сказал Дикки. И тут же у него в руках оказалась плитка шоколада.

— Алиса, ты ведь знаешь, что ему нельзя сладкого,— сказала Дульси.

— Верно, Дикки,— затараторила Алиса,— тебе нельзя сладостей, тебе не нужны сладости.

— Хочу сладкого,— повторил Дикки.

— Тебе лучше съесть что-нибудь еще. Дай мне шоколад.

Алиса взяла из его рук плитку, но как только шоколад очутился в ее руках, он исчез. Мгновение Алиса смотрела на пустые руки. Опомнившись, она набросилась на старика.

— Это ты, старый,— сказала Алиса.— Отдавай назад, слышишь? У ребенка изо рта вырвал. Отдавай сейчас же, слышишь!

— Что вы! — удивился старичок.— Я не брал.

— Ты со мной не шути! — закричала Алиса.— Видели, как он у меня из рук вырвал?

— Что ты, Алиса,— сказала Дульси,— он не брал.

— Тогда кто же? Он ближе всех сидит.

Алиса со злостью посмотрела на старика.

— Шоколад просто пропал,— объяснил мальчик с красными волосами.— Его пожелал Дикки, а в руках Алисы он исчез, ведь она не заказывала сладкого.

— Мне это все не нравится. Лучше нам повернуть к дому.

— Я хочу есть,— сказал Дикки,— я хочу...

— Не хочешь ли ты хлеба с маслом или печенья? — быстро спросила Дульси.

— Хочу печенья,— повторил Дикки.

И как только он это сказал, в каждой руке у него оказалось по печенью.

— Ой, как все интересно. Наверное, это было дерево желаний! — воскликнула Дульси.

— Нет-нет,— возразил старичок.— Я хорошо знаю дерево желаний. То был просто мелломакс.

— Как бы оно ни называлось, но я тоже хочу есть. Давайте остановимся, и каждый закажет себе поесть,— предложил мальчик с красными волосами.

Они остановились, привязали своих пони к высокому дереву, которое росло у дороги.

— Ну, Дульси, заказывай первая.

— Я хочу, я хочу, я хочу... Дайте мне подумать, что я хочу... Вот... Я хочу зеленого горошка, большую грушу, стакан молока с шоколадом.

И тут же перед Дульси на траве одно за другим появились заказанные блюда.

— Теперь Дикки,— сказал мальчик с красными волосами.

— Алиса, тебе придется за него пожелать,— сказала Дульси.— Что ты хочешь, милый?

— Хочешь риса с подливкой, Дикки? — спросила Алиса.

— Хочу,— сказал Дикки, и перед ним появилась тарелка с горячим рисом.

— Теперь Джордж,— сказал мальчик с красными волосами.

— Я хочу клубники и шоколадного торта.

И перед Джорджем появилась большая миска с клубникой и свежий шоколадный торт.

— Теперь Алиса,— сказал мальчик с красными волосами.

— Я хочу ветчины и подливки, кукурузного хлеба и чашку кофе.

— Теперь вы выбирайте,— сказал мальчик с красными волосами старичку.

— Я возьму яблочный пирог и мороженое. У нас в доме не часто бывает мороженое.

— Теперь моя очередь,— сказал мальчик с красными волосами.— Я хочу пряник и яблоко.

— Вы ничего не пожелали, кроме яблочного пирога и мороженого? — спросила Дульси.

— Я не знаю,— ответил старичок.— Я не думал об этом. Но я сейчас задумаю что-нибудь... м-м... м... Я хочу, чтобы у всех был мешок с леденцами в розовую и белую полоску.— Как только он это проговорил, у каждого в руке оказался мешок с леденца-

ми.— У меня мягкие,— обрадовался старичок.— Раньше я больше любил твердые. Но теперь мне приходится есть мягкие, потому что у меня зубы уже не те, что были в молодости.

— Покажите мне ваши зубы,— сказала Дульси.

Старичок открыл рот. У него вообще не было ни одного зуба.

— Почему бы вам не пожелать искусственные зубы? — удивилась Дульси.

— А что такое искусственные зубы? — спросил старичок.

— Пожелайте и посмотрите,— предложила Дульси.

— Хорошо. Я хочу, чтобы у меня были искусственные зубы.

Старичок прижал руки ко рту и в изумлении посмотрел на Дульси.

— Вам они не нравятся? — спросила Дульси.

— Кажется, нет,— ответил старичок.— Я уже привык без зубов.— Он вынул зубы и посмотрел на них.— Довольно красивые, правда? На камине у меня они будут хорошо выглядеть. Я, пожалуй, сохраню их как украшение.

Когда с едой было покончено, все снова двинулись в путь.

Проехав большой лес, они опять очутились у развилки.

— Теперь в какую сторону? — спросил мальчик с красными волосами.

— Туда,— не задумываясь, ответил старичок.

— Смотрите, вон то же самое белое дерево,— удивилась Дульси.— Мы вновь приехали к нему.

— Нет, нет,— сказал старичок,— это не то самое. Просто еще один мелломакс. В этом лесу их очень много.

— Я и сам думаю, что это то же самое дерево,— сказал мальчик с красными волосами.

— Я в этом абсолютно уверена,— заявила Алиса.— Он не знает, где это дерево желаний. Ты когда-нибудь видел такое дерево?

— Я ходил к нему раз сто,— обиженно ответил старичок.— Я знаю, где оно находится.

— По-моему, это то же самое дерево,— сказал мальчик с красными волосами.— Теперь в какую сторону?

— Да не слушайте его,— сказала Алиса,— он не больше моего знает, где это дерево.

Алиса продолжала что-то ворчать, и Дульси спросила ее:

— Что ты сказала, Алиса?

— Я говорю, что он просто старый бродяга, вот что я говорю.

Она повернулась и посмотрела на старичка, который забился в угол коляски.

— Если бы у нас было ружье,— сказал он Дикки,— мы бы могли подстрелить белку или птицу, правда ведь? В этом лесу масса дичи.

— Я хочу ружье,— сказал Дикки.

И тут же в руках у Дикки оказалось ружье. Оно было таким большим, что Дикки не смог удержать его и оно свалилось прямо на ноги старичку. От неожиданности Алиса всплеснула руками и с ужасом отшатнулась.

— Вы!..— закричала Алиса.— Вы, молодой рыжий человек, немедленно доставьте нас обратно домой! Слышите, пока этот старый бродяга нас всех до смерти не убил. Подъезжайте сюда и заберите это ружье. Вы только посмотрите на вашего старика! Он целится в меня и в ребенка!

— Ну что ты, Алиса! — воскликнула Дульси.— Он этого не сделает, это Дикки пожелал ружье.

— Мне до этого нет дела. Я знаю, что он только ждет случая ограбить и убить нас.

Алиса обернулась и сердито посмотрела на старичка.

— Честное слово, мэм,— взмолился старичок,— я этого не делал. Я даже и не думал...

— Ничего не хочу слушать. Убери ружье из коляски!

Старичок нагнулся и притронулся к ружью. Как только он до него дотронулся, оно исчезло. Потому что старичок не желал ружья.

— Ну,— сказала Алиса,— где же оно? Ты его под куртку не прячь, не то я позову полисмена.

— Алиса,— сказала Дульси,— ты разве не видишь, что ружья нет? Старичок не требовал ружья, его пожелал Дикки.

Алиса беспокойно заерзала на сиденье.

— Нам пора домой,— сказала она Дульси,— вели рыжему мальчику, чтобы он поворачивал. С меня довольно.

Алиса не переставала ворчать, а тем временем все двигались дальше. Старичок выпрыгнул из коляски и взобрался на пони.

Они въехали в лес и очутились под огромными дубами. На деревьях чирикали и пели

птицы. Белки прыгали с ветки на ветку, в траве росло множество цветов.

Старичок бил своего пони пятками, пока он не стал на дыбы и маленькие колокольчики его уздечки не зазвенели звонко-звонко.

— На войне у нас тоже были лошади,— сказал старичок.— Вот как я ездил.

Он пришпорил своего пони, и тот понесся так быстро, что борода старичка развевалась по ветру. Он развернулся и помчался обратно.

— Держу пари, что ты вообще ни на какой войне не был,— сказала Алиса, когда старичок доскакал до коляски.

— Я тоже держу пари,— сказал Джордж.— Я держу пари, что если бы вы увидели врага, то побежали от него без оглядки.

— Держу пари, что нет,— сказал старичок.— Держу пари, что я бы разрубил врага надвое своей саблей. Если бы у меня сейчас была сабля, я бы показал вам, как это у меня получается.

И у него в руке очутилась сабля. Новая, блестящая, с золотой рукояткой. Старичок потер ее о куртку, и она заблестела как зеркало.

— Вот как я делал на войне,— объяснил старичок,— смотрите.

Он помчался по дороге, размахивая саблей. Потом резко развернулся и прискакал обратно.

— Держу пари, что вы до смерти перепугались,— сказал Джордж.

— Держу пари, что я бы не испугался и сотни врагов,— ответил старичок.— Держу пари, что я бы въехал в самую гущу врагов и разрубил их всех надвое вот так.

— Держу пари, что вы и собаки надвое не разрубите,— сказал Джордж.— Держу пари, что вы испугаетесь.

— Держу пари, что не испугаюсь,— ответил старичок.— Держу пари, что я...

— Держу пари, что вы испугаетесь тигра или льва,— перебил его Джордж.

— Держу пари, что я убил сто тигров и львов в этом самом лесу такой же саблей... Нет, это на войне у меня была сабля. Я не помню, чем я убивал тигров и львов. Наверное, чем-то другим.

— Ты, наверное, убивал их скалками и утюгами,— предположила Алиса.

— Держу пари,— сказал Джордж,— держу пари, что если бы лев выпрыгнул из-за дерева, то вы бы упали замертво.

— Держу пари, что нет,— сказал старичок и опять взмахнул саблей.— Держу пари, что я...

— Хотел бы я, чтобы лев сейчас выпрыг...

Джордж так и не окончил фразы. Дульси закричала, старичок рявкнул: «Сдаюсь»,— но голос Алисы заглушил всех. Они побежали по дороге. Алиса держала одной рукой Дикки, а другой тащила за собой Дульси. За ними бежал Джордж и вопил от страха. Но впереди всех бежал старичок, размахивая саблей.

Они побежали по дороге, и старичок был впереди всех.

Возле самой дороги сидел лев.

— Остановитесь, остановитесь! — кричал мальчик с красными волосами.

Алиса остановилась. Прислонившись к дереву и тяжело дыша, она оглянулась. Возле дороги сидел лев, а рядом с ним на фыркающем пони мальчик с красными волосами.

— Вернитесь! — позвал мальчик с красными волосами.— Он вам ничего не сделает.

— Ни за что! — крикнула Алиса.— Дульси, не смей туда ходить, пока он не уберет этого зверя.

— Чтобы льва не стало, его нужно расхотеть! — крикнул мальчик с красными волосами.— Кто пожелал его, Джордж?

— Кажется, я,—ответил Джордж.

— Он тебе еще нужен? — спросил мальчик с красными волосами.

— Только не мне,— ответил Джордж.— Надеюсь, что я никогда его больше не увижу.

И, как только он это произнес, льва не стало.

— Теперь мы можем вернуться,— сказала Дульси.

— Дульси,— воскликнула Алиса,— не смей туда ходить! Он просто прыгнул за дерево. Я сама видела.

— Его уже нет,— позвал мальчик с красными волосами,— идите смело.

Они вернулись на дорогу.

Все скоро успокоились. Только Алиса еще долго заглядывала в тревоге за большие деревья, но льва действительно нигде не было.

Лев исчез.

• •

Веселая сказка Фолкнера на этом не кончается. Смешные и удивительные происшествия поджидали ее героев и дальше на каждом шагу.

Дикки пожелал расколоть джиллипуса надвое и вдруг стал крошечным, как оловянный солдатик. Мальчик с красными волосами объяснил, что нельзя желать ничего плохого, поэтому Дикки и наказан. Вскоре маленькой стала Алиса. Тогда и остальные пожелали уменьшиться, чтобы всем держаться вместе.

И тут же все оказались в огромном лесу среди диковинных деревьев со стволами плоскими, как лезвия мечей. Вы, конечно, догадались, что лес этот был всего-навсего травой. А потом Дикки еле спасся от сойки: она приняла его за жука и хотела съесть. Затем всем показалось, что началось землетрясение, а это всего лишь крот рыл землю.

Но в конце концов все опять стали большими. Волшебник дедушка Францис сказал им, чтобы они не искали дерево желаний. Мелломакс и есть это дерево. Только что же будет, если тысяча девочек и мальчиков сорвут по листку с дерева желаний? Значит, для других листьев не останется?

И все отдали дедушке Францису свои листья. Ведь если все будут добрыми, честными, будут бороться с несправедливостью, то тогда и дерева желаний не нужно.

Вот какие приключения произошли с Дульси и ее друзьями. А все это случилось потому, что Дульси накануне дня рождения легла в постель с левой ноги да еще вдобавок перевернула подушку перед тем, как заснуть.

Так объяснил Морис, мальчик с красными волосами.

Попробуйте проверить. Может, и у вас получится что-то необыкновенное.

— Все кончено!— сказал нам Сказочник, и вновь наступила в нашей комнате тишина и темень.— Сейчас я сложу аппарат в мешок и уйду. Не провожайте меня...

— Позвольте, а английская сказка! Вы же обещали!

— Да, но время вышло. Впрочем, зажмурьте глаза!

Когда мы открыли глаза, в комнате было светло, а Сказочника и его машины уже не было. Зато на столе лежали вот эти веселые стихи и вот эти чудесные к ним рисунки.

Перевел В. ЛУГОВОЙ

Из книги «Английские народные стихи»

Том, сын волынщика

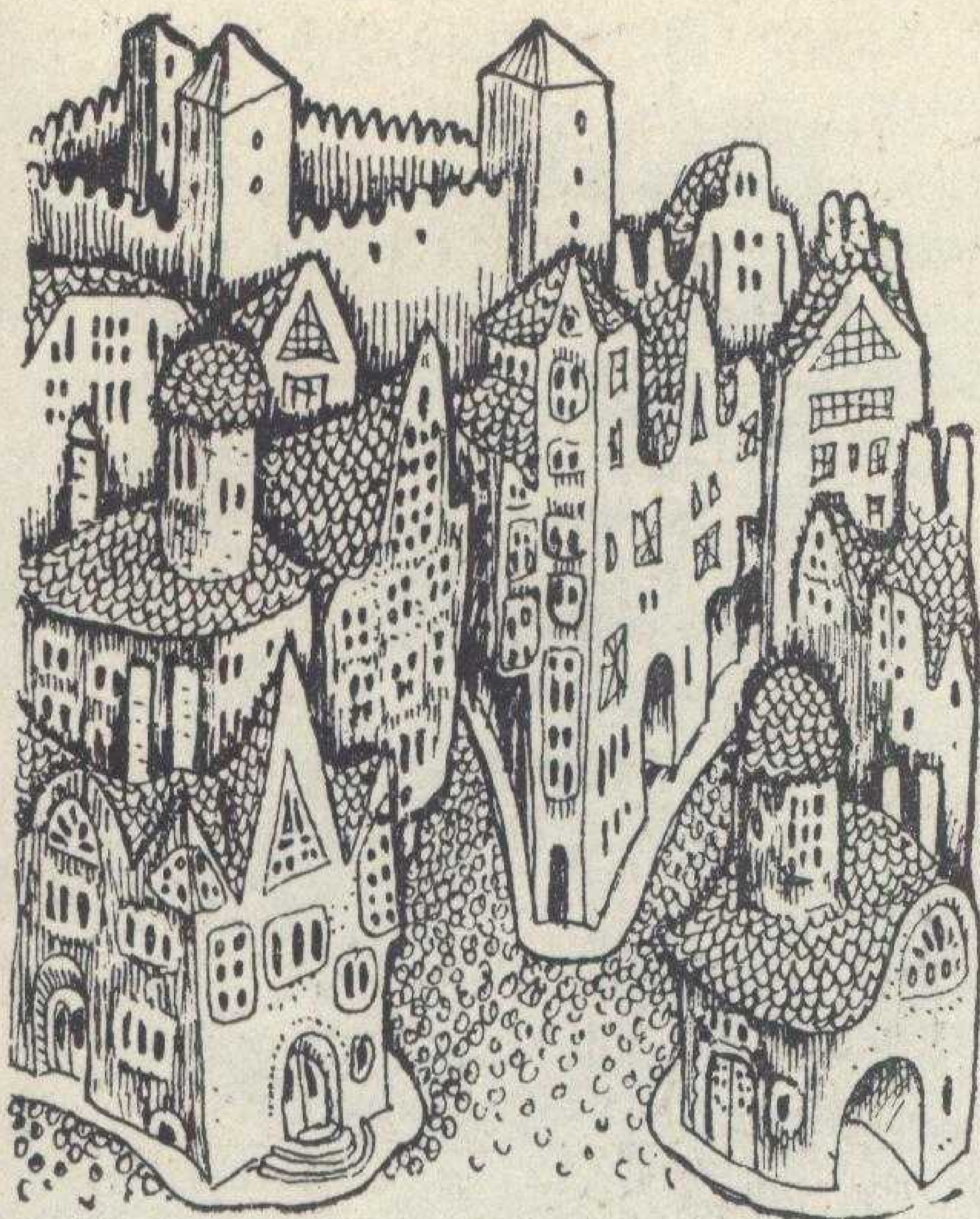
Сын волынщика Том
был со всеми знаком.
Не беда, что невидным он был пареньком —
брал он в руки волынку
и сперва под сурдинку,
а потом все задорнее, все веселей
он играл:
«Веет ветер холмов и полей,
ветер песенку мне напевает,
мою челочку набок сдувает!»

Том немало, наверное, песенок знал,
но никто никогда и нигде не плясал —
обойди хоть полсвета —
веселей, чем под эту,
что наигрывал Том на волынке своей.
Он играл:
«Веет ветер холмов и полей,
ветер песенку мне напевает,
мою челочку набок сдувает!»

Был простым пареньком
сын волынщика Том,
но недаром же все говорили о том,
как на ферме соседней
как-то в полдень весенний
он заставил плясать поросят и свиней.
Он играл:
«Веет ветер холмов и полей,
ветер песенку мне напевает,
мою челочку набок сдувает!»

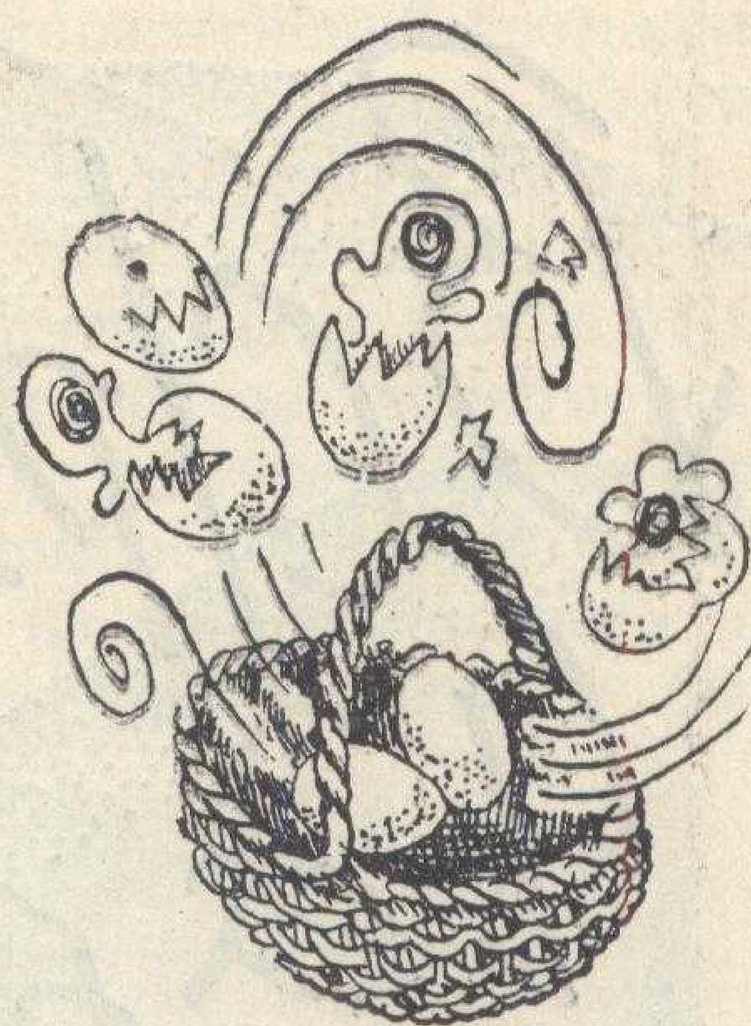

Только Долли корову доить начала,
как волынка послышалась из-за угла,
наплясалися вволю
и корова и Долли,

опрокинув подойник,
кружась все быстрей
под напев:
«Веет ветер холмов и полей,
ветер песенку мне напевает,
мою челочку набок сдувает!»

В город старая Мэгги
держала свой путь.
Том, расправив мехи,
что есть мочи стал дуть,
и под песню волынки
у торговки в корзинке
в пляс пошли
и побились все яйца, ей-ей.
Он играл:
«Веет ветер холмов и полей,
ветер песенку мне напевает,
мою челочку набок сдувает!»

Рисунки Н. ДОБРОХОТОВОЙ

ДОБ и МОБ

Жил-был человек по имени Доб
со своей женой по имени Моб.
Держал он собаку по кличке Боб,
и еще была кошка Джиттерабоб.

Доб говорит: «Моб,
не знаешь ли ты, где Боб!»
«Боб!» — говорит Моб.
«Боб», — говорит Доб.
«Нет, я не знаю, где Боб,
и довольно об этом, Доб,
я устала.
Джиттерабоб!»

«Моб!» — говорит Доб.
«Доб!» — говорит Моб.
«Доб!» — говорит Боб...
«Стоп!» — говорю я,
мы запутались с вами, друзья.

ШЕСТЕРО МЫШАТ

Едва поднялась над землею луна,
шесть дружных мышат сели ткать у окна.

Ткачам в лунном свете ничуть не темно.
Вдруг старая кошка стучит к ним в окно.

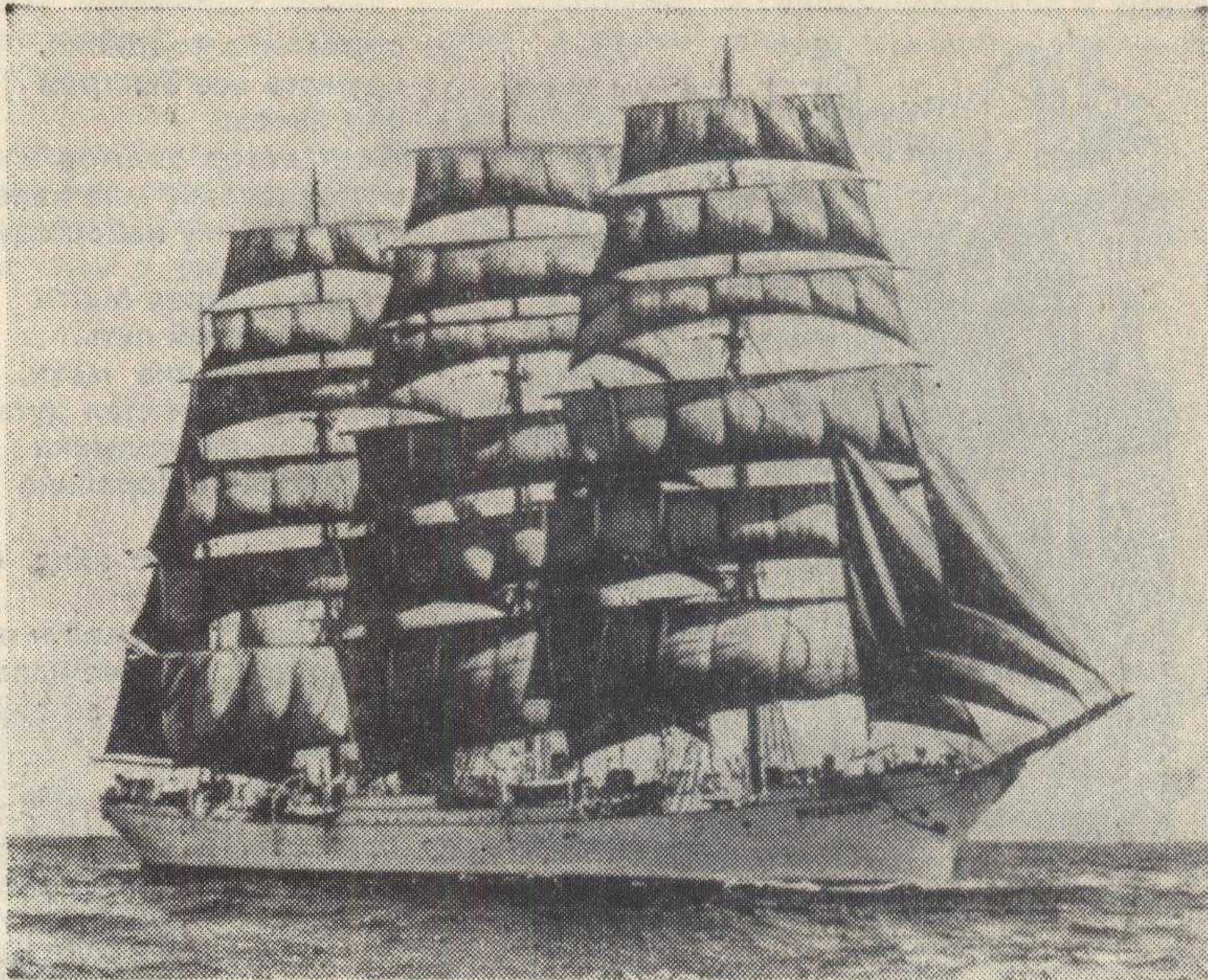
«Вы дома! Но чем же вы заняты, ах!
Поверьте, вам вредно работать впотьмах!

Я ночью все вижу и, что говорить,
могла бы помочь вам откусывать нить!»

«О нет! — отвечали мышата все вместе.—
Впустить вас — не много ли будет нам чести!

Нам лучше не видеться с вами,
а нить мы откусим и сами!»

Встреча в море

Материал подготовлен юнкорами «Ветра» — корреспондентского отряда в городе Свердловске.

Есть места, с которыми очень трудно расставаться. Этим летом мы побывали в лагере «Орленок» и, прощаясь с ним, знали, что никогда не перестанем грустить о друзьях, о белом городке на берегу моря. Мелодия орленковского «Звездопада» преследовала нас всюду, все время. И очень хотелось снова увидеть море. Нам повезло: в конце лета корреспондентские пути-дороги привели нас в Севастополь.

Двое из наших ребят попали в Севастополь впервые, и мы решили показать им море «так, как надо». По проспекту Нахимова мы вышли на Приморский бульвар и остановились на площадке у Дворца пионеров. Море из-за зелени бульвара открылось неожиданно, — громадное, очень синее и неспокойное.

Тот, кто это видит впервые, замирает на месте. Остановились и наши два новичка.

— Смотрите... — вдруг сказал Женька.

Над горизонтом вырастал корабль. Поднимались его громадные мачты, перечеркнутые длинными реями, опутанные паутиной штагов и вант, потом засверкал на солнце узкий корпус, такой же белый, как гривастые гребни волн. Паруса были убраны, но судно приближалось: видимо, работали двигатели. Даже без парусов корабль казался приплывшим прямо из романов Купера или Стивенсона. Это был океанский четырехмачтовый барк.

— «Седов», — сказал Юрка, прочитавший не один морской словарь.

— Салага! — презрительно заметил высокий парень в тельняшке.

— Это, товарищи, шхуна! — громко сообщил самоуверенный турист в ярко-желтом сомбреро. Мальчишки, сидевшие на перилах площадки, захихикали сдержанно, но язвительно.

Оставалось одно: на Севастопольский рейд шел «Крузенштерн».

Парусник вошел в бухту и пришвартовался к плавучим бочкам у Голландии (это один из пригородов Севастополя).

Еще утром мы горевали, что не смогли достать на послезавтра билеты на обратный поезд и застряли в Севастополе на лишнюю неделю. Сейчас мысль о том, что можно уехать, не побывав на «Крузенштерне», показалась бы просто дикой. Но такой мысли и не было.

Мы составили план операции «Абордаж». Она состояла из глубокой разведки и десанта на борт судна. Разведку мы провели среди курсантов, которых скоро повстречали на севастопольских улицах. Получив запас предварительных сведений, мы с причала прыгнули на палубу взмыленного катера, который метался между Графской пристанью и «Крузенштерном». Расчет был дерзок и прост: «За борт все равно не выкинут!»

Но напрасно мы опасались, что встретят нас негостеприимно. Не понадобились даже наши корреспондентские удостоверения.

— Мы ребятам всегда рады, — сказал Антон Владиславович Рудуш, первый помощник капитана.

Оказывается, морякам «Крузенштерна» не привыкать к таким гостям.

Вахтенный штурман и дежурные курсанты быстро отыскали нам экскурсоводов-добровольцев. Мы облазили весь парусник — от самых глубоких отсеков трюма до капитанского мостика. Женька намекал еще, что не прочь побывать на верхушке главной грот-мачты (высота — пятьдесят девять с половиной метров). Пришлось шепотом одернуть распоясавшегося штурмана юнкоров. Он утешился тем, что получил разрешение крутить настоящий, деревянный, как у старых кораблей, штурвал.

Здесь не только штурвал напоминал о старых романтических временах: сигнальный колокол — рында с надписью «Paduja», лежащий на палубе адмиралтейский громадный якорь весом в три с лишним тонны, густое переплетение такелажа вокруг мачт.

Когда все паруса поставлены, судно развивает скорость до пятнадцати узлов. Примерно так же ходят сейчас черноморские лайнеры. Несмотря на паруса, это — современное судно. Гирокомпас, локатор, радио...

Впрочем, нашлись на «Крузенштерне» люди, которые такими «новшествами» были очень недовольны. «Лезут на глаза, срывают работу», — заявляли они. Но, конечно, это были не моряки, это были «киношники».

Юный капитан «Дианы». Играет его московский школьник Женя Ушаков.

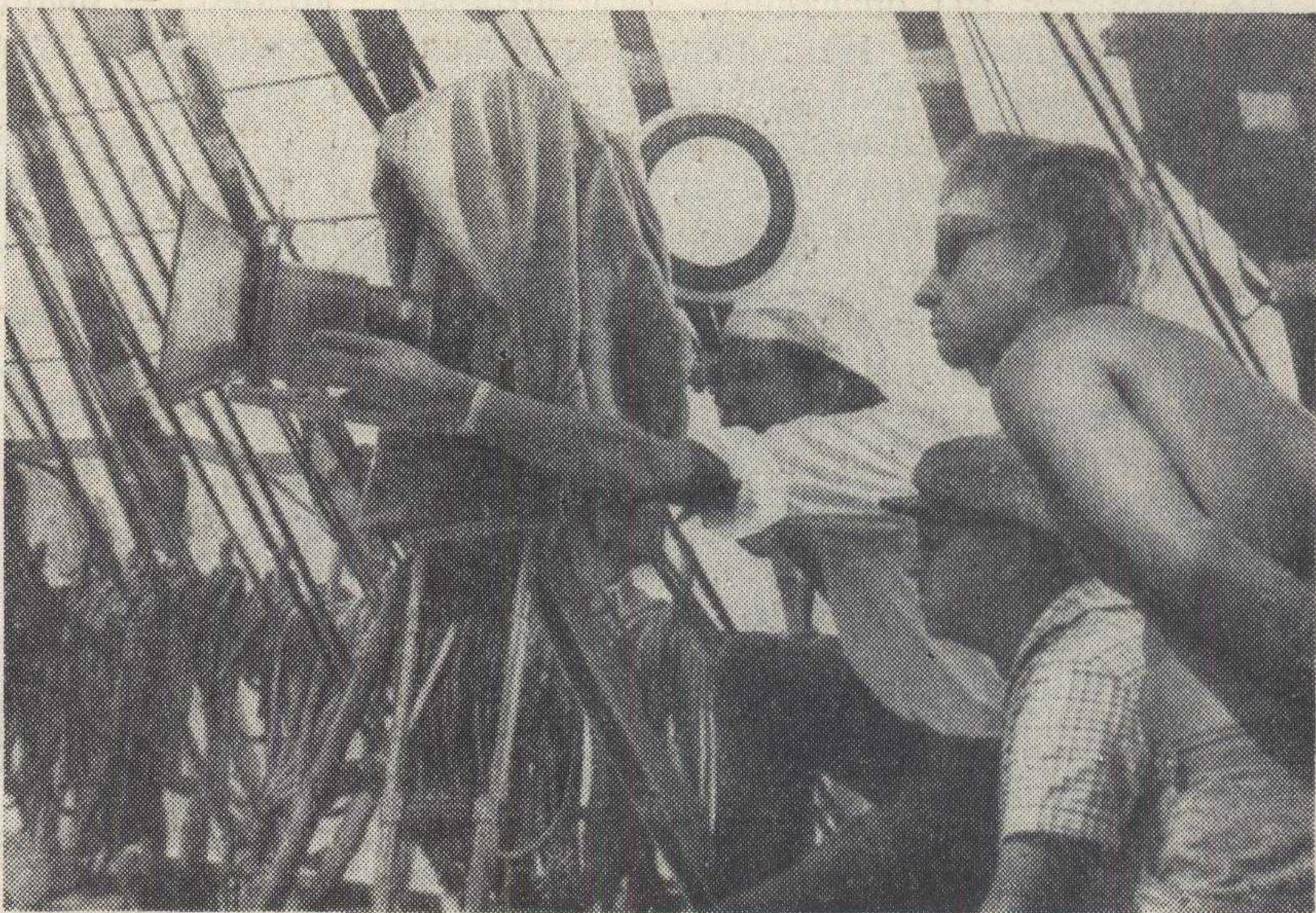
На следующее утро нас встретили на палубе волосатые и бородатые люди в умопомрачительных блузах, тельняшках и «клешах». За широкими поясами у них отливали белым металлом кремневые пистолеты и шестизарядные тридцать восьмого калибра кольты, известные по рассказам О. Генри. Среди этой немирной братии, среди прожекторов

и ящиков с надписями «Рыцарь мечты» ходил и распоряжался главный режиссер и главный оператор Вадим Дербенев.

Мы выпросили на сутки рабочий сценарий фильма и читали его ночью в домике за четвертым бастионом. Хозяйка, у которой мы снимали комнату, шумно вздыхала за стеной: жгут электричество, окаянные...

Сценарий был о Грине. Этот фильм не биография, хотя и рассказывает о юности писателя.

Фильм будет про мечту Грина о свободной и увлекательной жизни, о путешествиях и о дальних островах, о море.

«Внимание, камера!» В центре съемочной группы главный режиссер и главный оператор фильма В. К. Дербенев.

Конечно, нам некогда было вникать в тонкости режиссерской и операторской работы. У нас было свое дело: надо было взять интервью у главного героя фильма, человека неразговорчивого и стеснительного. Мы узнали, что юного Грина он играет с удовольствием, но артистом стать не собирается. Зовут его Женя, а фамилия самая морская — Ушаков. Учится он в десятом классе, живет в Москве. Сообщив эти сведения, Женя вытянул из-за пояса крупнокалиберный револьвер и пошел на мостик — сниматься...

Дни на «Крузенштерне» промелькнули, как один яркий, непрерывный праздничный день — в блеске оружия, трепете пестрых флагов, фиолетовом свете юпитеров, в веселой работе.

Но главное то, что венчает все впечатления, — песня из гриновского рассказа «Корабли в Лиссе», суровая и медленная, все дни разносившаяся над бухтой:

С первым ветром
проснется компас.
Бог, храня корабли,
Да помилует нас...

В устах людей, верящих не в бога, а в паруса и ветер, в крепость рук своих, она звучала ироническим вызовом злым силам и утверждением собственного могущества.

Наверное, так она и прозвучит в фильме.

...На пятый вечер катер последний раз унес нас от белого борта «Крузенштерна».

— «Звездопад» уже не мучит, как раньше? — спросили мы Юрку.

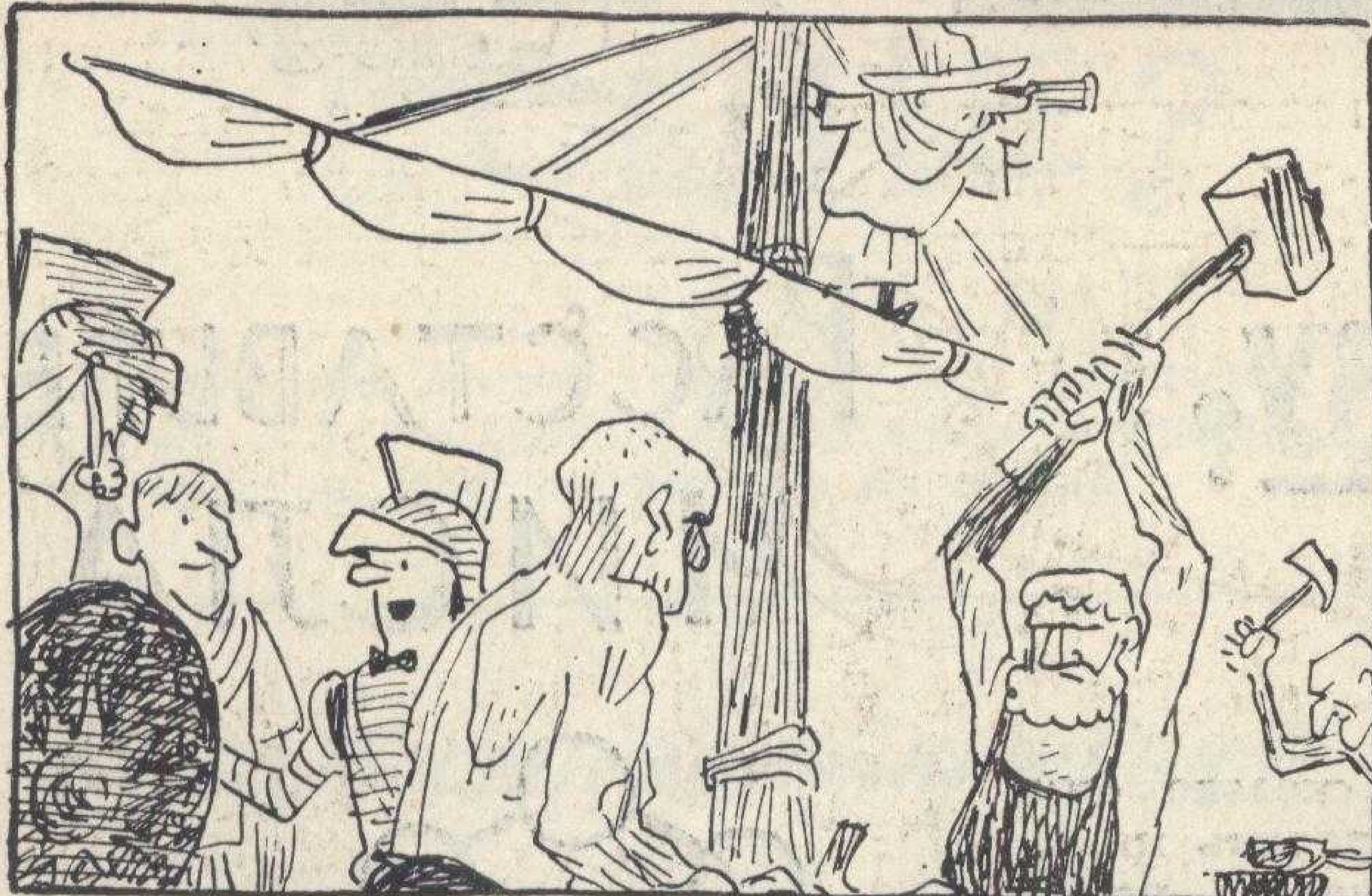
Мы думали, он не ответит. Но он сказал:

— Да нет, все равно... Впрочем, есть еще такая песенка: «В разных краях оставляем мы сердца частицы...»

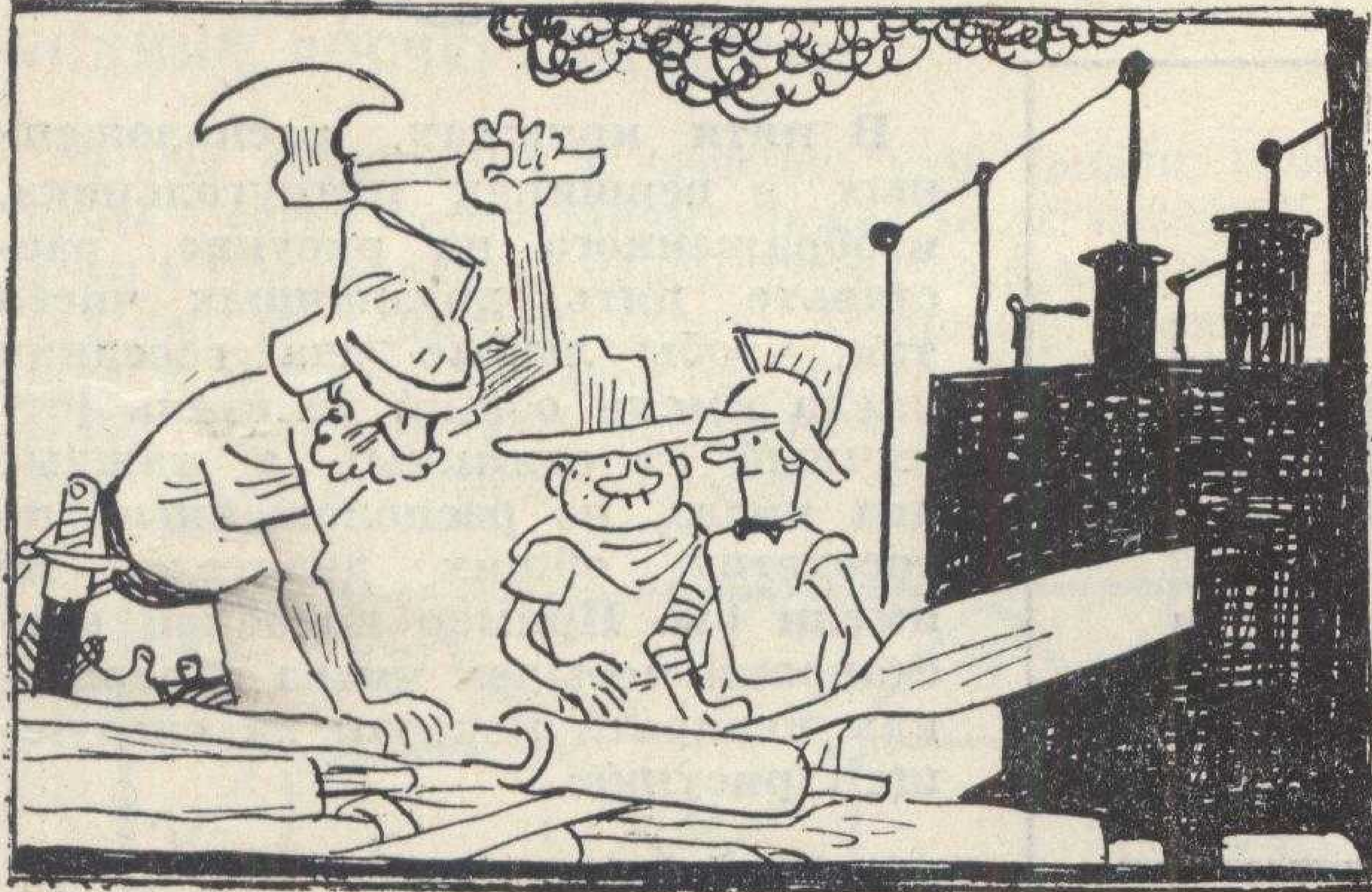
Это не артист. Просто нашим ребятам захотелось представить себя боевыми капитанами парусных времен.

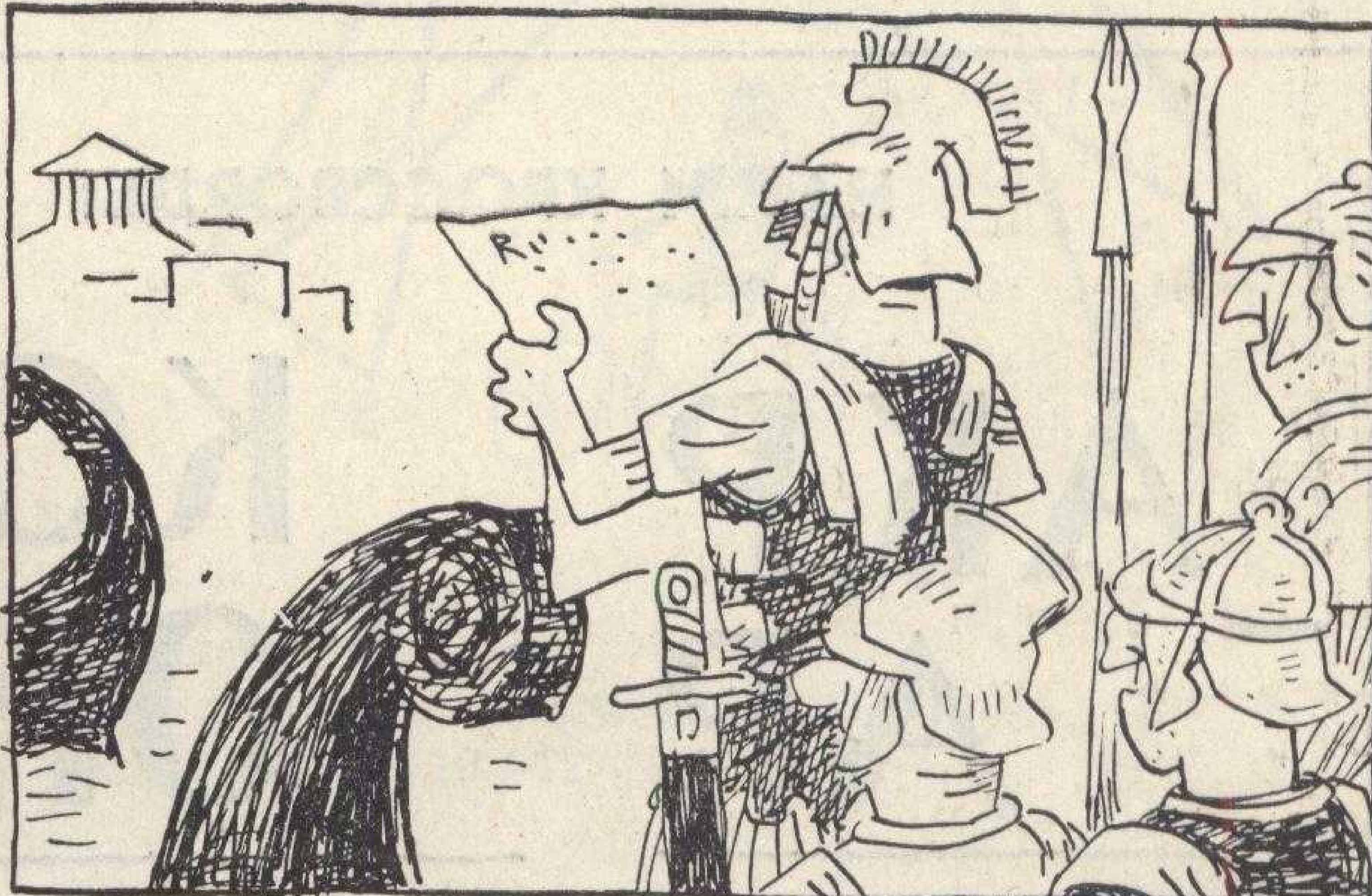
СМЕХОТРОН и ПОЛИГЛОТ ПОПАДАЮТ В ПЕРЕПЛЕТ...

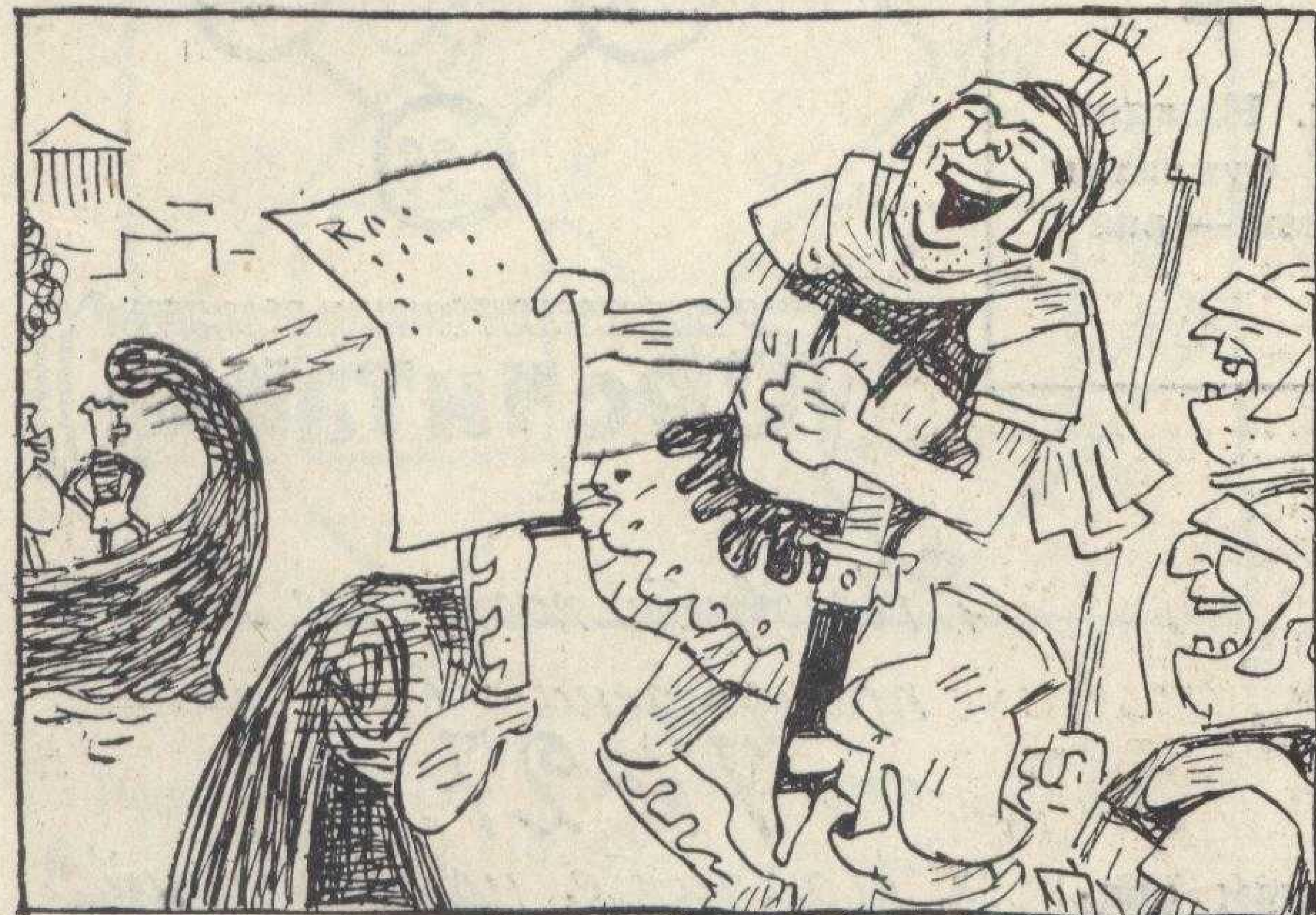

•На захваченном корабле Смехотрон с помощью талантливых древних мастеров начал создавать паровую машину и сверхсекретное тайное оружие для борьбы с императорским флотом. А императорский флот в это время готовился к походу на восставших рабов.

•Весла, которые теперь были не нужны, восставшие раскололи на дрова для топки парового котла. А императорский легат стал читать постановление сената о наказании мятежников. Он сказал: „Боги покарали их. Они горят. Посмотрите сколько дыма!"

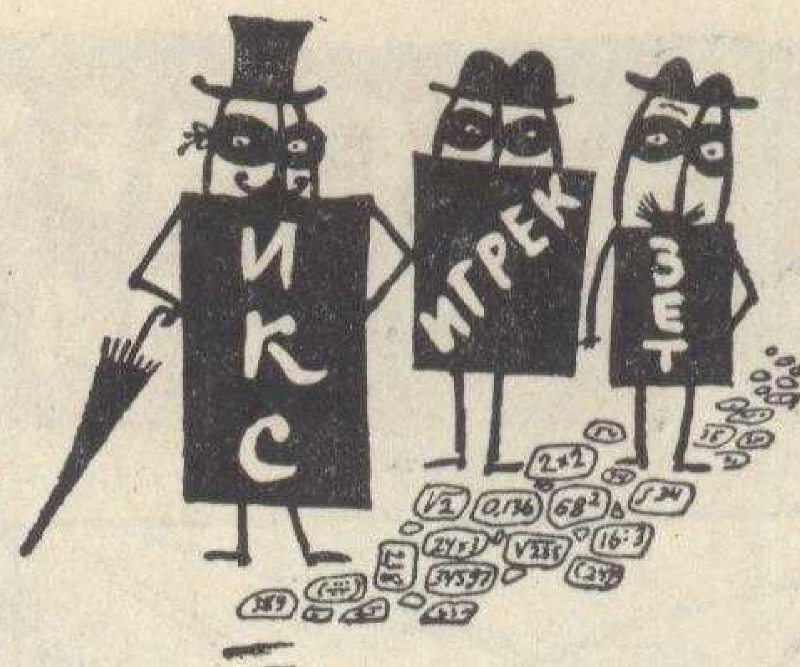

„И вдруг легат начал смеяться: „Ха-ха-ха! Ой, хи-хи-хи! Ой, хри, хрю!" И все солдаты стали смеяться: „Га-га-га! Го-го-го!" Это Смехотрон навел на них свои смеховые волны. Стражники, которые должны были цепями перекрыть выход в море, упали от смеха и уронили в море тяжелые цепи.

Продолжение на стр. 66.

Встречи с тремя неизвестными

Сколько лет деду Морозу?

На новогодней елке дети спросили деда Мороза, сколько ему лет. «А вот отгадайте сами: если мой возраст разделить на 4, к результату прибавить 4, то, что получится, разделить на 4, к новому результату прибавить 4, полученное разделить на 4×4, а потом отнять 4, то получится 4. Сколько лет деду Морозу?

Наши кроссворды

$$\begin{array}{r} \text{АКР} \\ -\ \text{АР} \\ \hline \text{КАР} \end{array} \qquad \begin{array}{r} \text{КОТ} \\ +\ \text{ОРТ} \\ \hline \text{ОСТР} \end{array}$$

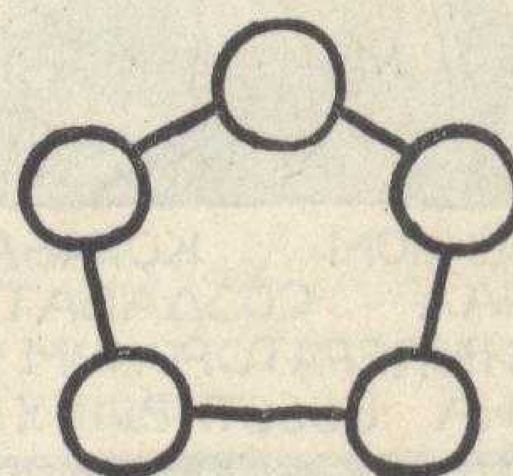
Решите вот эти арифметические кроссворды. Каждая буква обозначает цифру, причем одинаковыми буквами обозначена одна и та же цифра, разными буквами — разные цифры.

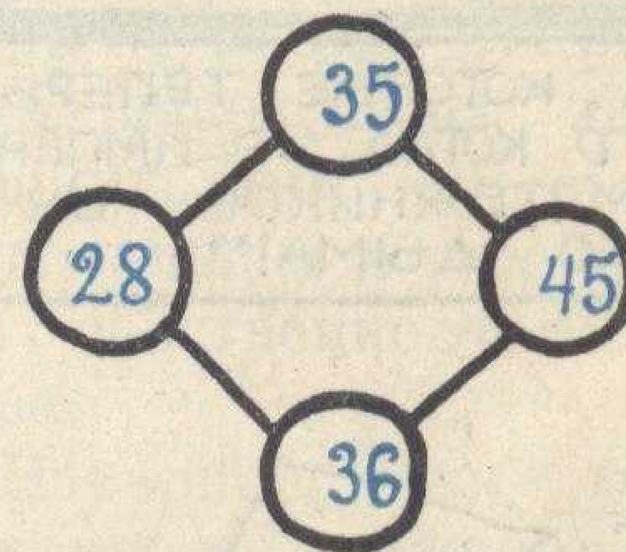
Новогодние подарки

Для новогодней елки купили орехов, конфет и пряников—всего 760 штук; орехов взяли на 80 штук больше, чем конфет, а пряников на 120 штук меньше, чем орехов. Какое наибольшее число одинаковых подарков для детей можно сделать из этого запаса?

Расставьте числа

В пяти кружках, расположенных в вершинах пятиугольника, изображенного на рисунке, расставьте пять двузначных чисел так, чтобы любые два соседних числа имели общий делитель (отличный от единицы), а каждые два числа, не расположенные по соседству, общих делителей не имели бы. Пример подобной расстановки четырех чисел в вершинах квадрата показан на следующем рисунке:

Сосчитай-ка

1. Назовите последние 5 цифр произведения всех чисел от 7 до 27
2. Найдите наименьший отличный от 1 делитель числа 1 111 111 111.

Сколько детей в семье?

У мальчика сестер столько же, сколько братьев, а у его сестры сестер вдвое меньше, чем братьев. Сколько детей в их семье?

Задача про котлеты

На сковороде две котлеты. Каждая сторона котлеты жарится одну минуту. За сколько минут можно зажарить три котлеты?

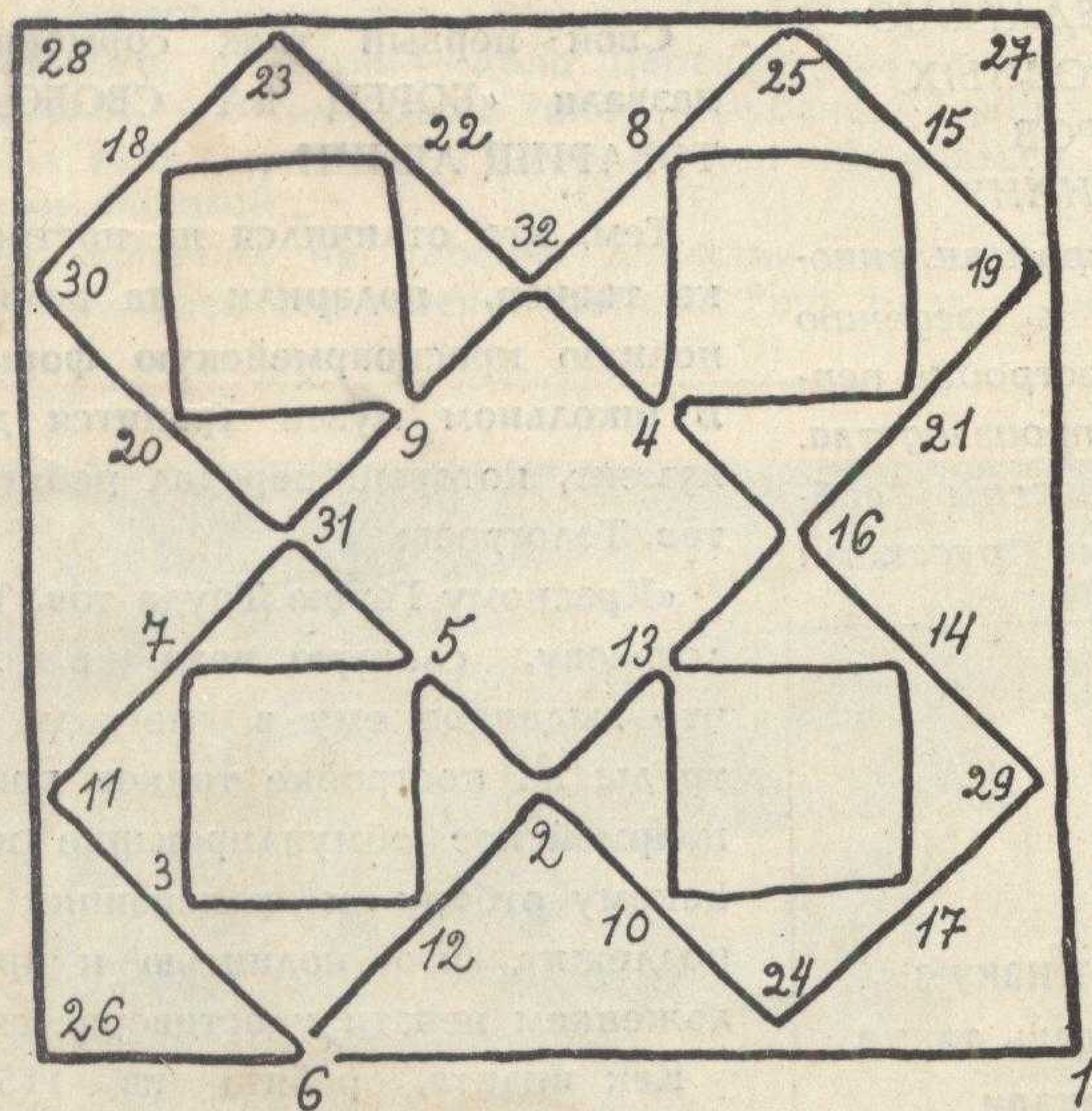

«Неизвестные открывают свои тайны»

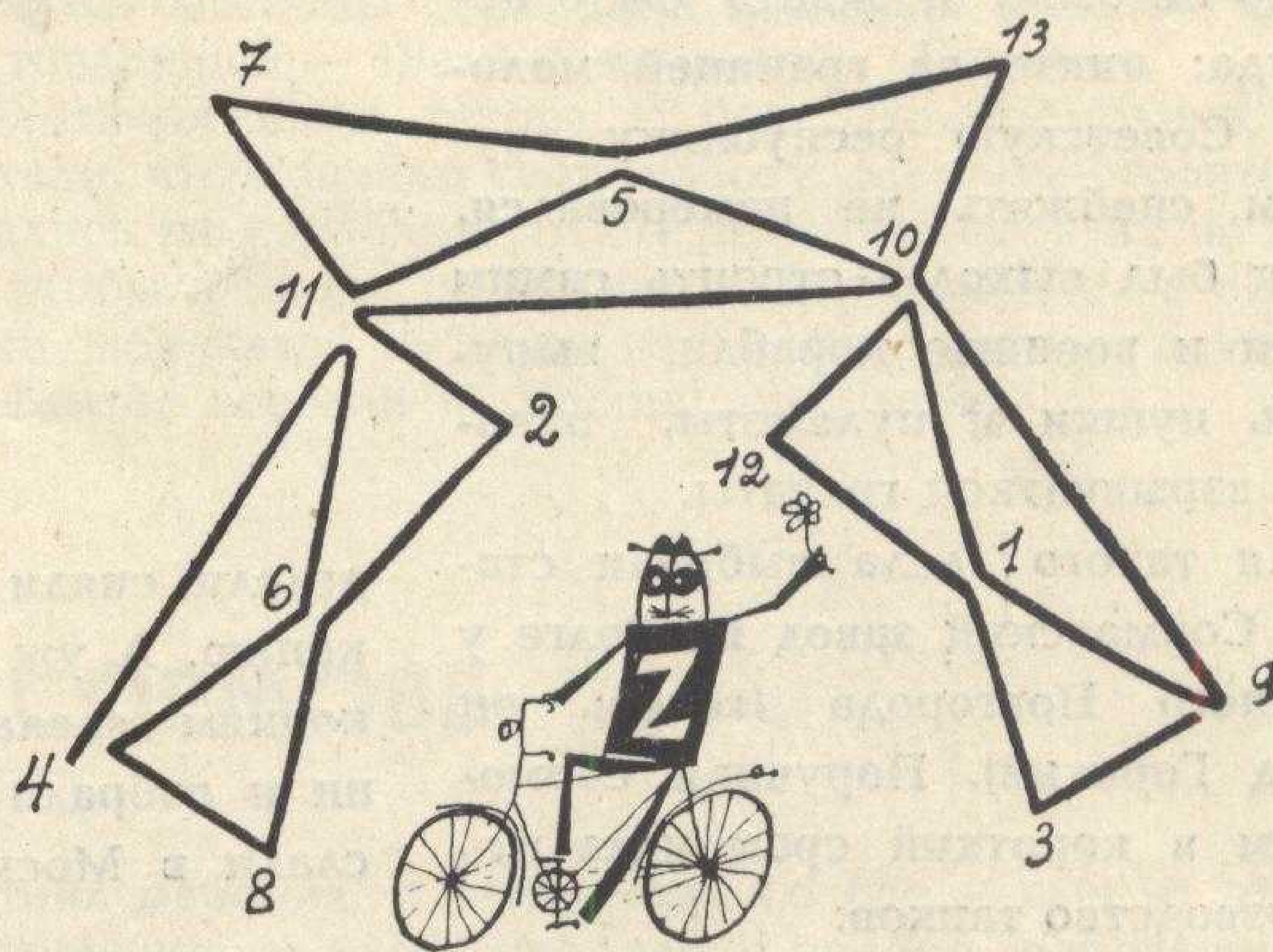
(Ответ на задачи из № 9)

«ОДНИМ РОСЧЕРКОМ ПЕРА»

Чтобы разобраться в решении этой задачи, начинайте с чисел, напечатанных ниже. Числа эти поставлены в том порядке, в каком движется рука, вычерчивая фигуру одним росчерком. Например, если рука шла от точки, помеченной числом 11, к точке 2, затем к 17, то в решении записываем: 11—2—17 и так далее. То же и с другой задачей.

Решение № 1:
6 — 24 — 1—29—19—27—25—23—28 — 30 — 11 — 26 — 6 — 3 —11—7—31—5—7—3—12—5—2 — 13 — 10 — 17 — 14 — 13—16—4—21—15—8—4—32— 9 — 22 — 18 — 20—9—31—20—30—18—23—22—32—8— 25 — 15 — 19—21—16—14—29—17—24—10—2—12— —6.

Решение № 2:
1 — 11 — 6 — 4—8—6—2—11—10—5—11—7 — 5 — 13—10—9—1—10—12—1—3—9.

«ЧЕЙ ПОРТРЕТ?»

Это был портрет сына мудреца.

«СНОВА МАТЕМАТИЧЕСКИЙ КРОССВОРД»

У задачи три ответа:

$$\begin{array}{r} 5\,782 \\ +\ 7\,192 \\ \hline 12\,974 \end{array} \qquad \begin{array}{r} 9\,382 \\ +\ 3\,152 \\ \hline 12\,534 \end{array} \qquad \begin{array}{r} 9\,675 \\ +\ 6\,185 \\ \hline 15\,860 \end{array}$$

«СОСЧИТАЙ-КА»

Составим список, в котором сказано, кто сколько дал денег: на первом месте — мальчик, который дал больше всех, на третьем — меньше всех. Если же окажется, что два мальчика дали денег поровну, то мы сначала запишем того из них, у которого первая буква имени стоит в алфавите раньше.

Докажем, что все трое вложили денег поровну, то есть по 2 рубля. Если бы это было не так, то удвоенная сумма денег, вложенных первым (по списку) мальчиком, превосходила бы сумму, вложенную двумя остальными. Но, как видно из условия, этого не может быть.

«СОРМОВО — АРСЕНАЛ РЕВОЛЮЦИИ» — ТАК НАЗВАЛИ МУЗЕЙ ТРУДОВОЙ СЛАВЫ КРАСНЫЕ СЛЕДОПЫТЫ 115-Й ШКОЛЫ ГОРОДА ГОРЬКОГО.

ПЕРВЫЙ ТАНК

Знаешь, что такое арсенал? Место, где куют и хранят оружие.

Когда Советское государство стало самостоятельной страной и появилась первая в мире рабоче-крестьянская армия, ей, как всякой армии, понадобилось оружие. А его не было и ждать было неоткуда: никто за границей молодую Советскую республику оружием снабжать не намеревался. Один был выход — строить самим танки и военные корабли, выпускать пушки и пулеметы, начинять взрывчаткой гранаты.

Для такого дела выбрали старый Сормовский завод на Волге у Нижнего Новгорода (теперь он город Горький). Поручили сормовичам в короткий срок наладить производство танков.

А как их производить, если опыта нет, чертежей нет и времени учиться тоже нет? Сормово — завод мирный, и танки там видели только на картинках.

В эту пору на западном фронте захватили красноармейцы подбитый французский танк. «Пленного» доставили в Сормово. Разобрали его осторожно — чтобы не повредить — на части и с каждой детали сняли точную деревянную копию. А уж по этим деревянным копиям сделали детали из брони и собрали танк. Вот тогда послали в Москву это донесение.

СЕКРЕТНОЕ
МОСКВА. ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ
товарищу ЛЕНИНУ

Совет военной промышленности направляет Вам к сведению краткую справку о постройке первого танка русского производства. Все работы произведены собственными средствами русскими рабочими и техниками... Три таких танка (2 с пулеметами, 1 — с пушкой) составляют боевую единицу и к весне таких единиц должно быть выпущено 5 (или 15 танков).

Свой первый танк сормовичи назвали **«БОРЕЦ ЗА СВОБОДУ ТОВАРИЩ ЛЕНИН».**

Тем, кто отличился на постройке танков, подарили на память полную красноармейскую форму. В школьном музее хранится документ, который передал ребятам тов. Телогреев:

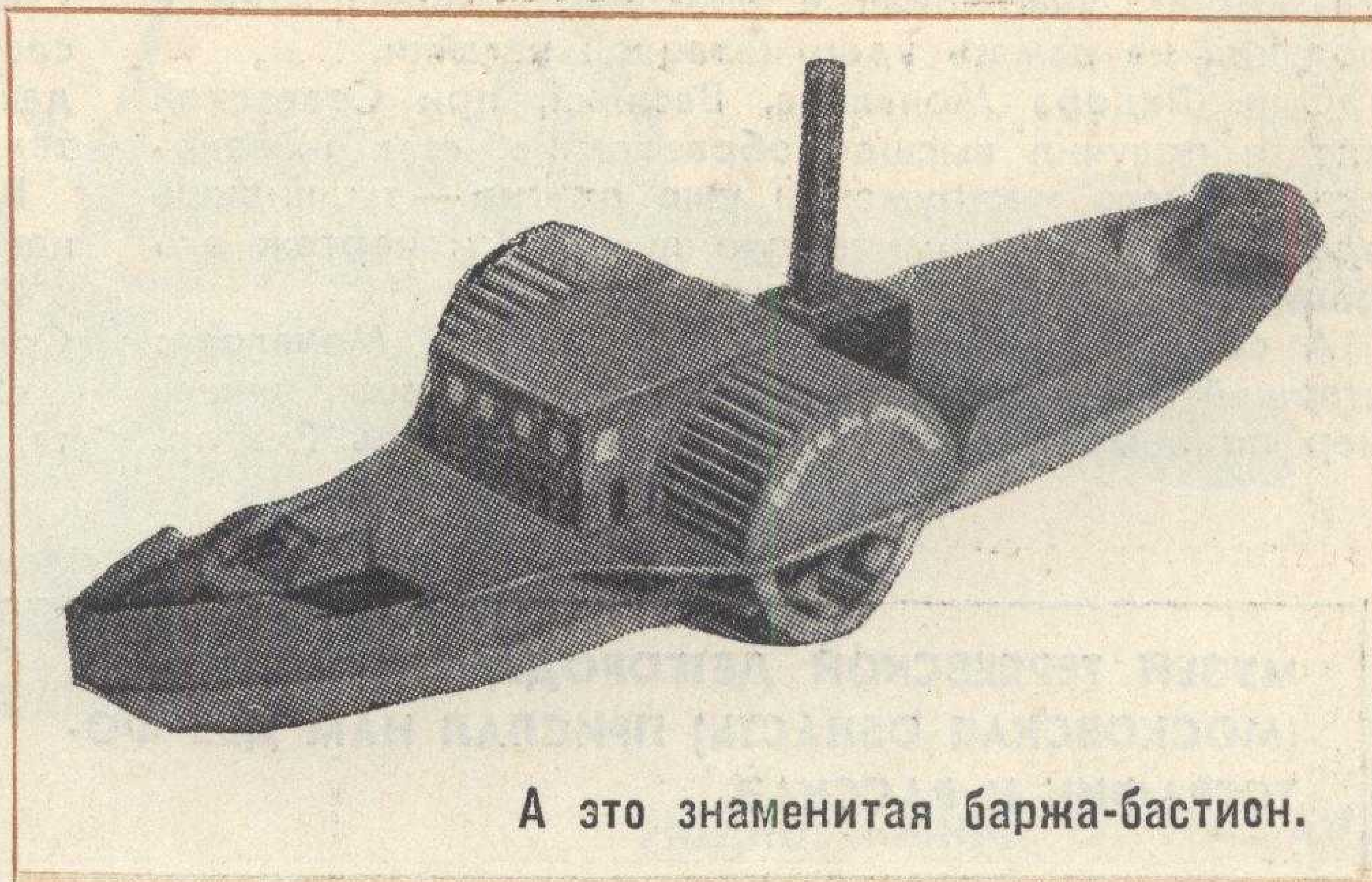
«Красному Герою Труда тов. Телогрееву, слесарю цеха, в том, что выданное ему в награду за труды на постройке танков красноармейское обмундирование никакому отбору и реквизиции не подлежит, что подписью и приложением печати удостоверяется».

Как видите, ребята из 115-й Горьковской школы (она стоит в самом центре заводского поселка Сормово) раздобыли для своего музея все, что известно о первом советском танке: фотографии, копии документов. Сумели сделать и его модель в школьной мастерской.

Вот какую модель танка сделали ребята.

БАРЖИ-БАСТИОНЫ

А это знаменитая баржа-бастион.

Рядом с моделью танка стоит в музее вот эта баржа, тоже сделанная ребятами в школьной мастерской. У баржи есть своя история, тоже славная.

2 августа 1918 года Совет Народных Комиссаров под председательством Ленина постановил: построить на Волге военную флотилию. Большая часть работы досталась Сормову.

Задача была для сормовичей полегче, чем с танками. Завод испокон веку был кораблестроительный. Чтобы быстрее создать флотилию, решено было вооружить буксирные пароходы и катера, которые ходили уже по Волге. В ход пошли даже старые баржи: сормовичи покрывали их броней, готовили постаменты для орудий, крепили пулеметы. А на самой большой, поднимавшей сто двадцать пять тысяч пудов, установили — дулами в разные стороны — четыре морских стомиллиметровых дальнобойных орудия и шестнадцать пушек семидесятимиллиметровых — по тем временам целую батарею.

Баржи-бастионы сормовичи называли именами своих товарищей — «Ваня-коммунист», «Сережа».

Флотилия была готова к бою. Но сормовичи не считали, что кончили свою работу. Мастера-строители остались на кораблях, чтобы ремонтировать их на ходу, чтобы ни один не вышел из строя. Вместе с военными моряками рабочие несли патрульную службу на Волге, воевали в Каспийском море.

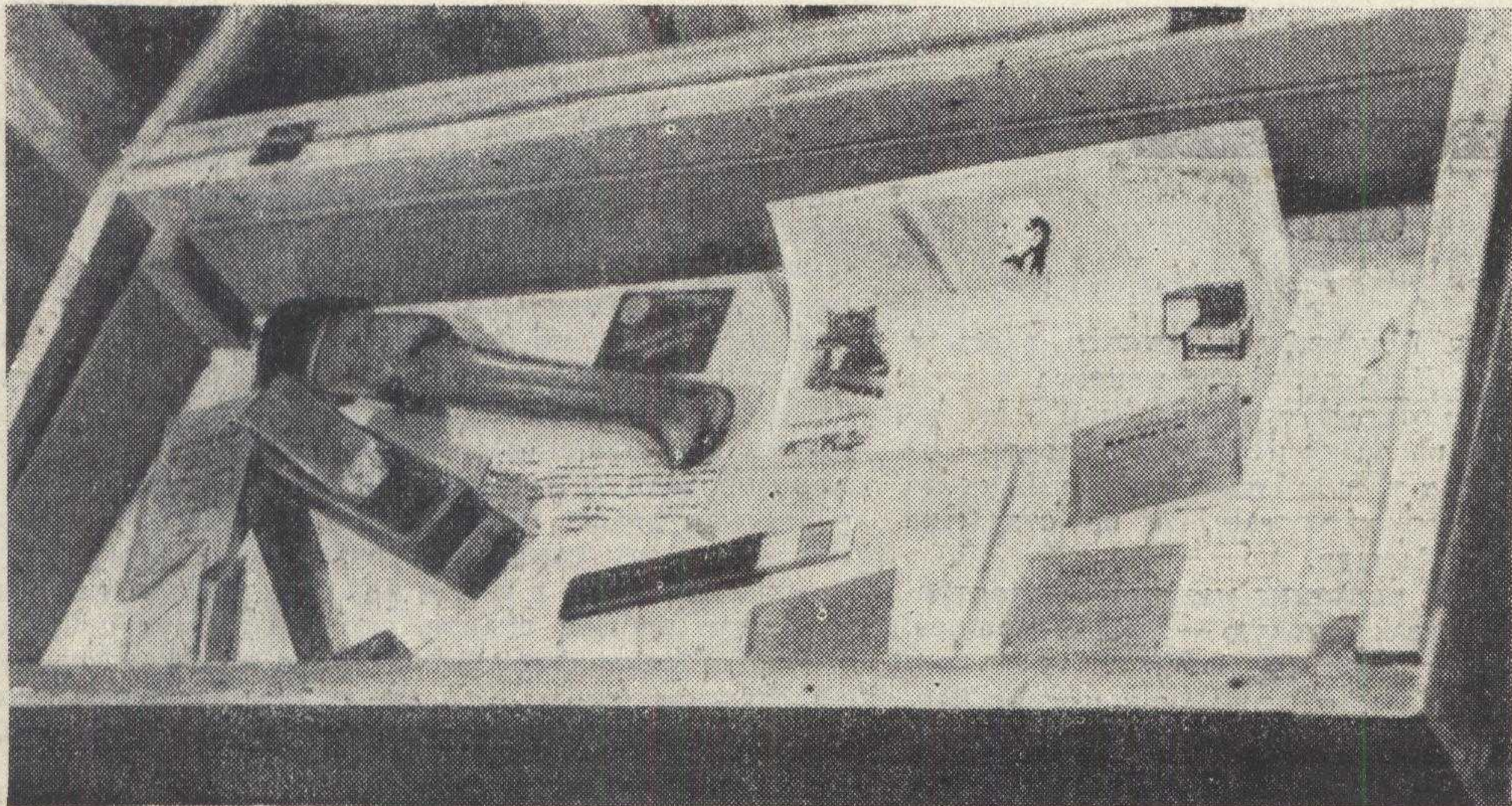
ДИНАСТИИ В СОРМОВЕ

На почетном месте лежат в Сормовском школьном музее молоток, рубанок, а рядом — логарифмическая линейка и чертеж. А надпись над витриной: «Династии».

Постойте, династии — дело царское или там королевское, а к чему царю топор и рубанок? Говорят, что из всех царей один Петр I умел обращаться с такими вещами!..

Нет, конечно, не царские династии прославляют в своем музее сормовские ребята. Речь идет о династиях рабочих, о таких семьях, где и сын, и отец, и дедушка, а иной раз даже прадед работали на Сормовском заводе. Об одной такой семье, «рабочей династии», и рассказывает витрина с молотком, рубанком и логарифмической линейкой.

Федор Иванович Мочалов пришел в Сормово совсем молодым и работать стал плотником. Это его инструменты, переданные музею, видишь ты на фотографии. Как истинный сормович, принимал он участие в революции 1905 года: раздавал на заводе

Внимание! Эти вещи расскажут тебе о сормовских династиях.

листовки, стоял в охране, когда рабочие собрались на митинг, участвовал в большой демонстрации и получил на память удар казацкой нагайки.

Сын Федора Мочалова, Василий, при Советской власти получил высшее образование, стал инженером. У него инструменты уже другие — ты видишь здесь его логарифмическую линейку и чертеж его рационализаторского предложения.

А сейчас трудятся на заводе внуки Мочалова: старший инженер-технолог Анатолий, старший инженер по нормированию Александр и токарь Виктор.

Еще древнее династия Курициных: они известны в Сормове без малого сто двадцать лет. И не только славной работой. Курицины сражались на баррикадах первой русской революции, воевали на фронтах гражданской войны...

В каждом корабле, построенном на заводе, есть, наверное, доля их труда.

Вот какие династии славны в заводском поселке Сормове!

«Я горжусь, что я сормович!» — так говорят ребята, поглядев этот раздел музея.

МУЗЕЙ ТЕРЯЕВСКОЙ ДЕТГОРОДКОВСКОЙ ШКОЛЫ (МОСКОВСКАЯ ОБЛАСТЬ) ПРИСЛАЛ НАМ ДВЕ ФОТОГРАФИИ И РАССКАЗ.

Рассмотри внимательно фотографии — они документы истории.

«НЕЕСТЕСТВЕННЫЙ СВЕТ»

Узнаете Владимира Ильича? Он снялся здесь с крестьянами из села Кашино, когда приехал к ним в ноябре 1920 года на открытие деревенской электростанции. Кашинцы едва ли не первые в молодой Советской стране провели у себя «неестественный свет» (так называли они электричество). А на открытие станции пригласили Ленина.

Давным-давно снесли кашинцы маленькую электростанцию, выстроили взамен новую — лучше, мощнее.

А память о встрече с Лениным берегут.

Десять лет назад в Кашине открыли памятник Владимиру Ильичу. У его подножия отмечают окрестные ребята важные события своей жизни.

По сей день живет в Кашине один из тех, кто встречался здесь с Лениным. Посмотрите на фотографию. Видите, справа от Ленина стоит молодой парень без шапки? Это Иван Степанович Ошмарин, кашинский колхозник, теперь пенсионер. Теряевские школьники записали его рассказ о том давнем празднике. Как волновались все до последней минуты — приедет Ленин, не приедет... Как всезнающие мальчишки первыми увидали на дороге машину и с громкими криками ворвались в деревню. Как собрались на митинг и слушали выступление Ленина. Как неторопливо обедали, а Владимир Ильич расспрашивал о деревенских делах. Помнит Иван Степанович и о том, как сняли эту самую карточку: фотограф долго налаживал аппарат, а Ильич все беспокоился, как бы не замерзли ребята: видите, сколько их тут собралось?

И еще одну фотографию прислали нам из музея Теряевской школы. Сделана она недавно, через сорок семь лет после первой. Здесь вы видите Ивана Степановича Ошмарина. Он рассказывает о Ленине теряевским пионерам.

Подполковник О. НАЗАРОВ

«ЛЕТАЮЩАЯ ЛОДКА»

Все самолеты в той или иной степени похожи друг на друга. Этот непохож ни на какой другой.

Взгляните на снимок. Видите: фюзеляж совсем необычной формы. Днище у него, как у лодки или глиссера,— плоское и широкое. Вдоль всего фюзеляжа идет красная полоса, как на кораблях. Это и есть ватерлиния, она показывает, как глубоко самолет может погружаться в воду. Теперь уж вы, конечно, догадываетесь, что это не простой самолет и все его особенности как-то связаны с морем. Верно.

Двигатели здесь, понятно, выше фюзеляжа, на крыльях. Это хорошо видно на снимках — гигантская стальная птица как бы взмахнула крыльями, выгнула их и замерла в этом положении...

А на самых концах крыльев — плоскостей, как их называют летчики,— поплавки.

«Хвост» у самолета тоже расположен выше обычного. Передние колеса в полете спрятаны и прикрыты створками, при посадке выпускаются из специальных боковых карманов.

Конечно, все эти удивительные особенности новой машины связаны с морем. Так оно и было задумано конструкторами: «летающая лодка» была создана для покорения не только воздушной, но и водной стихии.

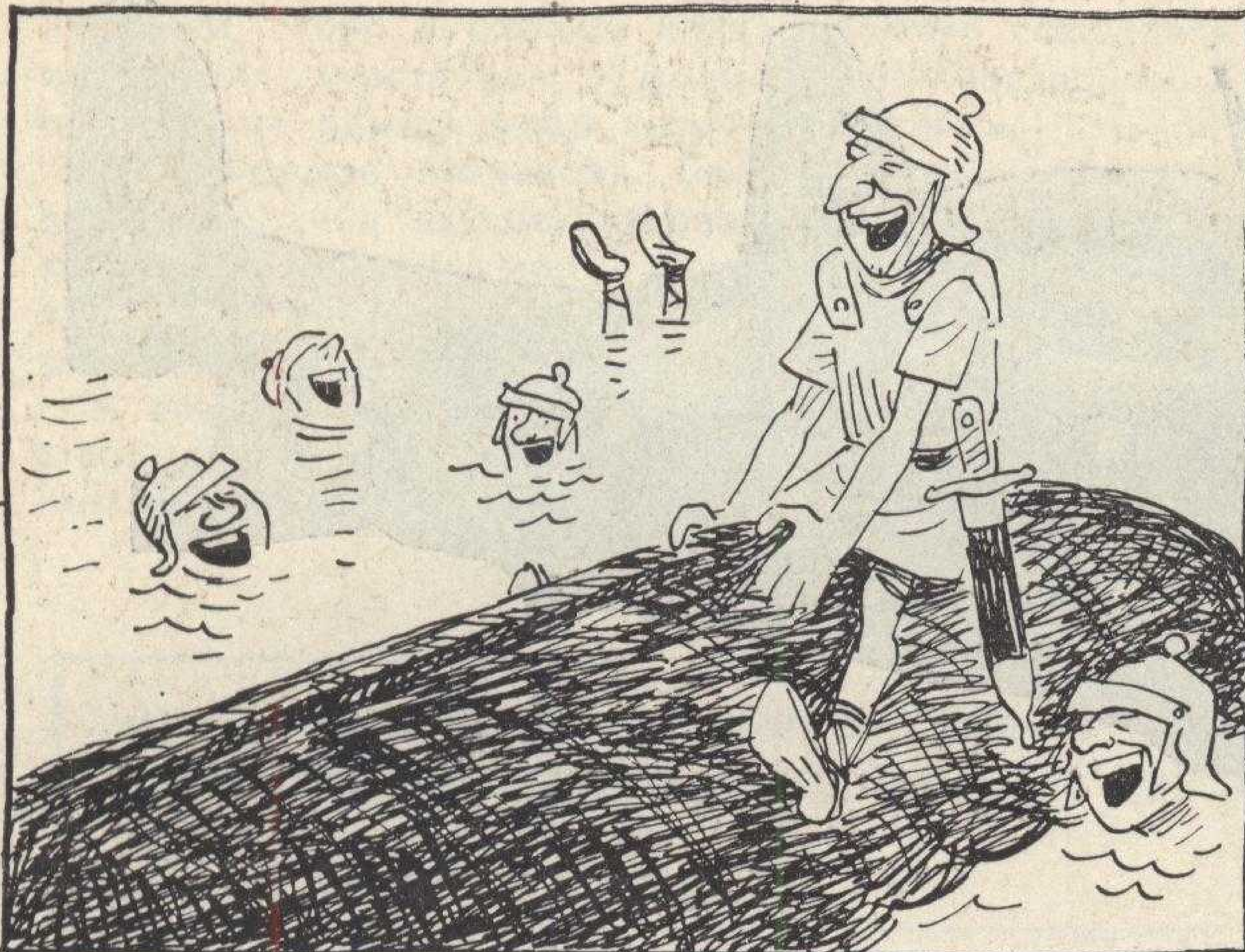
У самолета мощные двигатели, большой запас горючего — это значит, что можно улететь далеко от берегов. А если все же не хватит горючего, не надо возвращаться на базу. В открытом море самолет садится на воду, заправляется горючим, доставленным на кораблях, и снова поднимается в воздух.

«Летающая лодка» — военный самолет. Его дело — далекие полеты в открытое море или океан на поиски вражеских подводных лодок. Представляете, какая совершенная аппаратура на таком самолете! Ведь он может найти и уничтожить подлодку, на какой бы глубине она ни находилась. Ни туман, ни шторм не помешают штурману обнаружить цель и провести самолет точно по намеченному маршруту.

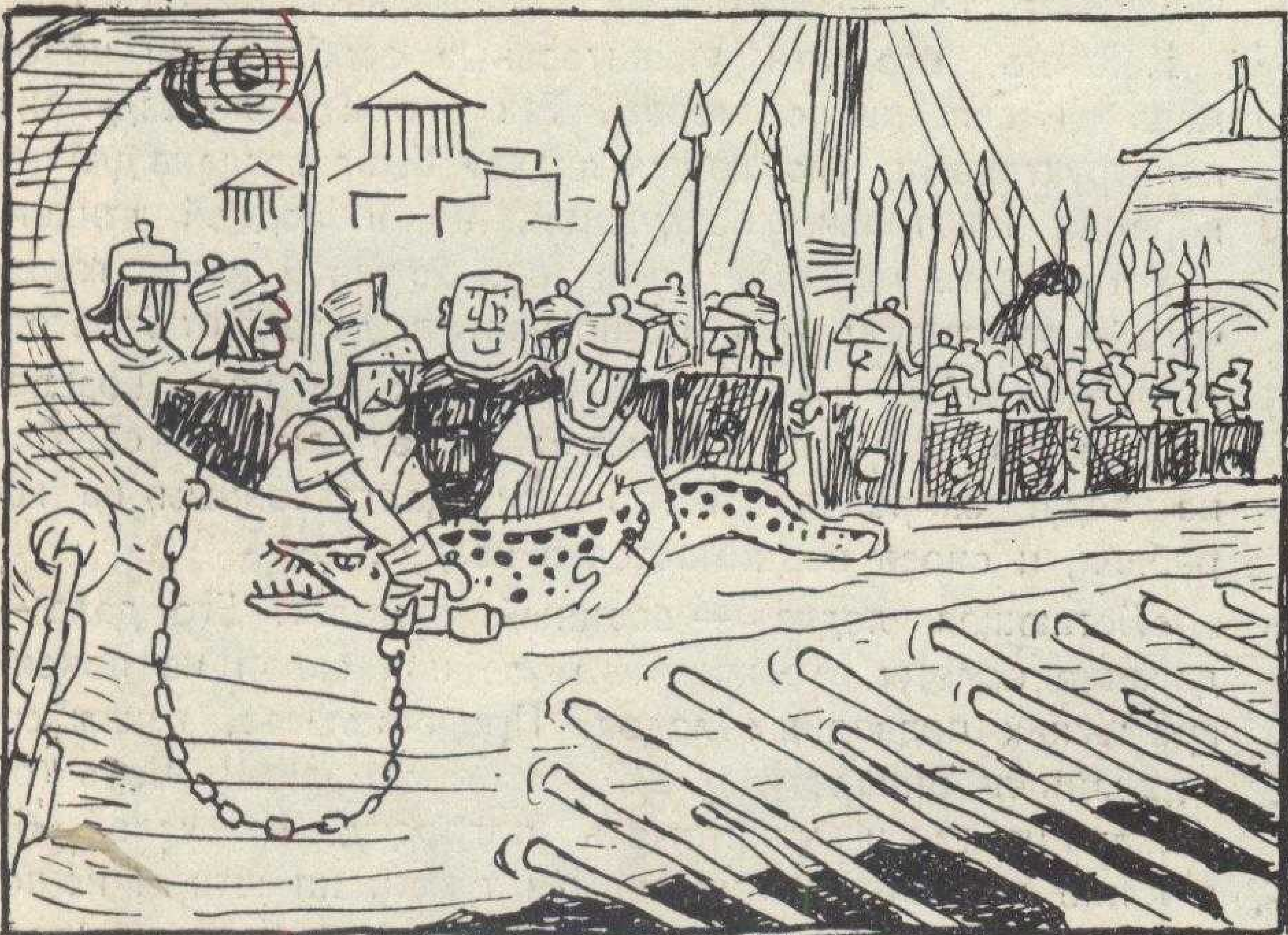

«Лодка» на земле. Рядом грузовик — видите, какая это громадина.

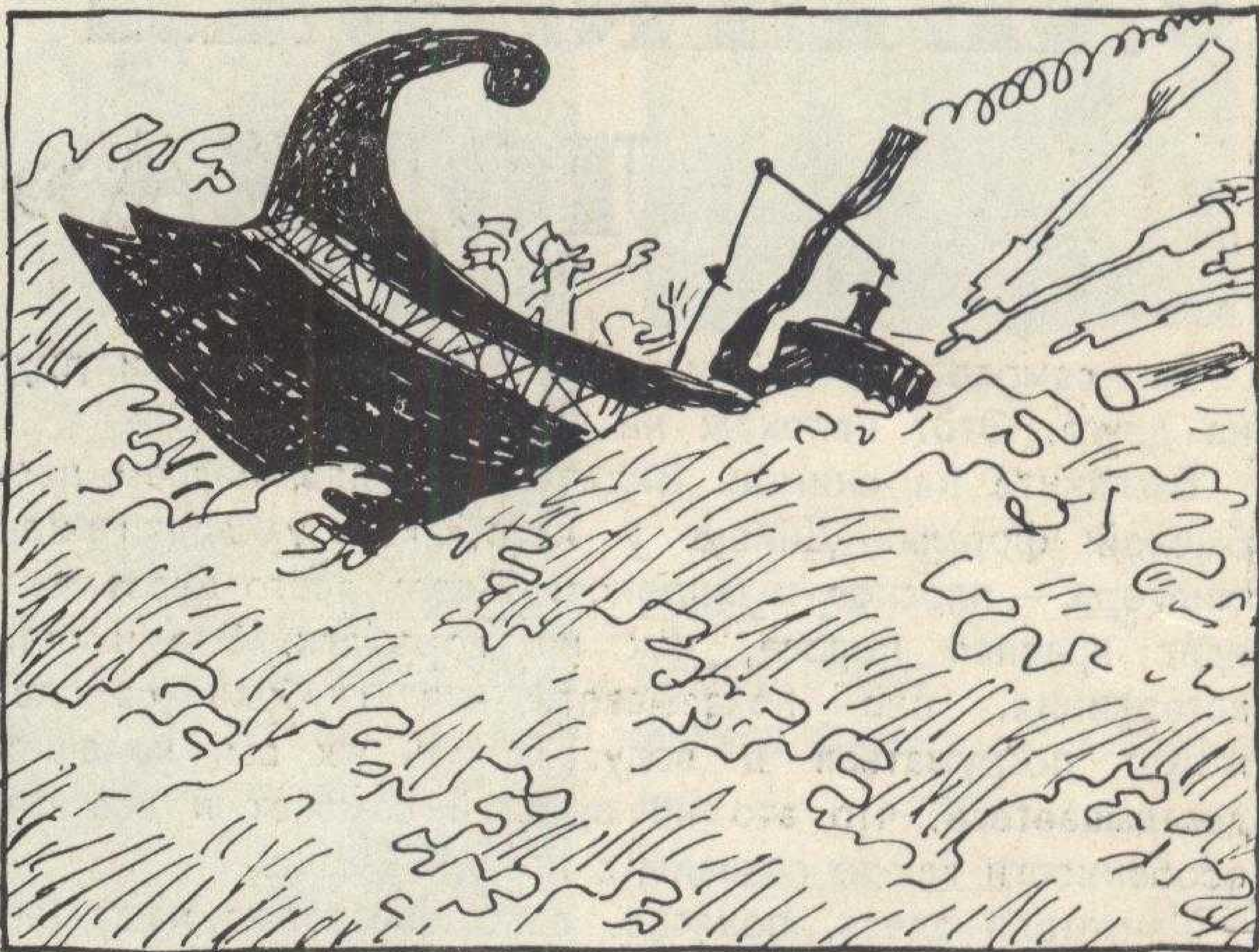

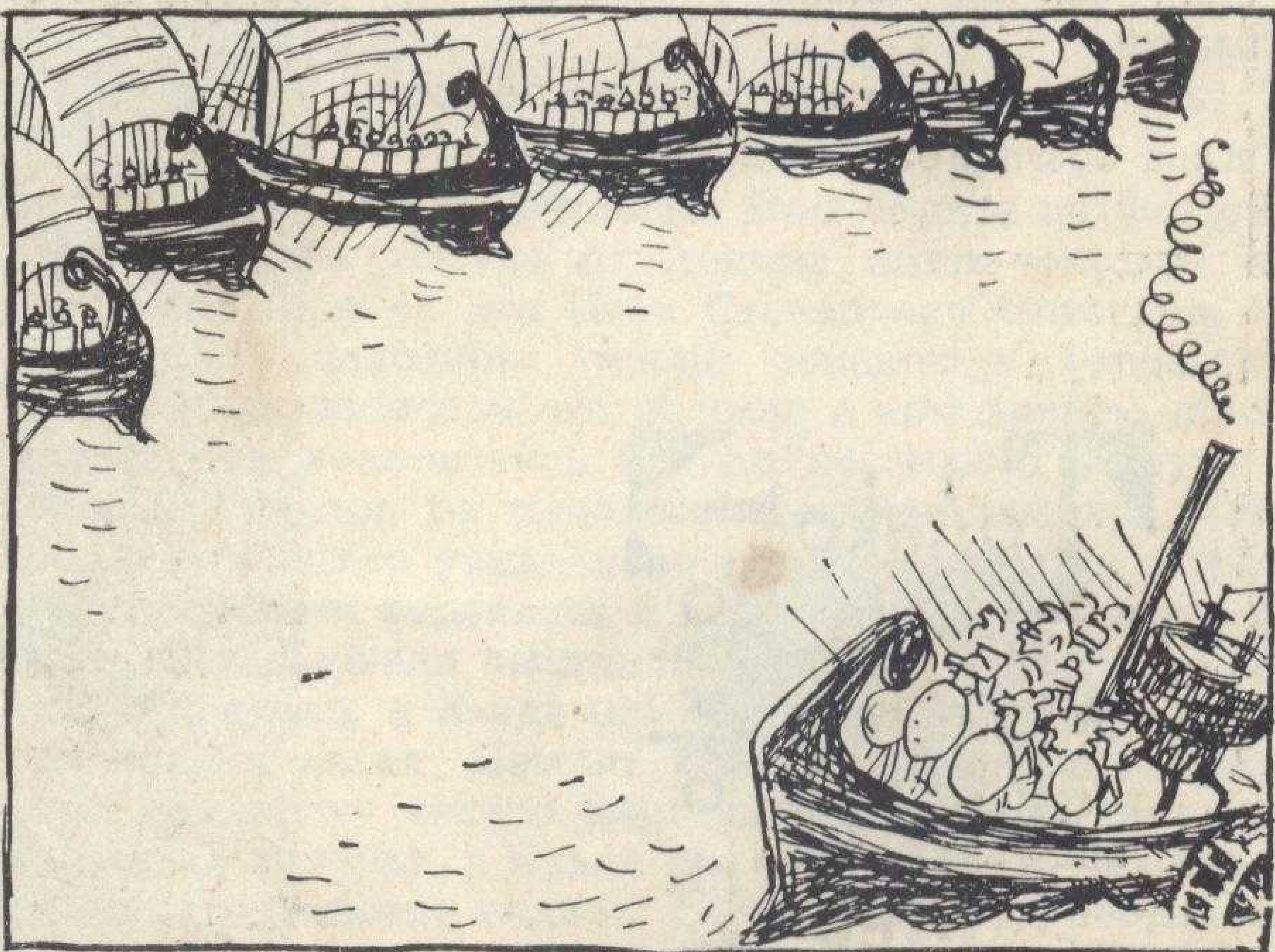
• Весь императорский флот смеялся. Два корабля даже перевернулись от смеха. Легат вызвал главного жреца и сказал: "Погадай на крови петуха, за что прогневались на нас боги?" "Они,- ответил жрец,- разгневаны тем, что ты пренебрегаешь техникой. Они предупреждают, что главная опасность придет к тебе из морской пучины".

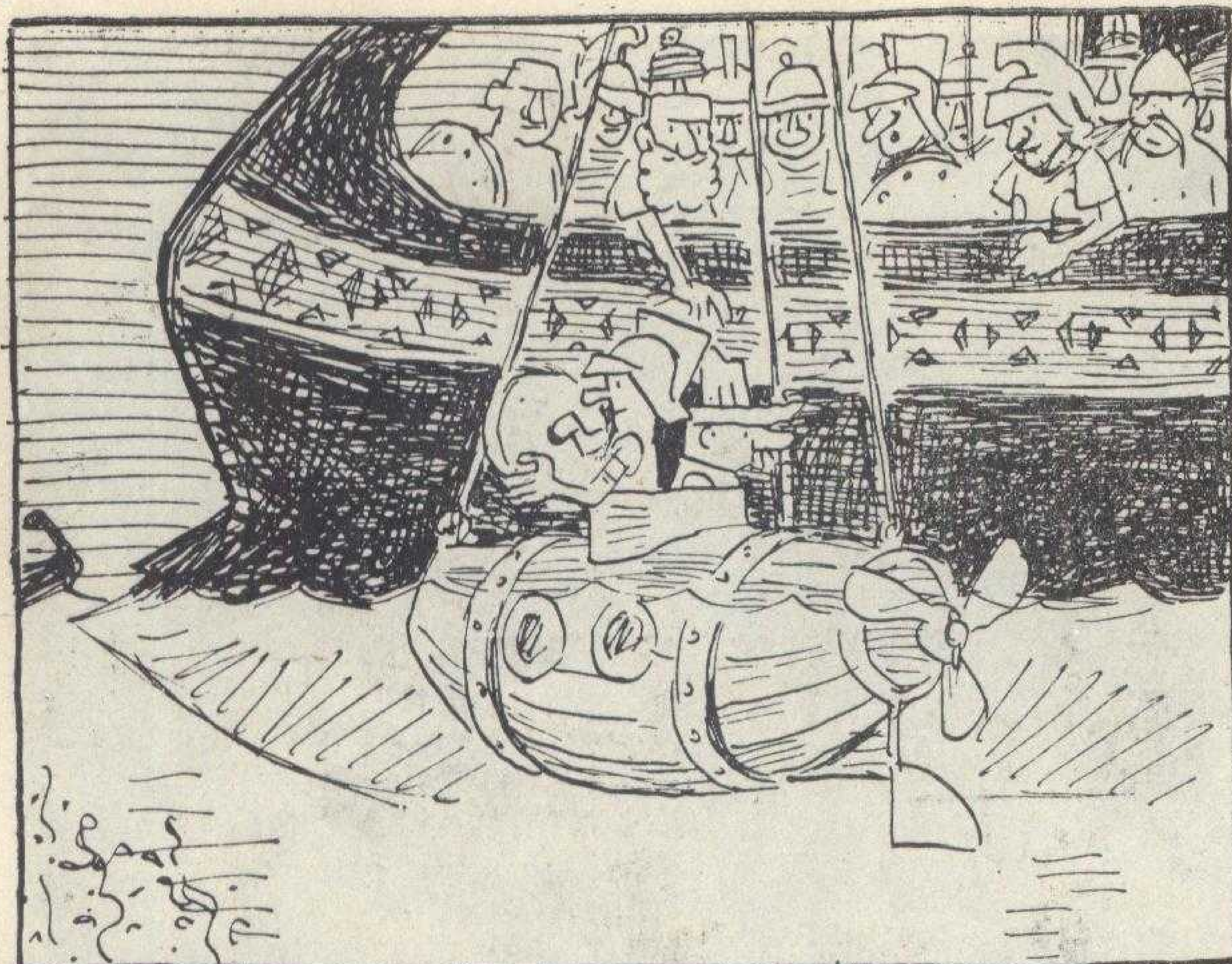

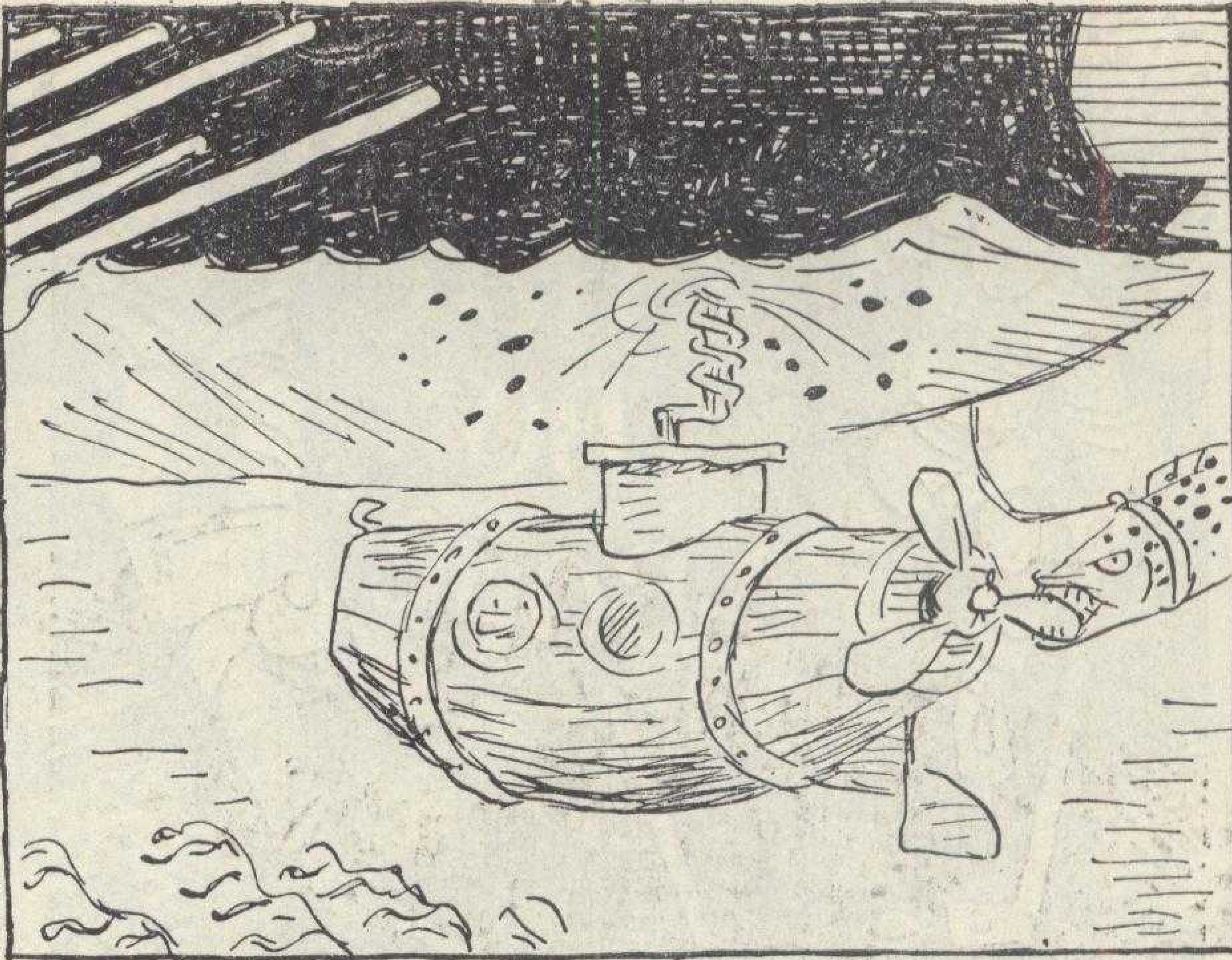
• Тогда легат приказал окружить корабль зубастыми муренами. А в это время подул сильный ветер, в море началась буря. Корабль восставших понесло обратно к гавани. Топки залила вода. Не успел Смехотрон оглянуться, как волны смыли за борт все топливо.

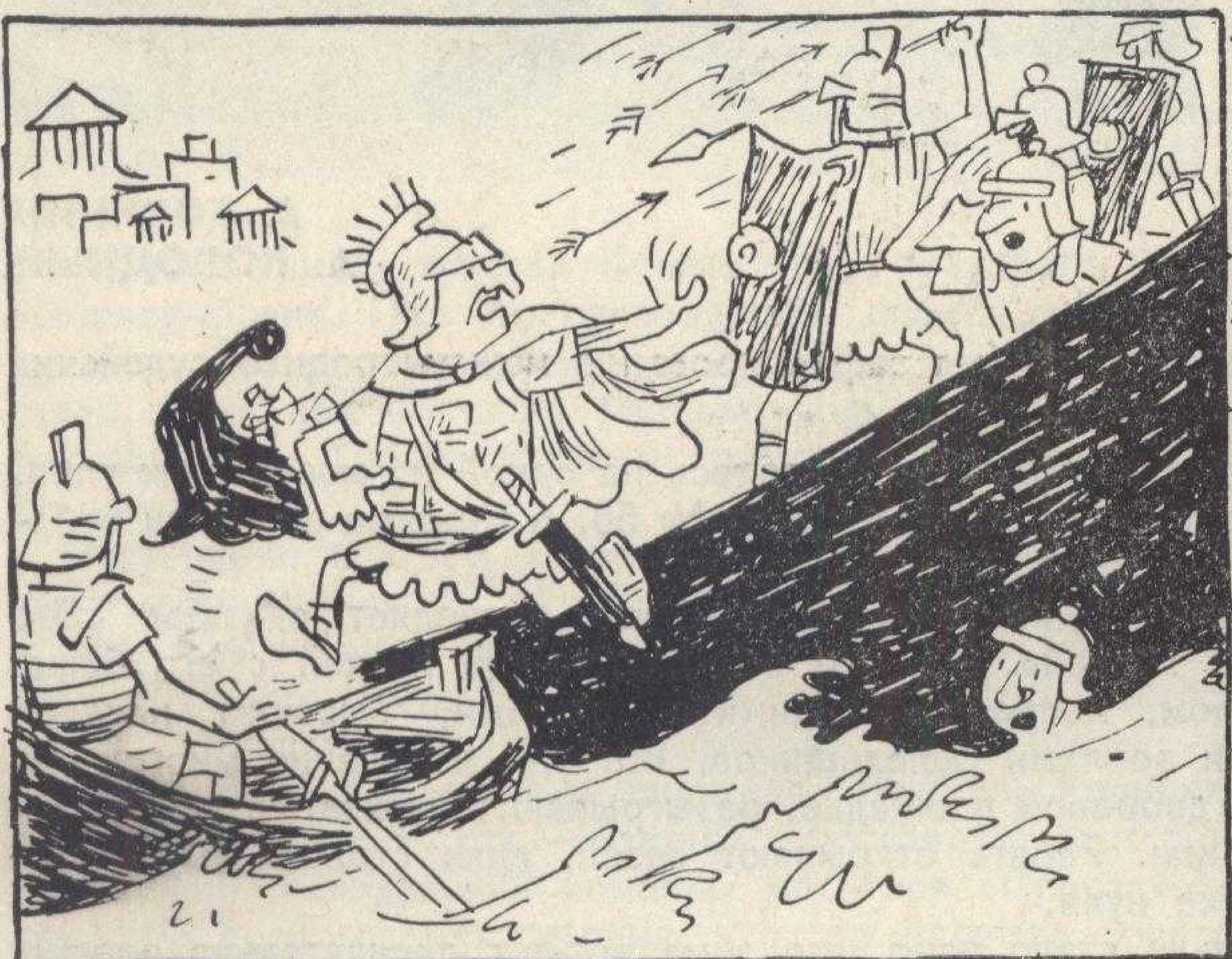

• Когда море успокоилось, враги увидели потрепанный корабль и закричали от радости: "Вот они! Теперь мы схватим их и казним всех до единого, а из железного человека сделаем мечи." Императорский флот развернулся и пошел армадой к поникшему кораблю.

• Но тут Смехотрон и Полиглот спустили на воду свое секретное оружие. Это была маленькая подводная лодка системы С-1. Она подплыла незаметно к неприятельским кораблям, и Полиглот начал сверлить дырки в корабельных днищах. Корабли стали тонуть один за другим. Солдаты в ужасе метались по палубе. Это была полная победа!

• Легат, увидев такое запутанное положение, сказал: „Меня срочно вызывают в храм Юпитера на богослужебное дело." И с достоинством отбыл на берег. Бывшие рабы приветствовали Смехотрона и Полиглота и предложили им срочно стать императорами. Но Смехотрон и Полиглот почему-то отказались. Они очень спешили домой в свою родную редакцию. Потому что там наступал Новый год двадцатого века

• Они тепло простились со своими новыми друзьями и включили аппарат времени. И вот, когда в редакции "Пионера,, всё было готово к встрече Нового года, когда начался новогодний карнавал неожиданно появились наши отважные путешественники в необычных костюмах. Им тут же вручили премии за лучший карнавальный наряд.

А. БОЧИНИН,
А. КОЛОДНЫЙ.

Этот матч не был зафиксирован в международных судейских протоколах.

Хоккейное сражение разыгралось на одной из московских улиц, на Щербаковской, во дворе дома № 58. А героями его были ребята, живущие здесь.

Их встрече было присуще все, что позволяет сказать: «Это настоящий хоккей». Да, это был настоящий хоккей с его бешеным темпом, непрекращающимися атаками, высоким накалом страстей и воплями болельщиков. Вот уже в течение многих лет здесь, на дворовой площадке, разыгрываются захватывающие зимние турниры. Ребята открывают сезон, едва столбик ртути опустится ниже нуля.

Как только стало ясно, что зима вот-вот окончательно вступит в свои права, на воротах дома появилась афиша: «Открытие сезона. Приз «Золотая шоколадка».

И вот матч в разгаре. Стремительно меняются тройки. Зрители громогласно требуют: «Шайбу! Шайбу!»

Это папы и мамы внимательно следят за действиями своих птенцов и болеют вдвойне: как родители и как любители хоккея. Каждая удача доставляет им искреннюю радость, а ошибка ввергает в печаль. Когда же меняются тройки и та, где играл их сын, садится на скамейку, папы и мамы, не теряя времени, «накачивают» своих мальчишек полезными советами. А потом поле снова приковывает всеобщее внимание.

Да, тут было не до посторонних разговоров. Шайбы одна за другой летели в рукавицы лучших вратарей дома: Михаила Исаева и Алеши Пронина. А вот под возмущенный свист зрителей самый азартный нападающий двенадцатилетний Андрей Кондратьев удален на две минуты.

Мы смотрели на все это и удивлялись: подумать только, самый обыкновенный двор!

Впрочем, удивлялись только мы, поскольку были гостями. Для остальных жителей этой улицы картина была привычной, обыденной. Просто здесь очень любят хоккей. Любят искренне и давно. И родилась эта любовь десять лет назад, когда под окнами домов появился маленький ледяной пятачок. Потом каток расширили. Возглавлял всю эту операцию Вячеслав Павлович Кондратьев

◀ *Алеша Пронин — вратарь.*

(отец того самого Андрея Кондратьева, азартного нападающего), инженер-физик. Под его руководством ребята все делали своими руками. Поставили деревянные борта, с помощью взрослых достали хоккейные доспехи. Прошло еще немного времени, и каток осветили. Теперь баталии происходят не только днем, но и по вечерам.

Постепенно хоккеем «заболели» все жильцы дома. А о ребятах и говорить нечего. Зимой все свободное время они проводили в турнирных боях. Здесь рождались будущие мастера большого хоккея. Судите сами: сейчас за клубные команды мастеров играет около тридцати мальчишек двора. Вот имена некоторых игроков: Володя Алешин — защитник, Валерий Родионов — нападающий, Михаил Исаев — вратарь. Возглавляет этот список Евгений Зимин, нападающий команды мастеров «Спартака», один из тех, про кого говорят сегодня, что это надежда советского хоккея. Десятилетний брат его, Саша Зимин, тоже пошел по стопам старшего, но играет пока за детскую команду «Локомотива».

Многих из этих ребят мы увидели на поле в день матча. По свистку судьи Евгения Зимина «красные» и «синие» скрестили клюшки. И вот уже забита первая шайба в ворота Валерия Ерохина, вторая... Но во втором периоде разыгрался, наконец, знаменитый Надир Муслимов — Альметов в масштабе двора. Тяжело пришлось Мише Исаеву, вратарю «синих». «Муслимовцы» забросили в его ворота шесть шайб и победили со счетом 6 : 4.

Тут же, на поле, по окончании игры представители домового комитета вручили игрокам золотые медали, которые отличались от обычных тем, что их можно было есть, так как они были шоколадные. Это их преимущество было использовано очень скоро: и победители и побежденные с сосредоточенным видом уплетали их за обе щеки, снимая хоккейные доспехи.

Надир Муслимов, провозглашенный лучшим нападающим матча, деловито осведомился у нас: «Интервью брать будете?»

Трудно было сказать «нет» лучшему нападающему. Надир сообщил, что рад победе и надеется, что дела пойдут дальше так же хорошо. Потом он любезно пригласил нас на все матчи предстоящего сезона.

— Вход у нас свободный,— добавил он напоследок.

Ну какой поклонник хоккея откажется от такого приглашения? Ведь во дворе этого дома мы увидели настоящий хоккей!

Замена. ▶

КНИГА ПРО ВСЕ

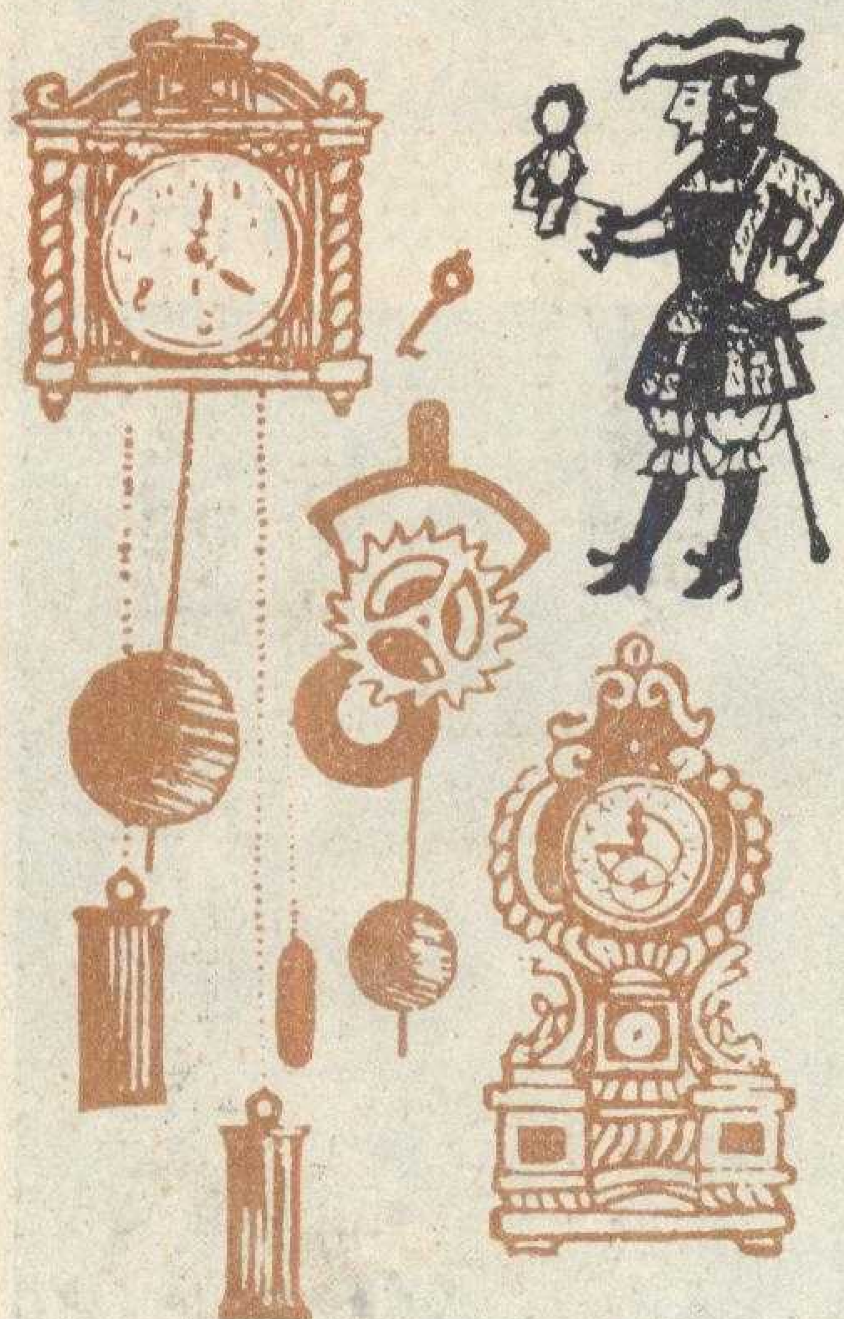
А. ДОРОХОВ

Мы привыкли к тому, что всякую книгу надо начинать читать с начала, а затем перелистывать страницу за страницей, пока не дойдешь до конца.

А сейчас передо мной лежит толстая, нарядная, украшенная преинтересными картинками книга, которую можно начинать читать с любой страницы.

Не верится? А вот посмотрим!

«...Как-то раз таджикский пастух Джур-Али вслед за своими овцами забрался на таинственную гору Муг. Побежав за отбившейся овцой, Джур-Али споткнулся о торчавшие из земли прутья. Он стал копать землю ножом и вытащил корзинку, в которой лежало письмо, написанное непонятными буквами. Так простой пастух нашел письмо, написанное... тысячу двести лет назад! А затем ученые раскопали на этом месте остатки дворцов, храмов и крепостей и узнали о древнем государстве согдиан, о котором до того почти ничего не было известно...»

Интересно? Это я начал читать на странице 292-й.

«...Как же получили жирафы свою длинную шею? В летний зной трава в степи-саванне выгорала, а листья на деревьях оставались. Жирафовы предки тянулись к веткам, шею вытягивали и на цыпочки вставали. Тем, у кого шея и ноги были чуть подлиннее, жилось легче и сытней. Они дольше жили и сильнее размножались. И вот через тысячи лет получились нынешние жирафы, у которых рот высоко над землей, а ноги раздвигаются, как ножки циркуля, чтобы подбирать с земли упавшие ветки...»

Тоже интересно? А это я начал читать с 236-й страницы.

«...Сто лет назад карманные часы делали без секундной стрелки, и никто на это не жаловался. А теперь спортивные судьи следят за соревнованиями конькобежцев по секундомерам, отмечающим десятые доли секунды. Но это еще не все. Ученые уже пользуются кварцевыми и атомными часами, измеряющими время с точностью до одной... десятимиллиардной доли секунды. Такие часы могут ошибиться за триста лет всего на одну секунду...»

Интересно? С этого начинается страница 17-я.

«...На острове Мартиника в Атлантическом океане, в восьми километрах от потухшего вулкана Мон-Пеле, раскинулся город Сан-Пьер. Зеленые склоны вулкана всегда были любимым местом прогулок жителей города. Но 8 мая 1902 года над кратером вулкана мгновенно возникла гигантская огненная туча. Она понеслась на Сан-Пьер, и через несколько секунд города не стало. Из тридцати тысяч его жителей уцелел только один-единственный старик, который сидел в тюрьме, в глубоком подземелье...»

Это я начал читать страницу 73-ю.

«...Знаете ли вы, сколько частей в автомобиле? Около двух тысяч! Если все их сложить в одну кучу, понадобится целый час, чтобы их только пересчитать. А как же собрать из них машину? Ведь на это должно уйти множество дней. Но наши автозаводы выпускают по две-три машины каждую минуту. И могут это делать только потому, что сборщикам помогает конвейер. Это длинная стальная цепь, конец которой соединен с ее началом...»

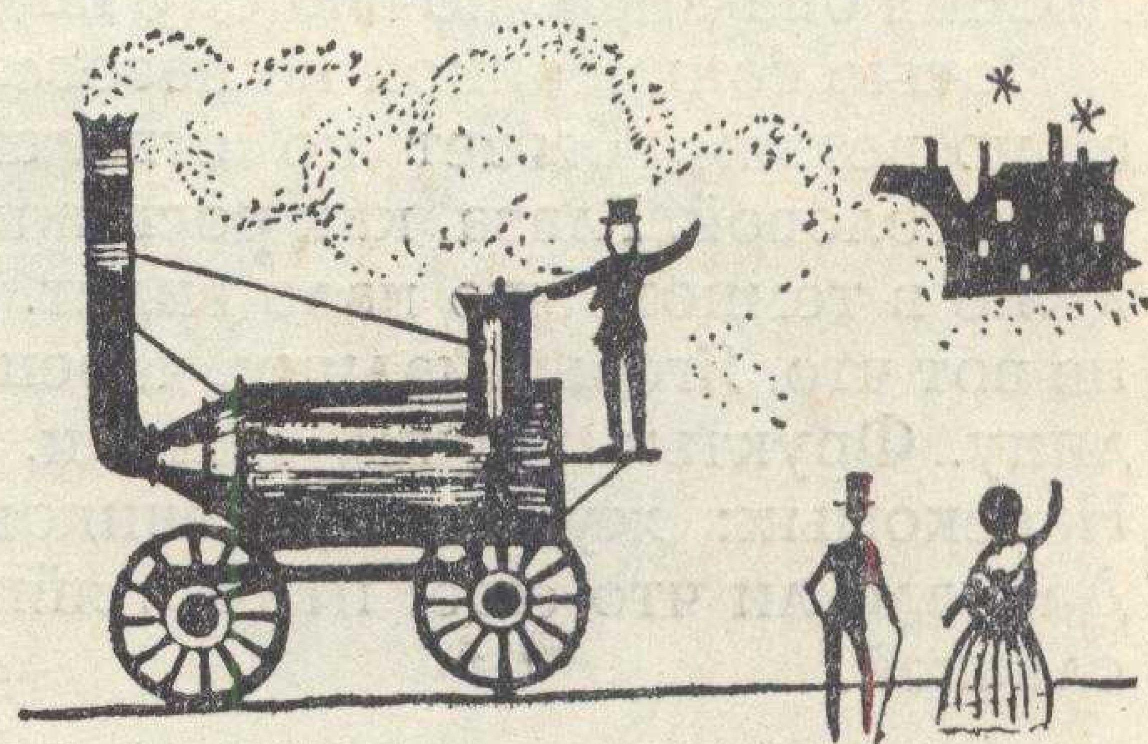
С этого рассказа начинается страница 320-я.

Что же это за книга, в которой каждый может найти то, что его больше всего интересует?

Эта книга называется **«Большой дом человечества».** Написали ее двадцать два детских писателя, а картинки к ней нарисовали шесть разных художников.

Конечно, эта книга не про все на свете. Это я немного преувеличил. Но про очень многое.

Если ты интересуешься устройством Вселенной, ты прочтешь в ней о том, на чем держится Земля и как выглядят планеты.

Если тебя интересуют путешествия, ты можешь прочесть о том, как был открыт морской путь в Индию, или о том, как, добравшись ценой нечеловеческих усилий до Южного полюса, англичанин Скотт увидел там норвежский флаг, оставленный за месяц до того экспедицией Амундсена.

В этой книге ты сможешь прочесть и о необыкновенных животных и о предках океанских кораблей, о египетских мумиях и о космических ракетах.

Словом, это книга об очень многом. И ее можно читать по кусочкам всю зиму.

Наши друзья дельфины...

Когда-нибудь люди научатся говорить по-дельфиньи...

Рассказы об этих огромных, добрых животных в последние годы не сходят со страниц газет и журналов. О них пишут научные книги, фантастические повести, строят разнообразные предположения об их смышлености, мудрости. В огромных океанариумах и дельфиньих цирках их наблюдают сотни человеческих глаз и десятки сложных научных приборов.

А из глубин истории неожиданно всплывают невероятные случаи и легенды о дельфинах. Оказалось, что в книгах древних ученых и писателей очень часто упоминаются эти удивительные животные.

Они всегда дружили с людьми. Спасали утопающих, охраняли от акул, проводили корабли по узким проливам.

Вспомнились и рассказы о людях, которые катались на дельфиньих спинах, о детях, которые спокойно играли с «морскими чудовищами».

В книге американки **Хелен Кей «Дельфин отвечает и спрашивает»** три главы: «Дельфины прекрасны», «Легенды и сказания», «Тайны дельфина».

Писательница сумела в небольшой книжке рассказать о дельфинах очень много.

Ученые-зоологи открывают все новые «тайны дельфина». Оказывается, природа снабдила этих добродушных гигантов множеством совершенных устройств. Дельфины прекрасно плавают в темноте, замечательно ориентируются в мутной воде, например, они сразу же подплывают к крошечной дробинке, брошенной в воду за несколько десятков метров от них. Эти гиганты оснащены потрясающе чутким ультразвуковым прибором.

А секреты скорости дельфина?

Они плавают почти в два раза быстрее своих искусственных соперников — быстроходных подводных лодок.

Дельфины очень любят «болтать» между собой, человека встречают лаем, кряканьем, свистом, они взвизгивают и хнычут, когда не могут догнать рыбу, мяукают, когда едят, пищат, испугавшись...

Пока известно, что дельфиний словарь состоит всего из десяти звуков, но сочетания этих звуков очень разнообразны. Ученые предполагают, что язык у дельфинов разумный, и кто знает, может быть, дельфины рассказывают друг другу необыкновенные истории, делятся впечатлениями...

В этом номере вы прочитали рассказ Александра Залесского про дельфина Семку. Если вы хотите больше узнать об этих чудесных животных, прочтите книгу Хелен Кей.

Г. ПАТЫНСКАЯ

ПОД ШАПКОЙ-НЕВИДИМКОЙ

Н. СЛАДКОВ

МЕДОВАЯ МЫШЬ

Живет в лесу, семь месяцев в году спит. Потому и называют — «лесная соня».

Спит она днем, ночью еду ищет.

Ночью соню сонной не назовешь. Прыгает по ветвям, бегает по стволам вверх и вниз головой. Глаза, как росинки, блестят и даже в темноте что надо видят. А надо соне вот что. Ягоды: малину, черешни, смородину. Фрукты: груши, яблоки, абрикосы. Насекомых: жуков, кузнечиков, бабочек. Да мало ли что еще: птичьи яйца, улиток, слизней.

Но больше всего любит соня мед. Заберется в улей и так меду наестся, что живот вздуется пузырем! За это пасечники прозвали ее медовой мышью.

СИНЯЯ ПТИЦА

Ее так и называют — «синяя птица». Древняя родина ее — Индия. Но живет она и у нас — в ущельях Тянь-Шаня.

Я долго искал встречи с ней. И сегодня у меня радость. Ну разве не радость своими глазами увидеть живое существо, которое никогда раньше не видел!

У самой реки я втиснулся между огромных холодных камней. Тяжелый водяной гул глушит все. Я вижу, как падают в реку камни, но всплесков не слышу. Я вижу, как широко разевают клювики горные овсянки и чечевицы, но песен их не слыхать. Я сам кричу для пробы — и не слышу сам себя!

В свирепом грохоте воды и вой ветра, и рев бури, и громыхание грома.

Но вдруг звук особый, острый, как нож, легко и шутя разрезал этот грохот и гул. Ни крик, ни рев, ни вой не смогли бы одолеть грохот реки: свист, похожий на визг, перекрыл все. В этом неистовом гуле он слышен так же легко, как у нас песня зяблика в тихое утро.

Это она — синяя птица. Она темно-синяя, ее видно издалека. Она поет, и песню ее не заглушить. Она сидит на камне посредине реки. Как два зеленых крыла, вокруг кам-

ня вздымаются и трепещут две упругих струи воды. Над ней водяная пыль, и в пыли переливается радуга. А сама она в блестках жемчуга, как в росе. Поклонилась и веером развернула хвост, хвост вспыхнул синим огнем...

Спина моя затекла, под боками острые камни, по ногам, втиснутым в щель, ползают противные черные слизни. Я оглох от грохота и вымок от брызг. Но я не свожу с нее глаз: доведется ли когда-нибудь еще встретить синюю птицу...

БАБОЧКИНА ДОРОЖКА

Сквозь мокрые от росы травяные джунгли тянется сухая каменная дорожка. Кусты и трава набухли водой, куст задень — как из ведра обольет, в траву шагни — и до пояса мокрый. А дорожку солнце уже подсушило; идешь—только камешки под ногами позвякивают.

Ночью ползали по дорожке огромные черные слизни, всю дорожку разрисовали блестящими слюдяными полосками. Сейчас слизни уползли в темные мокрые заросли. А оттуда к теплу, солнцу и сухости прилетели пестрые бабочки.

Разноцветные камешки, разноцветные бабочки. Белые, желтые, голубые. Бурые, красные, рыжие. В полоску, с пятнами, в крапинку. Большущие, как листья клена, и крохотные, как незабудки.

Я иду, а они взлетают, порхают над головой и сейчас же опускаются сзади. Живая пестрая лента взлетает волной и, перемахнув через голову, обрушивается на камни. И кажется, что брызги летят: это крохотные бабочки голубянки взлетают вверх.

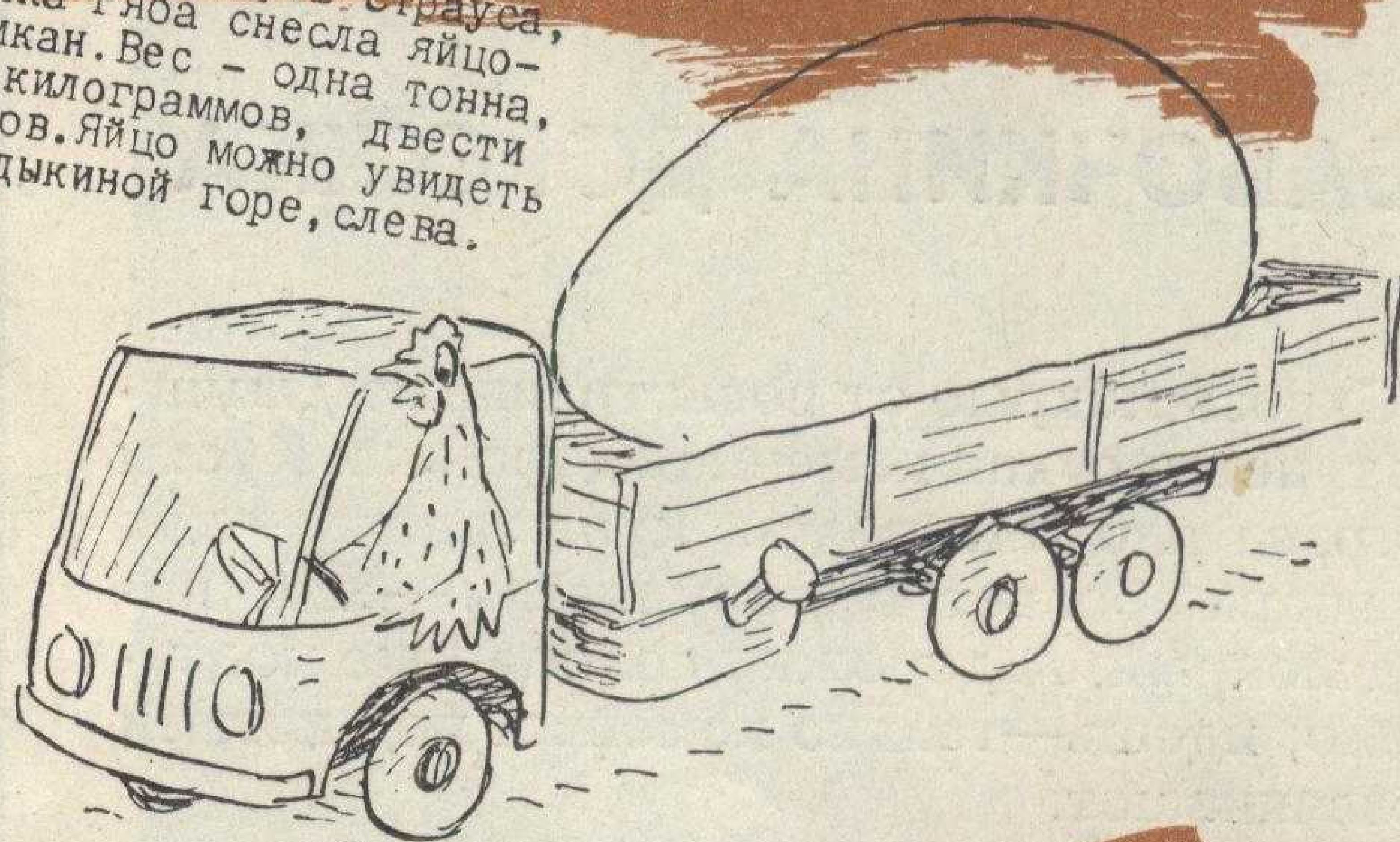
Обратно я иду в полдень. Мокрые джунгли уже просохли. Везде раскрылись цветы. И пестрые бабочки разлетелись. Дорожка пустынна, только камешки позвякивают под ногой.

НОВОГОДНЯЯ

Решив переплюнуть страуса, Курочка Ряба снесла яйцо-великан. Вес – одна тонна, пять килограммов, двести граммов. Яйцо можно увидеть на Кудыкиной горе, слева.

В интервью Баба-Яга заявила, что летные испытания сверхзвуковой ступы завершены. Ступа будет использована как на внутренних, так и на межконтинентальных трассах.

Комиссия по проведению Нового года не допустила на елку Колобка, заявившего, что он от бабушки ушел, от дедушки ушел, а с пионерского сбора и подавно уйдет.

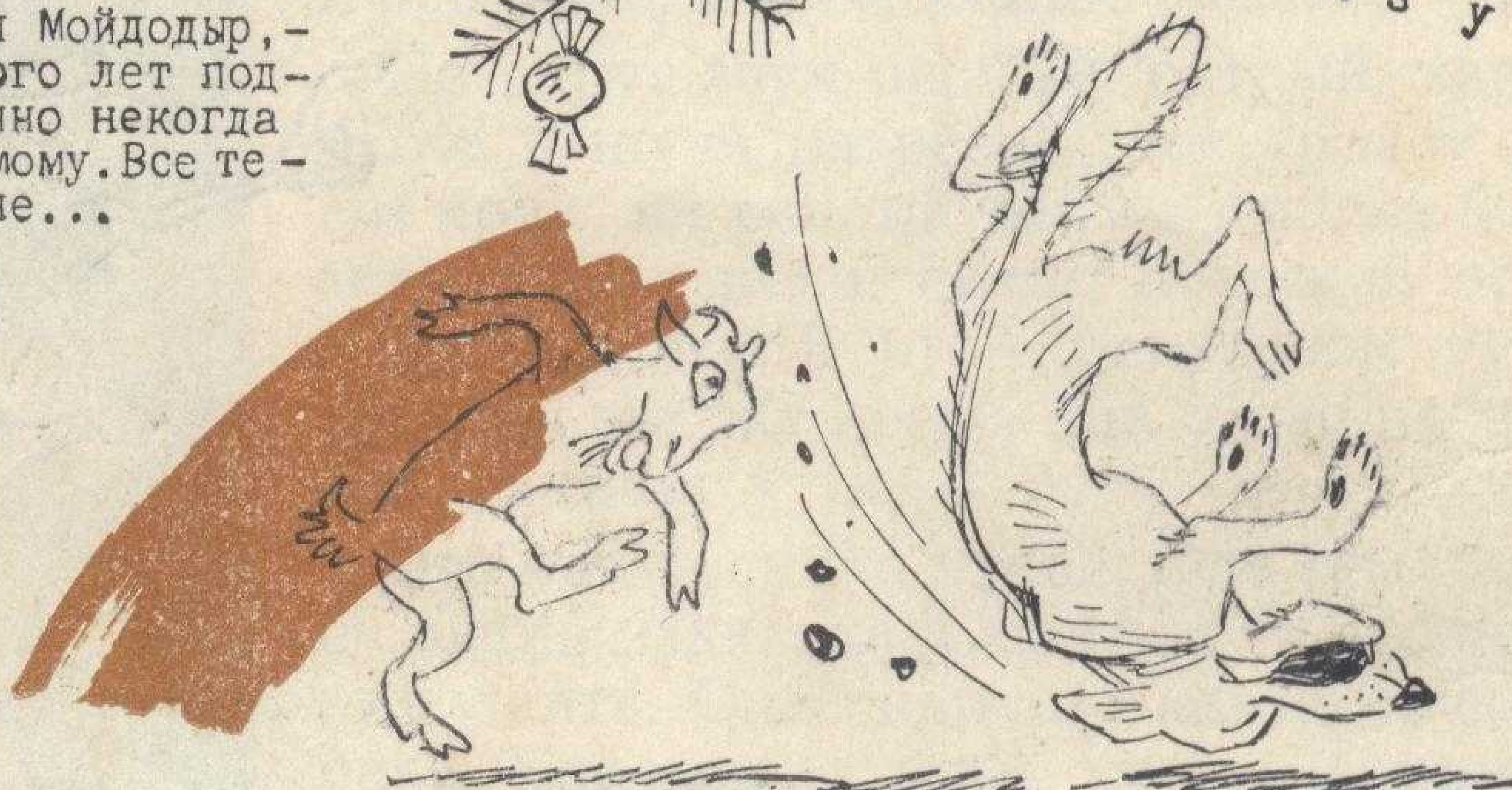

По слухам /еще не проверенным/ Мишка-медведь участвовать в карнавале не будет. Он, говорят, принял снотворное на зиму и, пробудившись, расскажет свои новогодние сны.

Семеро козлят, изучив САМБО, провели дружескую встречу с волками. Счет 7:0 в пользу козлят.

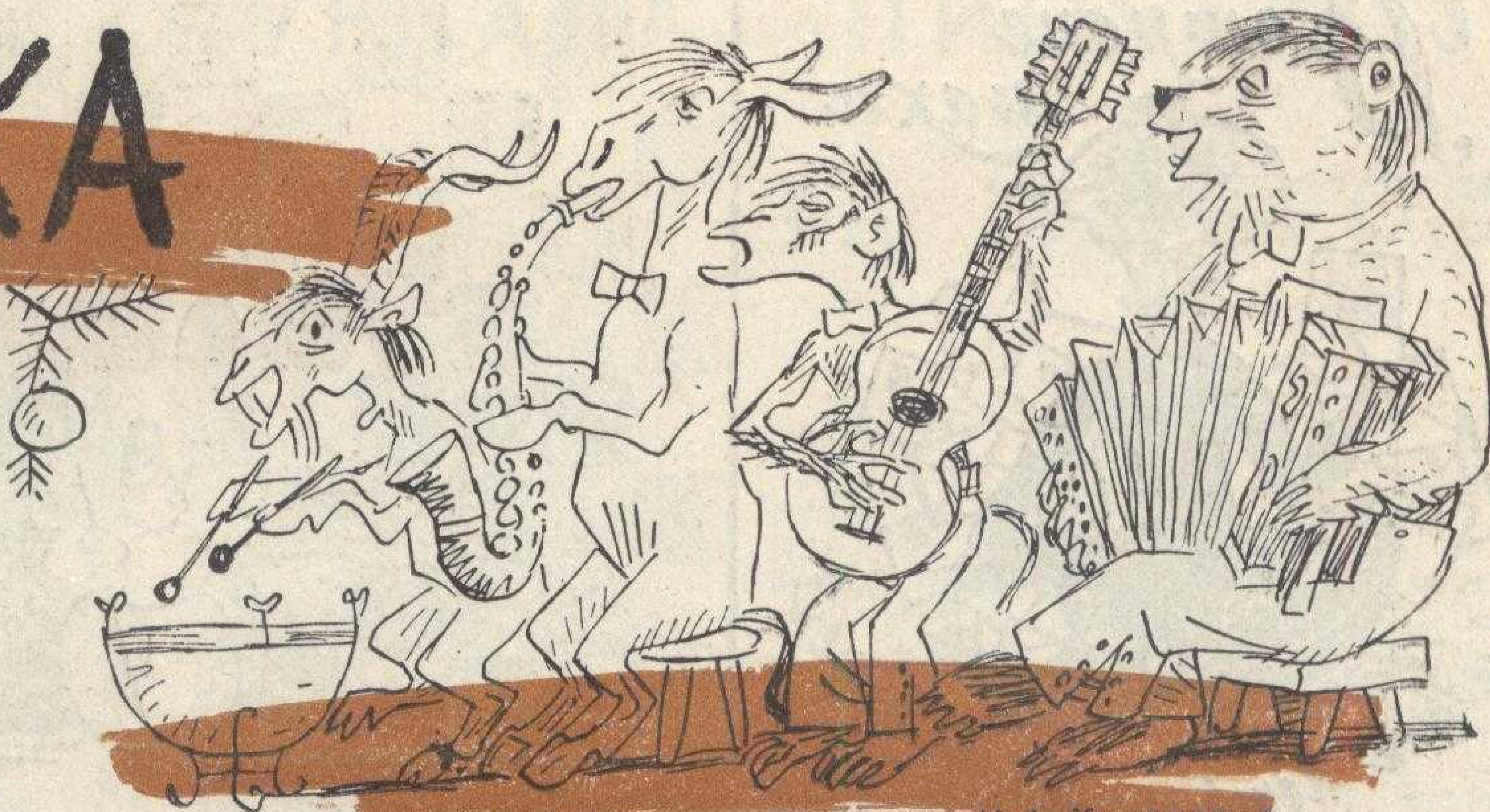

–Мне, –заявил Мойдодыр, –вот уже много лет подряд совершенно некогда вымыться самому. Все тело в ржавчине...

ХРОНИКА

ЖУРНАЛ "ПИОНЕР" ДОВОДИТ ДО СВЕДЕНИЯ ЧИТАТЕЛЕЙ,ЧТО НОВЫЙ ГОД ПРИБЛИЖАЕТСЯ.ЖУРНАЛ "ПИОНЕР"РЕКОМЕНДУЕТ ВСЕМ НЕ ОПАЗДЫВАТЬ НА ЕЛКУ..

Эстрадный квартет им.И.А.Крылова в прежнем составе,наконец, сыгрался и исполняет новейшие джазовые мелодии "Чижик-пыжик" и другие.

Сообщают,что Дед Мороз срочно сдал в химчистку шубу и бороду.

На вопрос:"Над чем вы работаете?" Кот в сапогах ответил:
– Перевожу на английский язык сказку о себе, но не знаю,как будет по-английски "мяу"?

Домоуправление "Теремок" объявляет, что, кроме Мышки – норушки, Лягушки-квакушки,Зайчика-побегайчика и других, туда вселились Слон – пять тонн и Бегемот с семейством.На Новый год Кит придет...

Универмаг "Сказочная одежда" предлагает новинку сезона шапку-невидимку.Ее обладатель полностью виден,зато сама шапка невидима

Стало известно,что ученик 5 класса "ы" Мальчик – с – Пальчик сдал в металлолом трубу газопровода.Школа вышла на первое место.

Узнаете старого друга? Это Пешкин мчится к вам на своем верном коне.

Как обычно, Пешкин прибыл не с пустыми руками. Полным-полна его сумка разными шахматными историями, хитрыми задачами, коварными комбинациями.

На этот раз Пешкин предлагает вам принять участие в веселом каникулярном турнире: пятьдесят грамот «Ферзя и ладьи» ждут победителей.

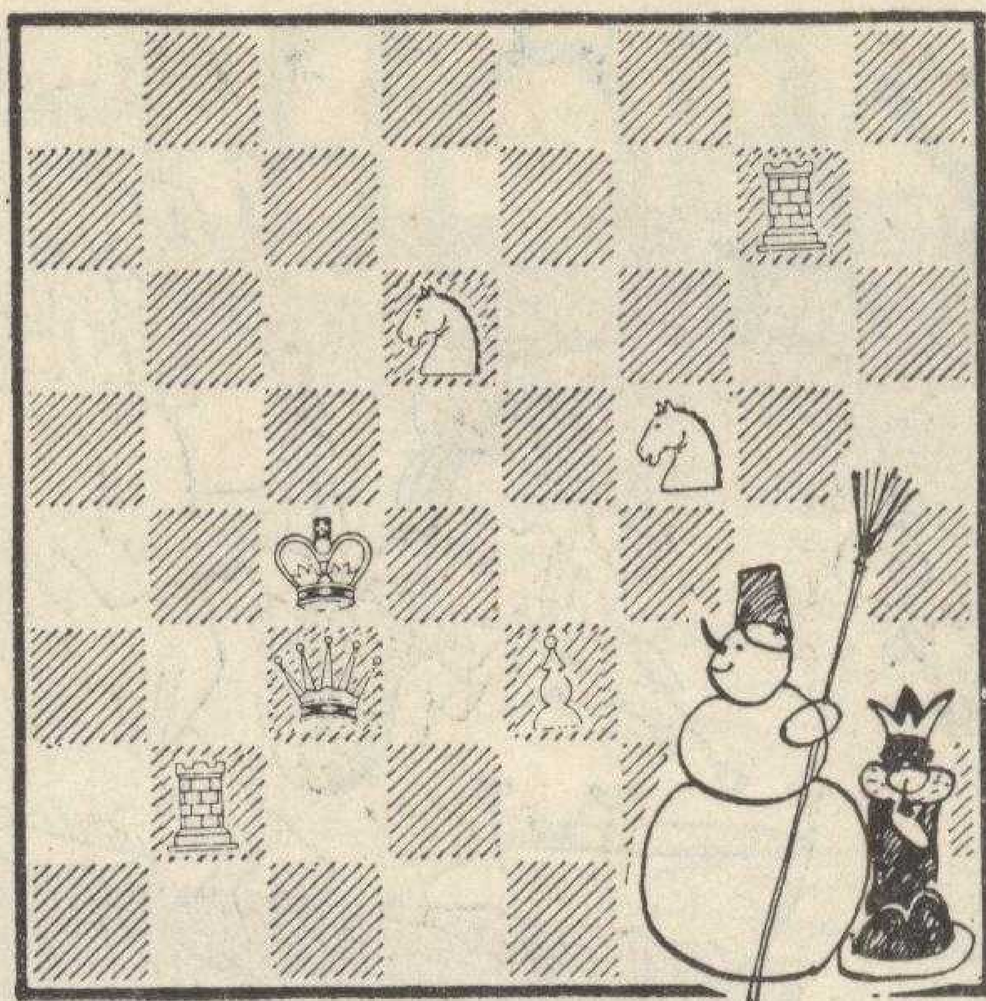
Смотрите, не попадите в цейтнот. Решения высылайте не позднее, чем через две недели после получения этого номера журнала.

ШАХМАТНАЯ АРИФМЕТИКА

Пустынный ландшафт изображен на диаграмме вверху.

Почему в этой позиции только белые фигуры, а черный король притаился возле шахматной доски?

Потому, что это необычная задача из области... шахматной арифметики. Пешкин решил проверить, в ладах ли вы с этой наукой.

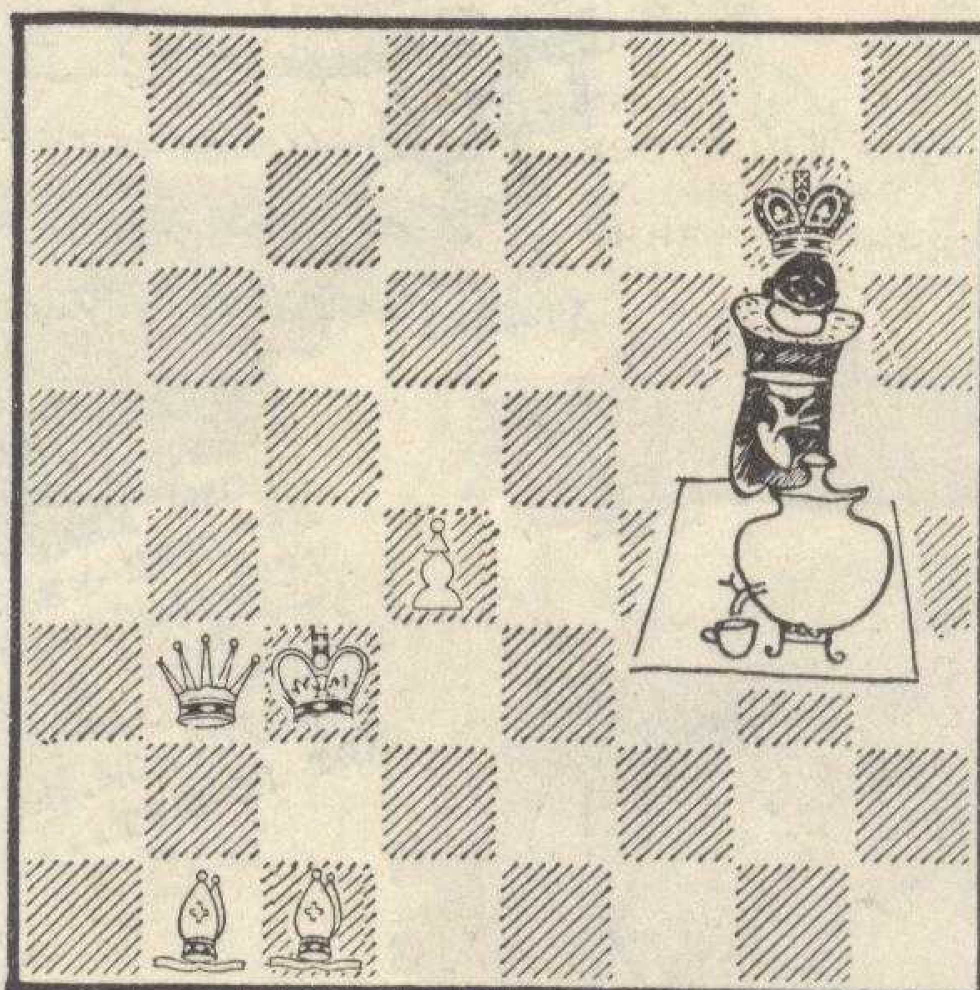
Вам предстоит извлечь черного короля из укрытия и поставить его на шахматную доску.

Найдите для черного короля такие поля, где он оказался бы запатованным. Сколько вы насчитаете таких полей?

И еще один вопрос: на каких полях черный король при своем появлении получит мат в один ход?

ДВЕ ЗАДАЧИ В ОДНОЙ

Далеко в стороне от атакующих сил противника устроился черный король.

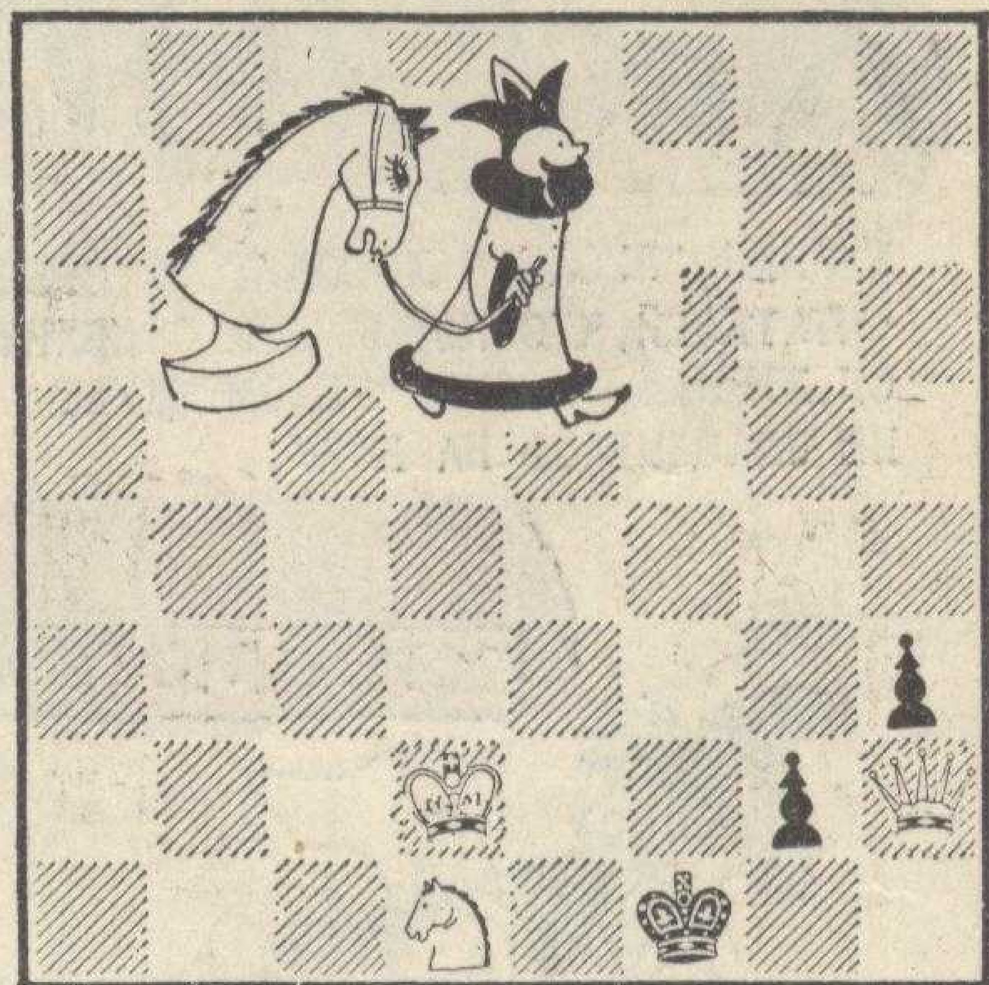
Но участь его решена. Начиная игру, белые дают мат в два хода. Попробуйте найти решение этой задачи. А затем переставьте слона с1 на а3 и снова найдите мат в два хода черному королю.

ФЕРЗЬ ИЛИ КОНЬ!

Казалось бы, очень просто заматовать черного короля в следующем положении.

Но на выручку королю приходит пешка g2. Ведь ее можно превратить в различные фигуры, она сможет, например, стать и ферзем и конем...

И все же, начиная игру, белые дают мат в два хода. Посоветуйте, как им надо играть?

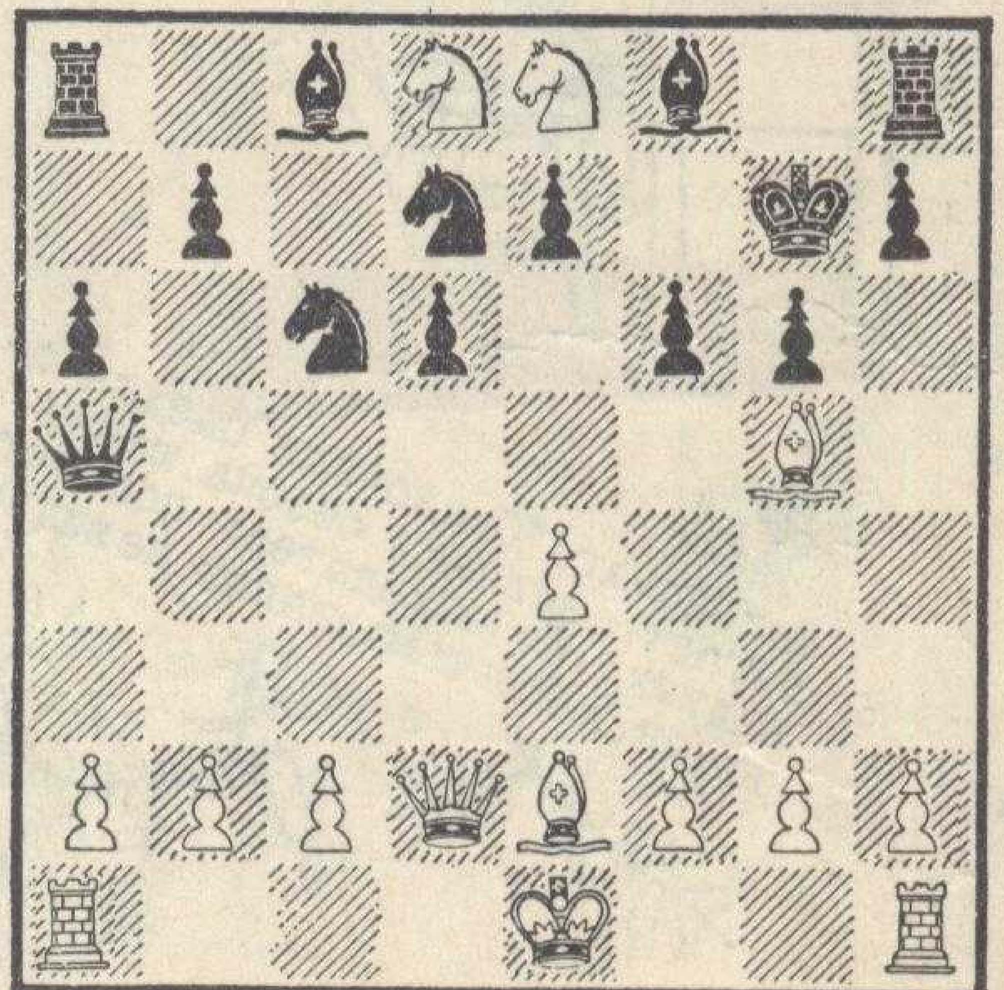
ПОСПЕШИШЬ — ЛЮДЕЙ НАСМЕШИШЬ

Так торопился Пешкин на встречу с вами, что потерял листок, на котором были записаны несколько ходов из следующей партии.

Вот что происходило в этом поединке:

1. е2 — е4 с7 — с5 2. Кg1 — f3 Кb8 — с6 3. d2 — d4 с5 : d4 4. Кf3 : d4 Кg8 — f6 5. Кb1 — с3 d7 — d6 6. Сс1 — g5 а7 — а6 7. Фd1 — d2 Кf6 — d7 8. Сf1 — е2 g7 — g6.

Разыграли начало партии. А теперь посмотрите на заключительную позицию, в которой черные сдались.

Дистанция всего лишь в пять ходов отделяет это удивительное положение от того, которое стоит у вас на шахматной доске.

Найдите эти пять ходов, помогите рассеянному Пешкину. Напишите нам об ошибках, которые привели черных к столь быстрому поражению.

Пешкин ждет ваших писем, друзья. Он с радостью вручит заслуженные награды победителям конкурса.

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «ПИОНЕР» ЗА 1967 ГОД

ПОВЕСТИ

РАССКАЗЫ

СКАЗКИ

ТЕАТР «ФОНАРИК»

(Пьесы)

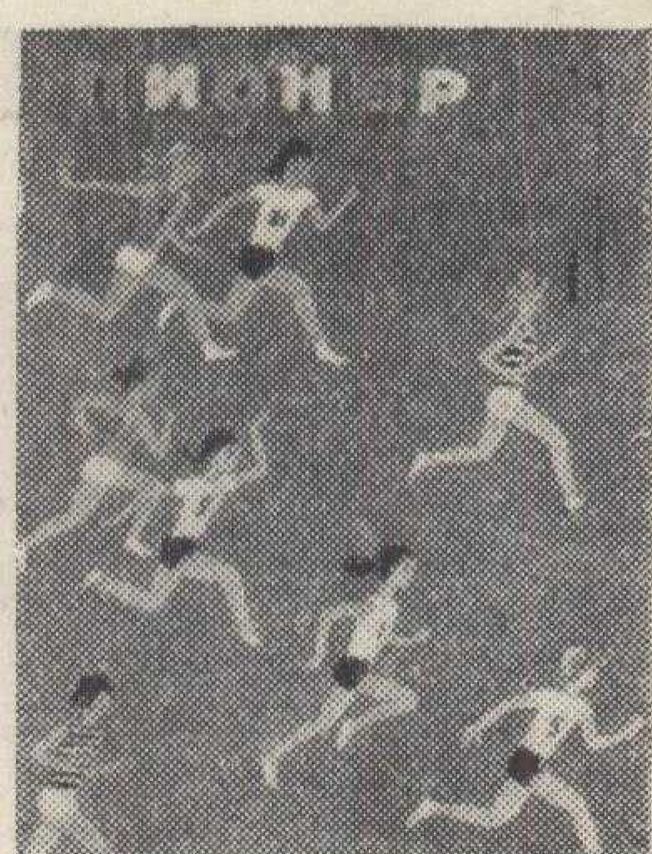
СТИХИ

ОЧЕРКИ О ЖИЗНИ У НАС И ЗА РУБЕЖОМ

ПО КОМПАСУ ОКТЯБРЯ

СТРАНА СОВЕТОВ — ДЕЛА СОВЕТОВ

ШКОЛЬНАЯ И ПИОНЕРСКАЯ ЖИЗНЬ

НАДО ПОСОВЕТОВАТЬСЯ

РИСУЮТ, ФОТОГРАФИРУЮТ И ПИШУТ НАШИ ЧИТАТЕЛИ

СПОРТ

НАУКА И ТЕХНИКА

В ГОД ПЯТИДЕСЯТЫЙ, ЮБИЛЕЙНЫЙ

ТОЛЬКО ДЛЯ МАЛЬЧИШЕК

ИСКУССТВО

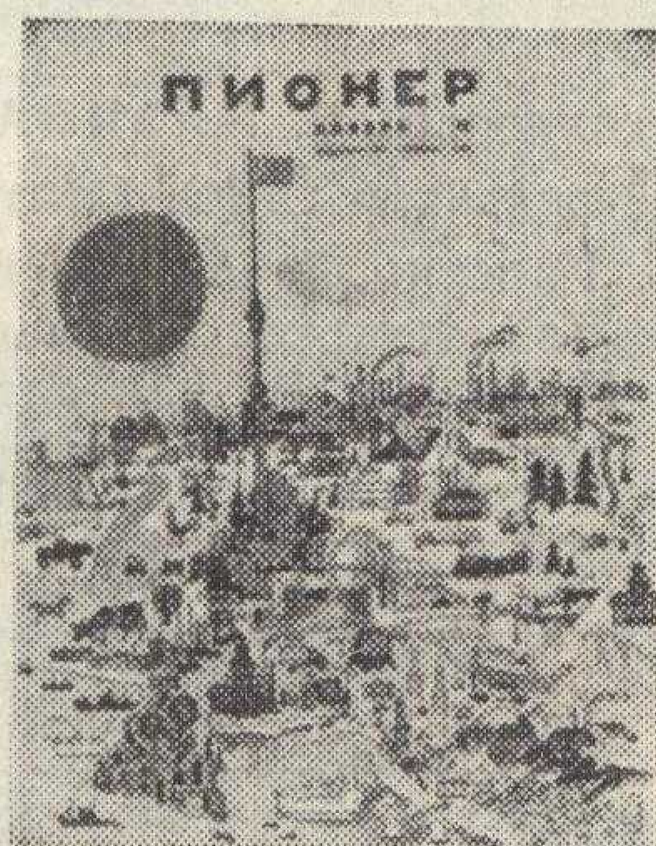
СМОТРИТЕ НЕ ПРОПУСТИТЕ

АНКЕТА 67

Ты держишь в руках последний, двенадцатый номер твоего журнала.

Следующая книжка «Пионера» придет к тебе ровно через месяц, уже в новом, 1968 году.

По традиции каждому нашему читателю вместе с последним номером года мы посылаем нашу анкету — несколько вопросов и надеемся, ты скоро нам ответишь.

И тогда, собрав все ответы, мы увидим, какая повесть и какой рассказ, какие стихи и какие рисунки больше всего ребятам понравились, крепко пожмем руки их авторам и попросим их писать и рисовать для «Пионера» и в будущем году.

А о том, что мы узнаем из ответов читателей, мы расскажем всем в мартовском номере журнала.

Итак, взгляни еще раз на содержание «Пионера» за весь год, все взвесь и начинай отвечать.

1. Какая повесть в этом году тебе понравилась больше других? ____________

____

2. Какой рассказ? ____________

____

3. Какие стихи и какая сказка? ____________

____

4. Какой очерк или статья? ____________

____

5. Какая обложка тебе показалась лучше других, рисунки какого художника ты больше всего любишь? ____________

____

6. Что тебе не понравилось в «Пионере»-67? ____________

____

7. Что ты хочешь предложить своему журналу на будущее? ____________

____

8. Сколько тебе лет? ____________

Просто, изящно, современно

Мальчики и девочки, разумеется, не растут на деревьях. Рисунок, который ты видишь на четвертой полосе обложки,— шутка художника. Но эта шутка одновременно — совет, как одеться красиво и удобно зимой и осенью, летом и весной.

Недавно модельеры многих стран мира прислали в Москву, на Международную выставку одежды, самые красивые платья, пальто, спортивные костюмы.

Наш художник Наталья Доброхотова приходила на выставку, выбирала лучшие модели, делала зарисовки. Рассмотри внимательно ее рисунок, покажи его маме, старшей сестре, и все вместе вы решите, что тебе больше подходит.

Конечно, это вовсе не значит, что сейчас же надо шить новые наряды. Но когда для них придет время, вспомни про этот рисунок, и твое новое платье будет выглядеть просто, изящно и современно.

Содержание

Главный редактор **Н. В. ИЛЬИНА.**
Художественный редактор **С. Ю. Сахарова.**
Редакционная коллегия: **Т. В. Голубцова, В. А. Каверин, Л. А. Кассиль, Е. Л. Коваленко** (ответственный секретарь), **Ф. В. Лемкуль, В. Ф. Матвеев** (заместитель главного редактора), **А. И. Мошковский, А. И. Мусатов, А. С. Некрасов, В. И. Орлов, В. А. Поддубная, М. П. Прилежаева.**

Адрес редакции: **Москва, А-15, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.** Телефон Д 3-30-73.

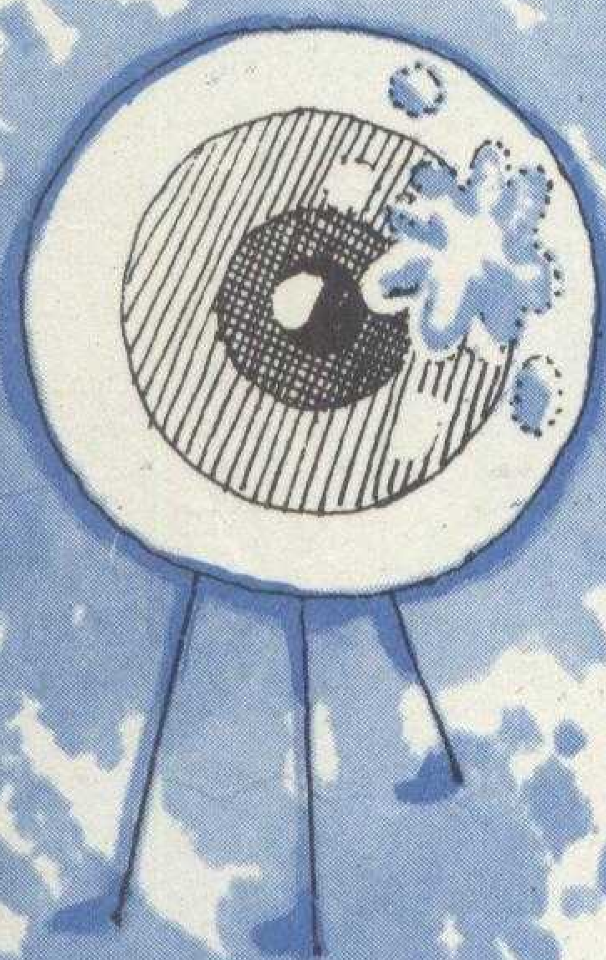
Рукописи не возвращаются. Технический редактор **В. Пархоменко.**

А 00284. Подписано к печати 2/XII 1967 г. Форм. бум. 84×108 1/16. Объем 8,82 усл. печ. л. 10,11 учетно-изд. л. Тираж 791 000 экз. Изд. № 2331. Заказ № 3322.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

это игры на снегу,
это игры на бегу

Цена 25 коп.
Индекс 70694